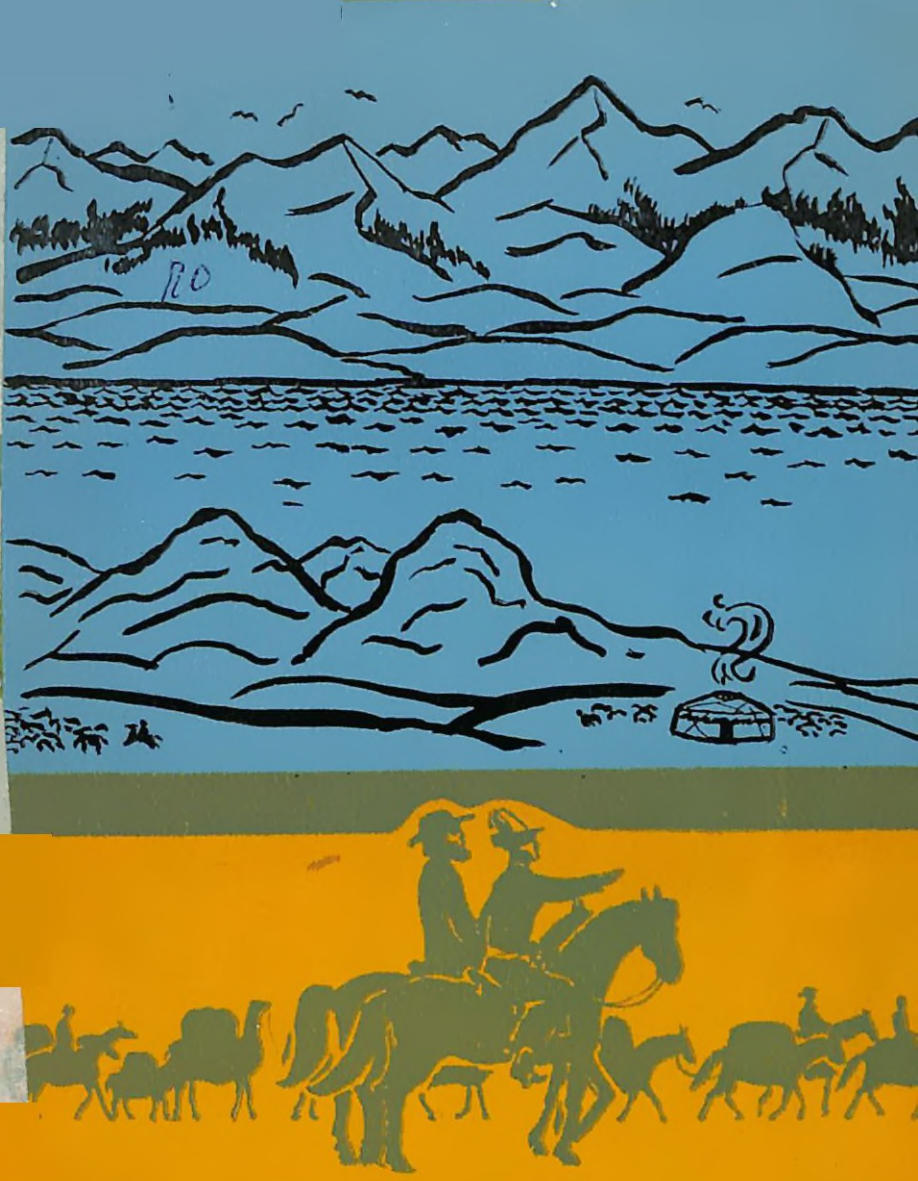

С. УМУРЗАКОВ

С ЧЕТЫРЕХ СТОРОН ГОРИЗОНТА

С. УМУРЗАКОВ

С ЧЕТЫРЕХ СТОРОН ГОРИЗОНТА

Очерки по истории географических исследований Киргизии

ФРУНЗЕ 1983

26.8Г
У 56

Умурзаков Садыбакас.

У 56 С четырех сторон горизонта: Очерки по истории географических исследований Киргизии.— Ф.: Мектеп, 1983. — 112 с.

В книге очерков рассказывается об истории географических исследований и открытий, о том, как путешественники разных стран раскрывали тайны гор Ала-Тоо. Рассматриваются некоторые исторические, географические и топонимические загадки Тянь-Шаня. Предназначена учащимся при изучении истории, географии и этнографии родного края, а также широкому кругу читателей, туристов, всем, кто интересуется природой Киргизстана.

У $\frac{1905020000-206}{М\ 452\ (17)-83}$ 144.82

91(09)+91(С 54)
ББК 26.8Г.+26.89 (2Ки)

Рецензенты: доктор географических наук *В. А. Есаков,* кандидат географических наук *Б. Ш. Чормонов*

© Издательство «Мектеп»

Умурзаков Садыбакас

С ЧЕТЫРЕХ СТОРОН ГОРИЗОНТА

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ КИРГИЗИИ

Редактор М. М. Картавов
Рецензенты: В. А. Есаков, Б. Ш. Чормонов
Художественный редактор Ж. Карыппаев
Техн. редактор Р. Муканбетова
Корректоры С. М. Кузьмина, Л. М. Михалькова

ИБ № 2279

Сдано в набор 29. 07. 83. Подписано к печати 6. 10. 83. Д—02490. Формат бумаги 84×108$^{1}/_{32}$. Бумага книжно-журнальная. «Литературная» гарнитура. Печать высокая. 3,5 физич. печатных листа. 5,88 условн. печатных листа. 6,73 учетно-издательских листа. 6.3 усл. кр.-отт. Тираж 9000. Заказ № 300. Цена 20 коп.

Издательство «Мектеп».
720361, ГСП, Фрунзе, ул. Советская, 170.

Киргизполиграфкомбинат им. 50-летия Киргизской ССР Госкомиздата Киргизской ССР.
720461, ГСП, Фрунзе, 5, ул. Жигулевская, 102.

ПРЕДИСЛОВИЕ

22 сентября 1980 года. Необычайное оживление царит сегодня в Киргизском академическом театре оперы и балета. Снаружи, на фасаде здания, огромная эмблема с изображением земного шара и с римской цифрой семь. У входа в здание театра скопление людей, желающих попасть в театр. Многолюдно и внутри. Зрительный зал, балконы и ярусы верхних этажей уже заполнены до отказа. Забиты людьми входы и частью проходы. У всех приподнятое настроение, чувство ожидания. Всюду слышится смех, шутки, обмен новостями. Вперемешку с русской звучит киргизская и грузинская, латышская и немецкая, даже испанская речь. Как будто здесь находятся люди разных рас и национальностей, стран и континентов. Так оно и есть. В город Фрунзе, столицу Киргизской ССР, со всех концов Советского Союза съехались ученые и преподаватели, представители министерств и ведомств, специалисты проектных институтов и общественные деятели, журналисты и студенты.

Люди самых разных профессий и специальностей — географы и геологи, экономисты и картографы, гидрологи и метеорологи, почвоведы и ботаники, медики и биологи — собрались сюда на свой VII Всесоюзный географический съезд. Среди его участников знаменитые советские исследователи суши и мирового океана, земных недр и космического пространства. Вот поднимается по лестнице гордость советской географии, один из покорителей Северного полюса Земли, доктор географических наук, дважды Герой Советского Союза Иван Дмитриевич Папанин. Рядом с ним — другой выдающийся полярный исследователь, руководитель и участник многих советских арктических и антарктических экспедиций, Герой Социалистического Труда, президент Географического общества СССР, член-корр. (ныне академик) АН СССР Алексей Федорович Трешников.

О чем-то оживленно беседует с группой делегатов съезда академик Иннокентий Петрович Герасимов — директор Института географии АН СССР, председатель Национального комитета советских географов, один из крупнейших географов современности. В числе его собеседников — академик АН Киргизской ССР, ректор Киргизского государственного университета, профессор Канп Оторбаевич Оторбаев, член-корр. АН УССР, глава украинских географов, профессор Александр Мефодиевич Маринич...

Велики достижения и авторитет советской географии. На ее фо-

рум прибыли зарубежные делегации — ведущие географы ряда стран Старого и Нового Света. Из далекой социалистической Кубы пожаловал на съезд профессор Гаванского университета Каньяс Абриль Педро, чехословацкую делегацию возглавляет директор Института географии Академии наук, доктор Яромир Демек. А этот плотный, невысокого роста ученый муж в роговых очках — замечательный венгерский географ и картограф, профессор Шандор Радо, отважный советский разведчик в годы борьбы с немецким фашизмом, известный под псевдонимом Дора.

В 17 часов под сводами огромного зала вспыхивает овация. Седьмой съезд Географического общества СССР объявляется открытым. Начинается большой деловой разговор, разносторонние дискуссии о путях развития советской географии, об эффективности научных исследований и повышении роли географических наук в решении народнохозяйственных задач. Съезд обсудил также современные проблемы и перспективы развития географических наук в Киргизии. О них с трибуны съезда говорили профессора В. С. Преображенский и А. М. Рябчиков (г. Москва), А. М. Маринич (г. Киев), Б. А. Будагов (г. Баку), В. В. Воробьев (г. Иркутск), С. Б. Лавров (г. Ленинград), гости из зарубежных стран.

«Огромны и незабываемы наши впечатления от поездки по прекрасной гостеприимной киргизской земле»,— сказал нам, уезжая из Фрунзе, член-корр. Академии педагогических наук СССР, профессор МГУ, известный советский географ Александр Иванович Соловьев. — «За одну или две кратковременные поездки,— продолжает он,— не объездишь такую обширную горную страну, как Тянь-Шань, богатую и разнообразную в природном, высокоразвитую в экономическом и культурном отношениях. Эта не равнинная территория, где все видно как на ладони. Для того, чтобы увидеть и по-настоящему познакомиться с вашей страной, ее величественными горами и долинами, оазисами и сыртами, городами и селениями, нужны годы и годы. Но где взять столько времени? Да и не каждый из нас имеет возможность ежегодно побывать в горах Ала-Тоо. Лучше всего напишите книги хорошие и разные о своем чудесном горном крае, его природе и людях, прошлом и настоящем, особенно о замечательных исследователях Тянь-Шаня. История географических исследований Тянь-Шаня и Памира, Средней и Центральной Азии — целая эпоха, яркие славные страницы в процессе становления и развития нашей науки. По вашим книгам, картам, фильмам мы будем учить студентов. Пусть ваши труды станут путеводителями для будущих исследователей».

Такие же пожелания мы слышали и от других участников всесоюзного съезда, от учителей, туристов, краеведов. Но удовлетворить эти запросы не просто. Мало и редко еще издается в республике научно-популярных работ о природе, достопримечательных местах, выдающихся исследователях края.

Предлагаемая вниманию читателя книга написана с учетом выска-

занных пожеланий. Она предназначена для тех, кто неравнодушен к исторической тематике, интересуется историей изучения и освоения родного края и хочет знать о его исследователях. К сожалению, в небольшой по объему работе невозможно широко, с необходимой полнотой осветить все основные вопросы, связанные с историей исследований Киргизии за более чем двухтысячелетний период, если начало исторического процесса отсчитывать со времени первых письменных упоминаний о территории страны. Поэтому данная работа является скорее историческим экскурсом, чем цельным исследованием.

Наша цель — дать читателю представление о постепенном расширении знаний о Киргизстане, его природе, населении, исторической географии, рассказать о людях, связанных с исследованием края и их вкладе в науку.

Книга состоит из отдельных очерков. Первый из них — вводный — бегло рисует общую картину исторического процесса. Далее читатель найдет более подробное описание отдельных событий, эволюции представлений о том или ином природном комплексе, социально-экономическом явлении, постановке или решении научных гипотез, разгадке топонимической тайны и т. д.

Работа написана на основе литературных и архивных данных. Использованы также полевые материалы, собранные автором за последние три десятилетия. Многие положения и выводы, высказанные здесь, опираются на факты, известные давно или установленные нашими предшественниками, на находки и догадки автора, иные из них — спорны и гипотетичны. Чтобы не увеличивать объем работы, некоторые наши идеи и соображения приведены в тезисной форме или простой констатации, без необходимой их аргументации.

Несколько слов об объеме географических названий «Средняя Азия» и «Тянь-Шань», часто встречающихся в книге. Первое из них употребляется двояко: 1) как понятие политико-административного порядка, один из основных экономических районов СССР, включающий территории союзных республик — Киргизии, Узбекистана, Туркмении и Таджикистана; 2) как физико-географическая страна; в этом случае в нее входит еще южная часть Казахстана. Как синоним этому названию применяется топоним Туркестан.

Вместо топонима Тянь-Шань автор чаще употребляет старинные киргизские названия горного края — Ала-Тоо («Пестрые горы; Великие, снеговые горы») и Тенир-Тоо («Небесные, священные горы»; по К. Риттеру — «Божьи горы»). Тянь-Шань — общее, искусственное название всей горной системы, простирающейся по территории нескольких республик, незнакомое местному населению. Оно входит в обиход через печать, литературу, радио и телевидение. К этим названиям мы еще вернемся.

В период полевых экспедиционных работ и командировок автор встречался со многими старожилами, знатоками края. Они щедро делились с нами своими знаниями исторического прошлого, местной то-

понимии и другими. В настоящей работе, в ряде случаев, мы опираемся на их драгоценные, порою единственные в нашем распоряжении, данные. К сожалению, время неумолимо. Оно не считается с человеческими возможностями. Ряды моих информаторов уже редеют, и не до всех дойдут слова душевной благодарности автора. Их имена мы назовем в своем месте.

Иллюстративный материал дан в книге в ограниченном количестве. Ориентироваться в описанной ситуации и обилии географической номенклатуры в какой-то мере помогут читателю приложенные картосхемы, составленные с использованием работ А. Н. Бернштама (1941, 1952), П. Н. Кожемяко (1959), В. А. Ранова (1973), О. Г. Большакова (1977), М. Б. Юнусалиева (1979) и других, но с уточнением или иной трактовкой некоторых данных и положений этих авторов, о которых идет речь.

Библиография, примечания и принятые в работе сокращения приведены в конце книги. Даты до 1917 г. даны по старому стилю.

Автор выражает искреннюю признательность доктору географических наук В. А. Есакову и известному киргизскому археологу Д. Ф. Виннику за просмотр рукописи и ценные замечания, кандидату геолого-минералогических наук И. И. Войтовичу за помощь в чтении текстов из иностранной литературы и профессору М. М. Картавову, взявшему на себя труд редактирования настоящей книги.

С ЧЕТЫРЕХ СТОРОН ГОРИЗОНТА

Изучение, познание природы, истории или другого социально-экономического явления любой страны—сложный длительный процесс. Он связан со всеми этапами развития человеческой цивилизации. Хотя история географических исследований насчитывает не одну тысячу лет, но о полной, исчерпывающей изученности Земли говорить не приходится. Для каждой общественно-исторической эпохи, в зависимости от состояния развития общественного производства, науки и техники,— свой уровень знаний и соответствующие задачи.

Как бы то ни было, изучение истории региональных исследований, подведение итогов изученности явлений и геокомплексов, анализ и синтез развития мысли и идей, определение задач на будущее важны как в научном, так и практическом отношениях.

Все страны и континенты, моря и океаны с давних пор являлись объектом разносторонних исследований, продолжающихся поныне. Для одних процесс изучения был длительным, систематическим, для других — менее продолжительным и эпизодическим. Все зависело от времени, исторических условий и уровня общественного развития, близости или удаленности объектов исследования от культурных центров.

С самого начала процесс изучения носил интернациональный характер. Переселение народов, военные походы и завоевания, торговые сношения и политические связи между странами способствовали общению народов, обмену товарами, распространению знаний. В процессе географических открытий и изучения Земли, начиная с древнейших времен, участвовали представители всех народов, больших и малых. Это касается не только суши, но и мирового океана, а также полярных областей. Например, многие острова Тихого океана были заселены и изучены выходцами из стран Юго-Восточной Азии задолго до прихода туда европейцев, приписавших себе честь открытия этих земель.

Вряд ли можно найти страну, значительный по размерам природно-территориальный комплекс, научное изуче-

ние которых было связано только с одной нацией, проводилось представителями какого-то одного народа. Все страны в той или иной мере посещались представителями разных народов, людьми разных профессий и призваний. Не является исключением в этом отношении и территория Киргизии.

За многовековую историю изучения Тянь-Шань «штурмовали» путешественники и ученые более 40 стран Старого и Нового Света. Его «осаждали» со всех четырех сторон горизонта. В античный период это были выходцы Греко-римского мира и Древнего Востока, в средние века — арабы и представители соседних стран, а с XVIII в. до Октябрьской революции — русские, немцы, англичане, французы и др.

Однако вклад их в познание края (его природы, населения, социально-экономических условий) не одинаков. Не все путешествия и посещения Тянь-Шаня носили исследовательский характер. В древности, да и в средние века, среди путешественников преобладали купцы, миссионеры, послы — люди, большей частью, далекие от науки. Тем не менее их сообщения о стране, преимущественно случайные, отрывочные, часто являлись первыми правдивыми сведениями об отдельных природных объектах, населении и хозяйстве. Но не эти данные делали «погоду» в географических представлениях средневековых авторов. Интересные сведения, краткие, но точные описания, меткие наблюдения о природе горной Средней Азии, Киргизии, населении и его занятиях, городах и т. д. оставили среднеазиатские ученые, некоторые путешественники других восточных стран X—XII вв.

В основном, благодаря им в VII—XII вв. заметно расширился пространственный и географический кругозор о крае. Однако в дальнейшем (XIII—XVII вв.) социально-экономические условия феодализма, слабое развитие производительных сил, неустойчивость политической обстановки в странах Средней Азии, бесконечная разорительная борьба местных правителей за расширение своих владений и гегемонию не способствовали значительному развитию здесь географических знаний и их распространению за пределами Туркестана.

Некоторый сдвиг в исследованиях Средней Азии наметился в XVII в., когда ведущие европейские державы в условиях зарождающегося капитализма вели экспансионистскую внешнюю политику с целью захвата чужих земель и расширения рынков сбыта для своих промышленных товаров и мест приложения капитала. Они были заинтересова-

ны в проникновении и распространении сферы своего влияния и на страны Внутренней Азии. Одним из методов такого проникновения являлись путешествия и миссионерская деятельность.

В XVIII и в первой половине XIX в. территорию Киргизии посетили русские и иностранные путешественники. В их числе — русские И. С. Унковский (1724), А. Л. Бубенов (1813) и Ф. К. Зибберштейн (1825), француз-иезуит А. Халлерштейн (1760), индус Мир Иззет Улла (1813) и др. Они дали новые данные по отдельным районам Тянь-Шаня (Прииссыккулью, Приферганью и др.). В результате поездок и некоторых съемочных работ были подготовлены оригинальные обзорные карты, известные в истории как «калмыцкая» карта Рената (30-е годы XVIII в.), карта р. Иртыша И. И. Исленьева (1777), основанные на градусной сетке и охватившие территории Средней Азии, Джунгарии и Кашгарии. В них впервые нашли в общих чертах близкое к действительности отражение географического положения, направлений и контуров ряда орографических, гидрографических объектов Киргизии и соседних стран.

Во второй четверти XIX в. попытку обобщить все имевшиеся к тому времени материалы об этой части Азии предприняли выдающиеся немецкие географы А. Гумбольдт (1831, 1843) и К. Риттер (1832) и француз М. Ж. Клапрот (1833). Первый из них начертил схему орографии Средней и Центральной Азии. Центральное положение в ней занимал Тянь-Шань, имеющий, по мнению ученого вулканическое происхождение. Картографическим воплощением тогдашних географических знаний явилась карта Центральной Азии Клапрота, считавшаяся лучшей в то время. Однако в изображении географической ситуации Киргизии в ней допущены значительные погрешности.

Первая обобщающая сводка специально о Киргизии, ее природных условиях, месторождениях полезных ископаемых, населении, родоплеменном составе, общественном строе, историко-археологических памятниках и др. была составлена русскими путешественниками Т. Ф. Нифантьевым и Ворониным (1851).

При всех достоинствах, новизне, накопленный за многие века фактический материал о Тянь-Шане все же был разрозненным и отрывочным по характеру, незначительным по объему, недостаточно конкретным и точным по содержанию. По преимуществу данные эти носили общий фактолого-описательный характер, не затрагивали сущности и причинности явлений. Ни по одному району горной страны и природному компоненту не имелось достаточных

сведений и количественных показателей, позволяющих иметь о них четкое представление со всеми географическими особенностями. До середины XIX в. территория Киргизии не стала объектом специальных научных исследований, ее не коснулись инструментальные наблюдения — определения высоты гор, температуры воздуха или атмосферного давления, площадные съемки и др., проводившиеся в разных частях мира, в т. ч. русскими учеными на Кавказе, в Сибири, некоторых районах Казахстана.

По степени и уровню географической изученности горная Средняя Азия явно отставала от ряда других областей Евразиатского материка. Сказывалась общая политическая обстановка XVIII и первой половины XIX вв. и социально-экономическая отсталость среднеазиатских ханств, не представлявших большого интереса для промышленно развитых стран, их удаленность от культурных центров и основных торговых путей, переместившихся со времени Великих географических открытий и развития судоходства на морские просторы.

Резкий поворот в научных исследованиях, знаменующий собой новый важный этап в истории географического изучения Средней и Центральной Азии, происходит в 50—60-х гг. XIX в., в эпоху капитализма, когда многие районы Азиатского материка становятся ареной завоевательной политики ведущих европейских держав, объектом их торгово-промышленных интересов. Соперничая друг с другом, Лондон, Берлин и другие европейские столицы спешно снаряжают свои экспедиции, дипломатические миссии, торговые караваны в страны Внутренней Азии, чтобы скорее завоевать там прочные позиции.

Огромное значение для научных исследований края, особенно для судеб и будущего народов Средней Азии имело ее присоединение к России, начавшееся с добровольного вхождения Северной и Центральной Киргизии в состав России в 1855—1864 гг. С этого времени начинаются систематические разносторонние научные исследования Киргизии русскими путешественниками и учеными, внесшими неоценимый вклад в познание природы Тянь-Шаня, истории, этнографии, хозяйства киргизского народа, его языка, устного творчества.

Первая крупная русская научная экспедиция была снаряжена западно-сибирскими властями в 1856 г. Она провела, впервые в истории исследований территории Киргизии, площадные двухверстные топографические съемки в восточной части Прииссыккулья, измерение глубин и ихтиологические наблюдения на оз. Иссык-Куль, изучала со-

циально-экономические условия, быт и другие стороны жизни киргизского населения. Тогда же Ч. Ч. Валихановым были записаны отрывки киргизского эпоса «Манас», выдающегося памятника устного народного творчества.

В 1856 и 1857 гг. замечательное путешествие в Тянь-Шань совершил действительный член РГО П. П. Семенов (впоследствии Семенов-Тян-Шанский), посетивший восточное и западное побережье оз. Иссык-Куль, а также истоки Нарына и Сары-Джаза, лежащие в пределах Центрального Тянь-Шаня. Его разносторонние исследования, меткие наблюдения, точные количественные определения и подробные описания впервые дали реальную картину природы изученных районов Северного и Центрального Тянь-Шаня. Они произвели переворот в научных представлениях об этой части Внутренней Азии.

Вслед за Семеновым различные районы Киргизии посетили экспедиции русских и зарубежных научных обществ, ведомств и учреждений. Тогда главная роль в разностороннем изучении края принадлежала Русскому географическому обществу (РГО). Только в дореволюционный период оно самостоятельно и вместе с другими учреждениями снарядило и направило на Тянь-Шань и Памиро-Алай свыше 70 экспедиций и отдельных исследователей.

Среди исследователей Киргизии второй половины XIX в. следует отметить также Ч. Ч. Валиханова, Н. А. Северцова, А. В. Каульбарса, А. П. Федченко, И. В. Мушкетова, Г. Д. Романовского, А. Н. Краснова.

Одновременно с этими исследованиями, и часто опережая их, на территории Киргизии велись съемочно-топографические и астрономо-геодезические работы [48, 49]. Значение их для познания и хозяйственного освоения края трудно переоценить. Первые точные определения географического положения мест производились А. Ф. Голубевым в Прииссыккулье (1859) и К. В. Струве в Чуйской долине (1865). Позже эти работы были продолжены во внутренних районах Тянь-Шаня К. В. Шарнгорстом (1872) и Ю. А. Шмидтом (1892—1898), а в Приферганье и Алае — А. Р. Бонсдорфом (1876) и П. К. Залесским (1879—1909). Площадные полуверстные рекогносцировки, хозяйственные съемки и др. крупномасштабные работы проводились не только в долинах, но и высокогорных районах страны.

Эпоха монополистического капитализма в России, интересы колонизации Туркестана, эксплуатации его богатых естественных и дешевых людских ресурсов требовали нового подхода, большей целенаправленности и расширения размаха исследовательских работ. Выполняя крупный со-

циальный заказ, в начале нынешнего столетия, в Средней Азии, Сибири, на Дальнем Востоке и в других районах Азиатской России работали десятки и сотни специализированных и комплексных экспедиций — геологических, почвенно-ботанических, статистико-экономических, гидротехнических и др. Основная их цель — изыскание путей и способов орошения и освоения обширных земель на равнинах и в горах. По неполным данным, только на территории Киргизии в первые 17 лет текущего столетия работали 73 экспедиции и отдельные группы исследователей.

По масштабам и значению работ среди них выделялись почвенно-ботанические экспедиции Переселенческого управления (1908—1914), охватившие исследованиями все основные районы Киргизии и составившие специальные карты в масштабе 10 и 20 верст в дюйме. Экспедиционными отрядами руководили ботаники Б. А. Федченко и В. В. Сапожников, почвоведы С. С. Неуструев и Л. И. Прасолов, агроном, зоолог В. Н. Шнитников и др., ставшие впоследствии крупными советскими учеными.

На основе разносторонних специальных исследований в Чуйской долине партией инж. В. А. Васильева (1910—1917), в Приферганье — инж. Н. Н. Епанчина (1913—1915), на Среднем Нарыне, в бассейнах Чаткала и Кёкёмерена — инж. И. Г. Александрова (1913—1916) началась разработка проблемы комплексного использования земельных, водных и других ресурсов края, получившая воплощение в жизнь лишь в советское время. Геологические съемки, проводившиеся в Восточной Фергане партией Д. И. Мушкетова (1909—1916), в Южной Фергане — В. Н. Вебера (1909—1915) и в Прииссыккулье — В. П. Половникова (1914—1915) дали также ценный общегеографический материал особенно по древнему и современному оледенению гор исследованных районов.

Значительный размах в предреволюционные годы получили гидрометеорологические исследования, основанные на стационарных работах. На современной территории Киргизии в 1910—1915 гг. действовало 12 метеорологических и 6 гидрологических станций, 66 гидропостов и 17 суммарных осадкомеров. Некоторые из них, как Ошская и Пржевальская (с 1881 г.), Нарынская (с 1885) метеостанции к этому времени имели более 30 лет непрерывных наблюдений.

Во второй половине XIX — начале XX в. в географическом изучении Киргизии участвовали и зарубежные исследователи. За это время на Тянь-Шане и Алае побывали сотни иностранцев из 17 стран Европы, Азии и Америки, в т. ч. из Австрии, Великобритании, Венгрии, Германии,

США, Франции и др. Это были люди разных профессий и призваний. Наряду с учеными-географами, геологами, ботаниками, этнографами было немало лиц, не имевших никакого отношения к науке и исследовательской деятельности,— коммерсанты и бизнесмены, военные чины — разведчики, бывшие в Средней Азии под видом путешественников, и даже некоторые принцы и лорды, графы и бароны, которые основной целью своей поездки считали охоту в горах Тянь-Шаня и Памира.

Далеко не все путешественники оставили заметный след в истории исследований края. Поездки многих из них ограничивались только трассами основных дорог (по территории Киргизии это — Ферганская, Чуйская, частично Алайская долины), связывающими Среднюю Азию с Китаем, Индией, Сибирью. Большинство работ зарубежных авторов, касающихся природы Тянь-Шаня, истории, этнографии и социально-экономических явлений Киргизии, носили преимущественно информативный, поверхностный характер. В них не было ничего существенно нового по сравнению с данными, опубликованными в русской литературе, часто использовались материалы русских изданий, что нетрудно установить при их сравнении. Подобные работы могли удовлетворить запросы в основном малоподготовленного читателя, не знакомого со специальной литературой.

В то же время отдельные иностранные ученые сделали ценные наблюдения, представили новые данные и высказали оригинальные идеи по вопросам землеведения Тянь-Шаня и Памиро-Алая. По геологии, геоморфологии и палеогеографии это — английский ученый, чех по национальности Ф. Столичка (1874), немцы М. Фридрихсен (1902), Г. Мерцбахер и Г. Кейдель (1902—1903), американцы В. М. Девис и Э. Хантингтон (1903), венгр Д. Принц (1906, 1909), австриец Ф. Махачек (1911); по гидрометеорологическим условиям и современному оледенению — швед С. Гедин (1890, 1893), финн О. Доннер (1898), австрийцы Р. Клебельсберг и Г. Фикер (1913); по другим природным условиям страны — француз Г. Капю (1881, 1887), Алмаши, Мерцбахер и др.; по антропологии и этнографии киргизов — французский ученый, мадьяр по национальности К. Уйфальви, Д. Алмаши и др. Высказанные ими идеи, например, о генезисе и возрасте древних поверхностей выравнивания — сыртов, ведущей роли дизъюнктивной (блоковой) дислокации в создании основных морфоструктур, многократности проявления четвертичного оледенения, связи генезиса речных террас с циклами эрозии и эволюцией

четвертичного оледенения имели существенное значение при дальнейшей разработке теоретических вопросов геоморфологии и палеогеографии Тянь-Шаня и Памиро-Алая.

Оценивая значение отдельных исследований, вклада некоторых народов в географическое изучение страны, нельзя не коснуться роли местного населения в этом деле. Роль представителей коренного киргизского, казахского, узбекского, таджикского и переселенческого русского и украинского населения в изучении и рациональном использовании природных условий и ресурсов Ала-Тоо, сохранении и развитии эмпирических познаний и культурного наследия народов значительна. Хотя основная исследовательская деятельность осуществлялась силами научных учреждений, обществ и ведомств Петербурга, Москвы, Омска, Ташкента и других городов, однако в процессе полевой работы они не могли обходиться без помощи местного населения. И, действительно, ни одна научная экспедиция, ни одно территориальное географическое открытие, сделанное в прошлом в горной Средней Азии, не обходилось без прямого или косвенного в нем участия коренных жителей страны в качестве проводников, переводчиков, коллекторов. Исследователи получали от них разнообразные ценные сведения о стране, ее природе, населении, духовной и материальной культуре, и эта информация часто составляла значительную часть публикуемых отчетов.

Киргизы прекрасно знали топографию, гидрографию, погодно-климатические условия и другие черты природы Тянь-Шаня и Памира. Киргизские эсепчи, кыбачи, улама и др. знатоки, вобравшие в себя народную мудрость, обладали не только конкретными фактическими данными о стране, но и значительными эмпирическими естественно-историческими познаниями, космогоническими представлениями, получившими отражение, в частности, в местной топонимии и устном народном творчестве. Среди местных исследователей в географическом изучении края велика роль А. М. Фетисова и Ф. В. Пояркова из Пишпека, С. Абдыбекова, Я. И. Королькова, А. А. Куценко из Пржевальска, О. Е. Неживова и Н. С. Созонтова из Нарына, Ф. Касымбекова из Оша и др.

В целом исследования дореволюционного времени выявили общую картину природы Киргизии, особенности географии и хозяйства страны и ее отдельных частей. Несмотря на достигнутые успехи в исследовательской деятельности, естественноисторическая изученность страны в дореволюционный период оставалась все же недостаточной и неравномерной.

В советский период научные исследования получили невиданный прежде размах [39, 45, 50]. Основное внимание в исследованиях уделялось всестороннему изучению производительных сил. Систематически и планомерно, в широких масштабах и комплексно научные исследования проводились с середины 20-х гг., со времени окончания гражданской войны и образования Киргизской АССР. Первые десять лет они велись в основном силами центральных и среднеазиатских научных и производственных учреждений

Молодая республика тогда еще не располагала собственными научными кадрами для развертывания исследовательской деятельности. Пионерами в исследованиях Тянь-Шаня и Алая в советский период явились сотрудники Среднеазиатского государственного университета (САГУ, ныне ТашГУ) и Геологического комитета, начавшие свое многолетнее разностороннее изучение производительных сил страны с начала 20-х гг.

Выдающийся вклад в географическое изучение края внесли экспедиции Академии наук, ее Совет по изучению производительных сил (СОПС). Начиная с 1924 г. академические отряды охватили полевыми работами почти все основные районы Киргизии, в ходе которых открыли и детально исследовали десятки перспективных для хозяйственного освоения месторождений полезных ископаемых и других природных ресурсов, важных для быстрого экономического и культурного развития страны. Особенно велико значение работ Киргизской комплексной экспедиции СОПС АН СССР (1932—1933), состоявшей из 12 специализированных отрядов (геологического, геоморфологического, сельскохозяйственного и др.), насчитывавших от 100 до 150 научных сотрудников. Их изыскания дали ценные материалы о минеральных, водных, гидроэнергетических, почвенных, кормовых и других естественных ресурсах, необходимые рекомендации по хозяйственной специализации и социалистическому переустройству экономики республики, получившие отражение в пятилетних планах развития народного хозяйства Советского Киргизстана.

Эти и последующие — Чуйская сельскохозяйственная экспедиция (1934—1937), Южно-Киргизская экспедиция СОПС (1943—1944), Северо-Киргизская экспедиция Института географии (1945—1953), Северо-Тянь-Шанская экспедиция Института геофизики (1949—1952) и другие— исследования академических учреждений заложили основу современным представлениям о природе Тянь-Шаня и Алай-Туркестанской системы гор и позволили по-новому

рассмотреть многие вопросы истории геологического развития, формирования современных ландшафтов, динамики и характера современных природных процессов, оценить естественные ресурсы и наметить пути их хозяйственного использования.

Наряду с академическими учреждениями, научные исследования в Киргизии вели другие центральные и среднеазиатские ведомственные, научные, производственно-поисковые и проектные учреждения (Центральный научно-исследовательский геологоразведочный институт, ныне ВСЕГЕИ; Всесоюзный институт прикладной ботаники и новых культур; Украинский научно-исследовательский институт географии и картографии; Среднеазиатский гидрометеорологический институт и др.), вузы (ЛГУ, МГУ, САГУ) и т. д.

Начиная с середины 30-х гг. в изучении производительных сил края большую роль играют местные научные и изыскательские организации (Киргизский научно-исследовательский институт краеведения, с 1928 г.; Киргизский научно-исследовательский институт животноводства, с 1931 г.; Киргизское геологическое управление, с 1938 г. и др.) и вузы. В 1937 г. в республике насчитывалось 13 научных учреждений. Исследовательская деятельность местных научных сил особенно возросла с 1943 г. со времени открытия Киргизского филиала АН СССР (преобразованного в АН Киргизской ССР в 1954 г.) и Киргизского университета (1951 г.).

В настоящее время изучением природных условий, разработкой проблем развития производительных сил республики занимаются десятки научно-исследовательских учреждений и ведомств. В их числе Управление по гидрометеорологии и контролю природной среды Киргизской ССР, Тянь-Шанская физико-географическая станция и Отдел географии АН Киргизской ССР, географический факультет Киргизского университета, ведущие географические исследования на Тянь-Шане и Алае. Их деятельность координируется Географическим обществом Киргизской ССР, созданным в 1947 г.

Географические и другие специальные исследования, осуществляемые за последние 3—4 десятилетия по изучению природы, хозяйства, населения Советского Киргизстана, велики по числу, обширны по охвату территории и разнообразны по тематике. Исследования производительных сил велись и ведутся систематически, планомерно, в широких масштабах как географами, так и специалистами смежных отраслей знаний с применением современных

точных методов и научной аппаратуры и использованием необходимых технических средств.

Разносторонние географические и другие специальные исследования проводятся во всех районах и высотных поясах, ими охвачены все компоненты природной среды, естественные ресурсы, население и народное хозяйство республики. Значительная часть территории и многие природные и территориально-производственные комплексы изучены детально и комплексно. В ходе этих работ накоплен огромный ценный фактический материал, позволивший создать многочисленные труды-монографии, географические и специальные карты, достигнута довольно высокая степень географической изученности территории республики.

На этой основе получили развитие географические науки. Ими разрабатываются проблемы изучения структуры, динамики и генезиса геосистем, развития и размещения территориально-производственных комплексов; прикладные, народнохозяйственные задачи, связанные с учетом, оценкой, использованием природных ресурсов и охраной окружающей среды. Большое место в географических исследованиях занимают прогнозные работы, особенно изучение и оценка влияния антропогенной деятельности, крупных народнохозяйственных комплексов на природную среду, моделирование новых, преобразованных природно-техногенных ландшафтов и др.

ПО СЛЕДАМ ПЕРВОПРОХОДЦЕВ

ОТ ДРЕВНЕЙШИХ ОХОТНИКОВ ОН-АРЧЫ ДО ТВОРЦОВ УНИКАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ АК-ЧУНКУРА И САЙМАЛЫ-ТАША

Возникновение человеческой цивилизации, история заселения и освоения Земли, пути миграции первобытных людей в глубь материков, формирование рас и этнических групп всегда занимали ученых, специалистов разных профессий и призваний. Далекое прошлое наших предков, их жизнь, общение и взаимоотношение с природной средой, развитие и становление человеческой культуры представляют увлекательную историю, о которой мы знаем далеко не все. Некоторые картины, отдельные эпизоды из жизни и деятельности древнего человека нам известны по интересным исследованиям археологов и антропологов, историков и биологов, геологов и географов [19, 40, 41, 56].

Средняя Азия является одним из ранних очагов человеческой культуры. Судя по находкам орудий труда, первобытный человек поселился здесь в раннепалеолитическую эпоху. Его следы, пока немногочисленные, обнаружены на западе Туркмении у побережья Каспийского моря, на юге и севере Таджикистана (у поселка Кызыл-Кала на р. Вахш, пос. Кайраккум на берегу Сырдарьи), в горах Каратау Южного Казахстана, в долине Зеравшана (близ кишлака Учтут в Узбекистане), в урочище Он-Арче к северо-западу от г. Нарына, в ущелье Ходжа-Бакырган (около кыштака Кайрагач) в Киргизии и др.

Жизнедеятельность людей раннего палеолита, обитавших на территории Киргизии, приходится на период отступания первого (т. н. рисского) оледенения и на более теплое межледниковое время. Вели они бродячий образ жизни, охотясь на диких животных, собирая плоды и коренья. В качестве орудий труда им служили массивные, разной формы камни (кремень, изверженные породы), обработанные в виде грубых рубящих предметов с острым краем типа нуклеуса (ядрища) или оббитые односторонне (чоппинг) и двухсторонне (чоппер), характерные для т. н. галечной культуры Азии и Африки.

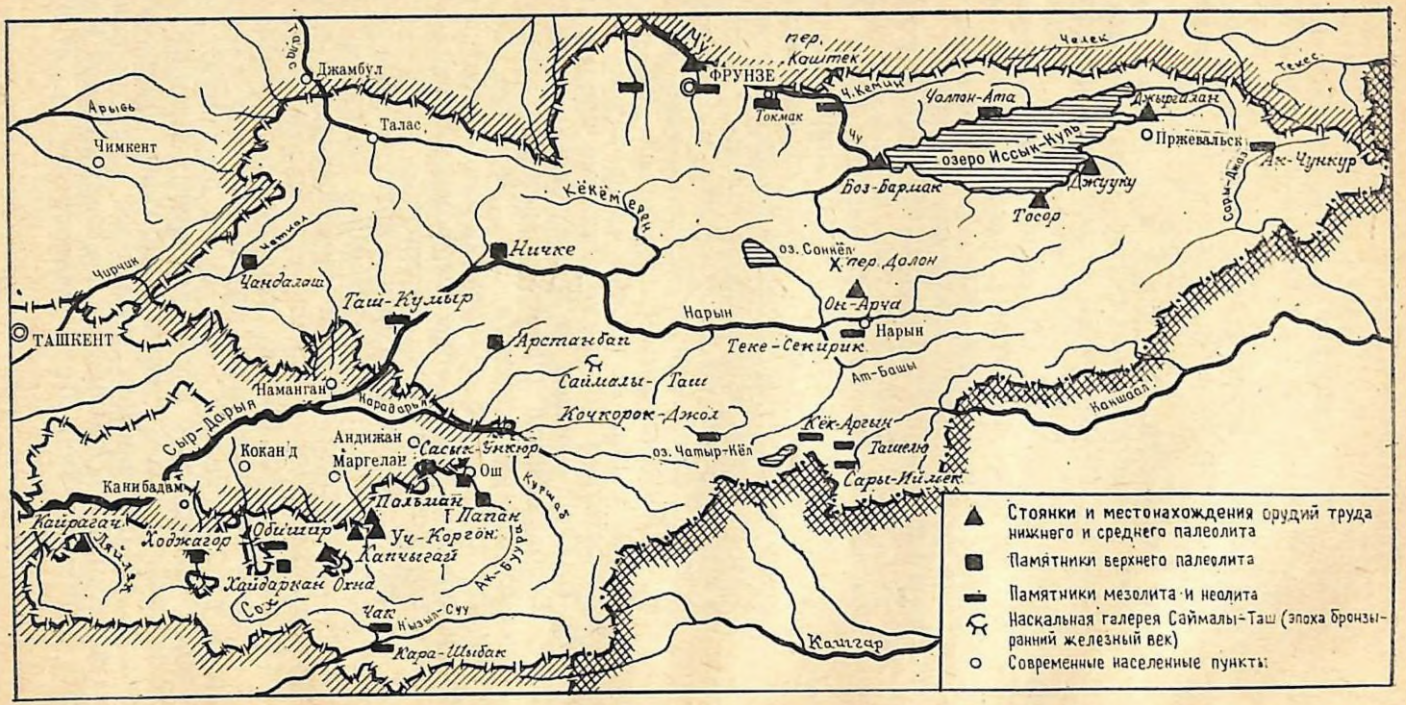
Свои стойбища или кратковременные пристанища древнейшие охотники устраивали на широких террасах рек и ровных укромных местах предгорий, защищенных от холодных и сильных ветров, неподверженных гравитационно-склоновым процессам. Это были территории, расположенные в зоне переходной от равнинной к горной на высоте до 1000—1500 м над ур. м. Такое местоположение стоянок позволяло человеческому стаду охватить значительно большую площадь как в пространственном, так и высотно-вертикальном отношении и «кормиться» не только «внизу», за счет ресурсов нижних равнинных экосистем, но и «вверху», поднимаясь до среднегорного, может быть, даже до высокогорного поясов. В этом плане интересно географическое и гипсометрическое положение Онарчинского памятника, расположенного, в отличие от низких равнинных местообитаний среднеазиатских гоминид, в самой глубинной части Тянь-Шаня и на довольно значительной (2200 м) абсолютной высоте (по представлениям медико-географов — в высокогорном поясе).

В период среднего палеолита (мустьерское время, 100—40 тыс. лет назад) на территории Киргизии и в других частях Средней Азии обитали неандертальцы, расселившиеся гораздо шире, чем их предшественники синантропы. Следы деятельности мустьерских людей известны в раз-

ных частях Тянь-Шаня и Памиро-Алая: в горах Каратау (Южный Казахстан), в бассейнах верховий Чирчика (пещеры Ходжикент, Обирахмат) и Сурхандарьи (пещеры Тешик-Таш, Амир-Темир), в долине Вахша (стоянка Кара-Буура) и др.

Довольно богато представлены остатки мустьерской культуры в адырной зоне Прифергапья (стоянка Наукат, ущелье Капчыгай, долина р. Охна, Ходжагор в долине р. Исфара, Канибадам, Кайраккум и др.), характеризующиеся более усовершенствованными орудиями труда. В этом отношении особенно показателен Капчыгайский памятник в ущелье р. Халкомайн к юго-востоку от кыштака Марказ (Ошская область). Это целая мастерская-каменоломня, где древние «рудокопы» изготовляли из кремня нуклеусы, пластины, скребки, остроконечники и др., необходимые для охоты и всяких хозяйственных нужд.

Интересны иссыккульские памятники мустьерского времени (вторая половина среднего плейстоцена — первая половина позднего плейстоцена) Боз-Бармак, Тосор, Джууку, Сёгёти, расположенные по берегам озера на высотах от 1620 до 2000 м над ур. м. Тосорская стоянка, открытая В. А. Рановым в 1965 г. на высокой террасе одноименной реки, в 4,5 км от озера, оказалась не только древним стойбищем, но и мастерской по изготовлению и обработке каменных орудий. Раскопки, произведенные здесь В. А. Рановым и М. Б. Юнусалиевым (завершены в 1972 г.), дали коллекцию в три с лишним тысячи «культурных» камней-орудий и их остатков. По числу таких же предметов, добытых М. Б. Юнусалиевым во время исследований 1976—1977 гг., Бозбармакская терраса у западной оконечности оз. Иссык-Куль более скромна, чем Тосорская. Ее «продуктивность» лишь около 1000 орудий для обработки шкур, костей и дерева, главным образом, домустьерского времени. Выходит, бозбармакские мастеровые старше (им не менее 100 тыс. лет) своих тосорских «разумных» собратьев (Homo sapiens — «человек разумный»), которым только 40—50 тыс. лет. Судя по этим археологическим данным, побережье Иссык-Куля было заселено во второй половине среднего плейстоцена. Однако находки геологов (кострищ М. А. Талиповым, каменных орудий Н. Ф. Удаловым) в низовьях р. Джыргалана как будто отодвигают время появления первобытных людей на берегах Иссык-Куля на более ранний период — нижний палеолит. Здесь уместно вспомнить об онарчинских гоминидах. Нет ли какой-то связи между ними и джыргаланскими приматами? Не появились ли они на Тянь-Шане одновременно, но откуда: с

Памятники каменного века на территории Киргизстана.

Востока, со стороны Индии или Переднеазиатского очага древнейшей цивилизации?

Верхний палеолит (40—10 тыс. лет назад) — период дальнейшего прогресса человеческой цивилизации, становления первобытно-общинного строя, смены неандертальца человеком современного типа, формирования основных расовых групп людей. Вооруженные такими более эффективными орудиями, чем прежде, как лук, кинжал и наконечники из кости, они могли рассчитывать на большую удачу в охоте.

Мезолит (10—7 тыс. лет до н. э.), особенно неолит (VI—III тысячелетия до н. э.) явился последним, высшим этапом развития человека каменного века. Развитой неолит известен как период перехода охотничьих племен к высоким формам хозяйства — земледелию и скотоводству, характерным для юга Средней Азии. Земледелие проникло и в предгорные равнины Тянь-Шаня (Ферганскую, Чуйскую), но горцы Ала-Тоо и Алая, обитатели горных долин, по-прежнему вели охотничий образ жизни.

Природные условия горной части Средней Азии послеледниковой эпохи (голоцен, последние 13 тыс. лет) были близки к современным, с ритмическими изменениями в сторону увлажнения или сухости, продолжающейся активизацией тектонической деятельности. Этот период (мезолит и неолит) явился, по-видимому, временем широкого освоения ранее безлюдных территорий, включая сыртовые Тянь-Шаня и Памиро-Алая.

Следы деятельности людей неолита на территории Киргизии обнаружены не только в низких предгорных долинах (Чуйской, например, около Фрунзе и Токмака; в Южном Приферганье), но и вышележащих (2000 м над ур. м. и выше) — на берегах оз. Иссык-Куль, на Суусамыре (Арчалы, 2200 м) и Среднем Нарыне (пещера Теке-Секирик, 2200 м), в Алайской долине (Чак и Кара-Шыбак, ок. 2500 м) и др. В это же время они достигают и «потолка» своего местообитания — сыртовых равнин в высокогорной зоне Внутреннего и Центрального Тянь-Шаня, расположенных на высотах 3000—3600 м над ур. м., вблизи ледников и нижней границы вечного снега (мезонеолитические находки на Восточном Памире сделаны на еще больших отметках — 3500—4200 м). Эти стоянки и местонахождения орудий труда неолитических пионеров освоения заоблачных высот Киргизии, открытые советскими археологами в 50—60-х гг., следующие: пещера Ак-Чункур, 3150 м над ур. м., на правом берегу р. Сары-Джаз, на южном склоне хребта Тескей-Ала-Тоо; Айгыр-Джал, 3600 м, на правом

берегу р. Кёк-Аргын (на картах и в литературе часто — Кок-Айгыр), к северо-востоку от оз. Чатыр-Кёль; два пункта на левобережье р. Терек в Аксайских сыртах — Сары-Иймек, 3475 м, в 4 км к северу от урочища Кароол-Тёбе и Таш-Елю (Ташеле), 3550 м, близ устья р. Терек; Кочкорок-Джол, 2800 м, в Арпинской долине, около пос. Арпа и др.

В эпоху бронзы большая часть территории Киргизии была заселена пастушеско-земледельческими племенами. Низкими окраинными и внутренними межгорными долинами с обрамляющими их горными хребтами (до 2500—3000 м над ур. м.) овладели выходцы из северных степей (представители т. н. андроновской культуры), пришедшие из Сибири и Казахстана. Они широко пользовались металлическими, бронзовыми орудиями и украшениями, изготовляемыми из меди, олова, золота, серебра, добытыми в горах Ала-Тоо, занимались земледелием и скотоводством. Значительные изменения в способах производства и хозяйственном укладе местного населения происходят к концу эпохи бронзы, когда дальнейшее развитие получают горное дело и металлургия, а пастушеско-земледельческие племена переходят к полукочевому ведению хозяйства, более широко и рационально используя пастбища по сезонам года. По антропологическому облику андроновцы принадлежали к протоевропейскому типу. В отличие от них население оазисов Приферганья относилось к восточно-средиземноморскому типу европеоидной расы. Оно жило оседло в поселениях разных размеров (с населением до нескольких сотен человек), в жилищах значительно более крупных, чем у племен андроновской культуры.

География находок орудий и поселений первобытных людей говорит о том, что за десятки и сотни тысяч лет своего существования и общественного развития, наши далекие предки заселяли самые различные районы Тянь-Шаня от его предгорных равнин до субальпийской и альпийской зон высокогорий. Заселение и освоение территории, как и само существование, требовало от древнего человека знания окружающей природной среды, ее особенностей и изменений во времени и в пространстве. Для этого он должен был стать «исследователем», изучать и знать особенности, некоторые свойства и ритм природных явлений. И можно утверждать, что первобытные люди постоянно изучали окружающую природную среду, усердно искали и находили удобные и безопасные места для жизни — пещеры, «кормовые» угодья, богатые плодами, кореньями, рыбой, различной дичью, водой. Однако пищевых ресурсов «кормовых» площадей хватало на стадо или род нена-

долго и общине приходилось двигаться на ресурсные поиски вновь и вновь.

В процессе долгих и тяжелых скитаний люди каменного века исходили горы и долины Тянь-Шаня, открыли и покорили немало горных перевалов, прошли вброд множество бурных рек. Во все времена года они постоянно изучали, а со временем хорошо узнали топографию, климатические условия и другие природные особенности Ала-Тоо, постепенно осваивали его долины и горы, широко пользовались богатыми естественными ресурсами края. Они были подлинными первопроходцами Небесных гор.

Но эти скромные труженики не могли оставить после себя ни громких реляций, ни длинных трактатов, ни толстых летописей. И нам трудно судить об уровне знаний древнего человека о природе, о глубине и широте его естественно-исторических понятий. Тем не менее изучение следов людей каменного века, сопутствующих факторов (характера природных условий мест обитания, местонахождения орудий и качества каменного материала для их изготовления, употребления дерева, костей, одежды, позже— наскальных рисунков и др.), а также культуры отсталых племен и народностей, еще недавно находившихся на стадии первобытно-общинного строя, позволяет в какой-то мере представить характер познаний древних людей. Несомненно, они обладали элементарными географическими представлениями, некоторым минимумом познаний об окружающей среде, умели наблюдать и ориентироваться в ней.

Что касается конкретных знаний людей каменного века об отдельных природных объектах, геокомплексах низших рангов в местах их обитания, о растениях и животных, то знания эти, как уже отмечено, были, по-видимому, значительными и детальными. Некоторое представление о них дают, например, наскальные рисунки, встречающиеся в разных частях Тянь-Шаня и содержащие самые различные сюжеты-изображения животных, людей, сцен охоты, религиозных и бытовых моментов. Одним из ранних таких памятников являются врезанные в камень изображения в Ходжикенте, у южной оконечности Угамского хребта, относимые к верхнему палеолиту.

Интересны наскальные рисунки в пещере Ак-Чункур (букв. «Белая яма») в Центральном Тянь-Шане, обследованные д. ч. ГО СССР, известным советским альпинистом В. И. Рацеком в 1953 г. Это двухъярусная карстовая полость, общей длиной 73 м. Здесь много различного содержания изображений, выполненных художниками каменно-

го века красной краской — охрой — на стенах и потолке пещеры. Отчетливо видны козлы, быки, змеи и люди, как в виде групповых сцен, так и отдельных фигур. Они раскрывают духовный мир, конкретные и абстрактные, анимистические представления древних охотничьих племен Тенгир-Тоо.

Уникальны среди тяньшанских петроглифов наскальные рисунки Саймалы-Таша (в переводе на русский «узорчатый, рисованный камень») у перевала Кёгарт на Ферганском хребте. Здесь, в долинах, по обоим склонам хребта, на высоте около 3000 м над ур. м., на огромных скоплениях камней находятся удивительные наскальные галереи. На северо-восточном склоне хребта (Саймалы-Таш I) насчитывается 91900 изображений, а на юго-западном (Саймалы-Таш II) — 15625; всего же — 107525 изображений. Центр их скопления на восточном склоне хребта, около небольшого ледникового озера, которое, видимо, почиталось как священное. К нему шли и ферганские земледельцы, и нарынские скотоводы.

Рисунки знакомят нас с широким кругом занятий и абстрактных понятий древних людей. Это — сцены охоты, земледелия и скотоводства, религиозные представления и ритуальные танцы, дикие и домашние животные, некоторые природные явления и объекты, планы угодий и поселений. Примерно 30% от общего числа изображений составляют рисунки козлов и охоты на них. Период создания их был длительным. Он протянулся на многие века и охватил эпоху бронзы и раннего железного века.

«Саймалы-Таш — грандиозное святилище древних жителей Тянь-Шаня»,— писал А. Н. Бернштам [7], один из замечательных исследователей истории Средней Азии. Эту же мысль подтверждает и Г. А. Помаскина, автор новейшего исследования этой наскальной галереи. «Саймалы-Таш,— читаем в ее интересной книге,— место поклонения древнейшего языческого населения края» [38].

Наскальные рисунки Саймалы-Таша — выдающийся памятник искусства, духовного мира и практического опыта древних людей. Их можно рассматривать и как некое комплексное описание страны ферганских земледельцев и скотоводов Внутреннего Тянь-Шаня, своеобразную энциклопедию их эмпирических знаний и естественно-исторических и географических представлений.

Путем беглого экскурса в эпоху камня и бронзы мы попытались представить развитие географических знаний древних людей Тянь-Шаня, коснуться некоторых аспектов его исторической географии — истории заселения, антро-

пологического и этноплеменного состава населения и его расселения по территории страны. Но вопросы эти, особенно проблема развития духовной культуры, взаимоотношений первобытных людей с природой, очень сложны. Они еще далеко не изучены. Не исследованы и вопросы миграции и формирования местного населения в каменном веке и в эпоху бронзы.

Интересно, когда и откуда пришли первобытные люди на Тянь-Шань, что побудило и заставило их сняться с насиженных мест и отправиться в дальний неведомый путь в поисках счастья под солнцем? Если легко понять и объяснить стремление наших предков обосноваться в степных и пустынных равнинах, предгорно-адырной зоне, а с ростом населения и в среднегорье с благоприятными природно-климатическими условиями, то совсем нелегко объяснить причины их заселения суровых высокогорий Тянь-Шаня и Памиро-Алая. На самом деле, какие обстоятельства вынудили людей каменного века поселиться на сыртах Нарына (Он-Арча), Аксая (Терек I, Терек II) или Сары-Джаза (Ак-Чункур)? Возможно, это были причины экологического порядка: истощение природных ресурсов в результате роста населения и нарушение равновесия между человеком и окружающей природной средой. Могли сыграть свою роль и социальные причины — сложные взаимоотношения между или внутри отдельных родов, племен, территориальные споры, борьба за «кормовую» площадь и др.

Если исходить из общей природной ситуации на Тянь-Шане, тенденций ее развития с позднечетвертичного времени и за голоцен, то следует говорить не о заселении высокогорий (постоянном или длительном пребывании людей на сыртах), а скорее о временной, сезонной миграции охотничьих племен, как это имело место позже, в условиях кочевого хозяйства скотоводов.

По исследованиям геологов, географов и др. во второй половине плейстоцена горы Тянь-Шаня были ниже, чем теперь, рельеф их не отличался столь большой контрастностью, как в наши дни. Однако о высоте гор и амплитудах их поднятий существуют разные точки зрения. Но все исследователи едины в том, что поднятия эти носили дифференцированный характер. Например, в голоцене Алайский хребет поднялся на 350, Чоналайский (Заалайский) — на 750, район массива Хан-Тенгир (Хан-Тенгри) — пик Победы — на 700—800, а Киргизский хребет только на 50—100 м [26]. В то же время крупные межгорные впадины, наоборот, испытывали тенденцию к опусканию. Та-

ким образом, сыртовые территории, где обнаружены неолитические памятники, находились, вероятно, на высотах порядка 2500—3000 м над ур. м. и были вполне доступны для охотников каменного века.

В истории заселения и освоения Ала-Тоо больше неизвестного и таинственного, чем известного, познанного. Только дальнейшие систематические углубленные исследования, экспедиционные и стационарные, применение новых подходов и точных методов в работе, совместные усилия ученых разных специальностей приведут к успешной разработке проблем истории и исторической географии каменного века.

ИЗ ГЛУБИНЫ ВЕКОВ

ОТ ДРЕВНЕЙШИХ МИФОВ И ЛЕГЕНД ДО ОТЧЕТОВ И КАРТ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ АНТИЧНОГО ВРЕМЕНИ

Обзор истории географических открытий и исследований Земного шара, развития научной мысли в области землеведения обычно принято начинать со времени появления первых письменных свидетельств о странах и народах, о завоевательных походах и других исторических событиях, имеющих отношение к изучению и освоению Земли или ее отдельных регионов. Если следовать этой традиции, то историю географического изучения Киргизии, основанную на фактических данных, непосредственных наблюдениях в стране и зафиксированных в письменных источниках, надо начинать с первого тысячелетия до н. э. Такие ранние свидетельства сохранились у развитых народов Древнего Востока, в Персии, Китае, Древней Греции и Римской империи.

Наиболее ранние письменные известия о Средней Азии связаны с Авестой, священной книгой, памятником мифологических и религиозно-культовых представлений восточных иранцев, относящихся к первому тысячелетию до н. э. В «Яште», одной из многочисленных книг Авесты, к сожалению не сохранившихся, восточная часть Средней Азии рассматривается как страна, «где высокие горы, изобилующие пастбищами и водами, производят все необходимое для скотоводства, где глубокие озера с обширными водами, где судоходные реки с широкими руслами стремят свои бурные волны по странам: Иската, Поурута, Моуру, Харева, Гава, Сугда, Хвайризема» [11, 20].

Эти строки из десятого «Яшта» наиболее четко формулируют территориальный и географический кругозор восточных иранцев эпохи создания Авесты. Он охватывает обширное пространство от гор Центрального Афганистана на юге до Аральского моря и областей по Сырдарье на севере. Под высокими горами подразумеваются, очевидно, Паропамис, Гиндукуш, Памиро-Алай, Тянь-Шань; под глубокими озерами, возможно, — Искандеркуль, Каракуль, Иссык-Куль и др., а под судоходными реками — Амударья и Сырдарья.

Страны, перечисленные в «Яште», локализуют обычно следующим образом: Иската — Скифия, Поурута — Паропамисад (долина р. Кабул), Моуру — Маргиана (Мерв), Харева-Ария (область Герируд), Гава — область в Согде, Сугд — Согд, а Хвайризем (или Кангха) — Хорезм, этимологию которой производят от древнеперсидского **хвар**— «солнце», **зем** — «земля» (т. е. «солнечная земля»). Кочевое население Средней Азии, по Авесте — туры («туры с быстрыми конями»).

Здесь нет прямых сведений ни о природных комплексах, ни о населении на территории Киргизии, но косвенно тексты Авесты все же их касаются. Нечетки и неопределенны для пространственной привязки сведения о саках, содержащиеся в древнеперсидских клинописных надписях, сделанных в VI—V вв. до н. э. от имени персидских царей из династии Ахеменидов [18, 19]. По этим данным, а также греко-латинским источникам сакские (от этнонима **сака**) кочевые племена в VII—III вв. до н. э. обитали в обширных степных и пустынных районах Казахстана и Средней Азии, а также в горах Тянь-Шаня и Памиро-Алая. Саки образовали три крупные группы племен: сака — тиграхауда («саки, которые носят остроконечную шапку»), сака — тиай — тара — дарайя или парадарайя («саки, которые за морем» или «заречные саки»), сака — хаумаварга («саки, изготовляющие напиток хаому»).

В географическом размещении сакских племен мнения расходятся. Сака — тиграхауда чаще локализуют к северу и северо-востоку от Сырдарьи в пределах Тянь-Шаня, Семиречья, Южного Казахстана, а сака — хаумаварга — в левобережье Сырдарьи — Фергана, Памиро-Алай и далее на юг вплоть до северных границ Индии. Судя по многочисленным памятникам материальной культуры (могильники, орудия, предметы домашнего обихода, украшения), открытым в разных частях республики, в VII—III вв. до н. э. саки довольно густо заселяли территорию Киргизии, вели кочевой образ жизни, занимались скотоводством.

По Геродоту (V в. до н. э.) саки носили на голове остроконечные шапки из плотного войлока, стоявшие прямо, наподобие киргизских ак калпаков (?), вооружены были луками, короткими мечами и секирами. Сражались они с врагами верхом на коне и сакская конница отличалась в боях храбростью. Силу их грозного оружия испытали на себе не только мидяне, персы, но и греки, а также греко-македонская армия (IV в. до н. э.), когда на Сырдарье сакской стрелой был ранен сам Александр Македонский (в 329 г. до н. э.).

Преемниками саков на Тянь-Шане и Семиречье явились усуни, крупное тюркоязычное племенное объединение, переселившееся сюда из Центральной Азии в середине II в. до н. э. Древние летописи характеризуют Усунь как крупное и сильное кочевое владение [9, 17, 19] с населением в 630 тыс. чел. (120 тыс. дворов) и численностью войск около 189 тыс. человек. Столица — город Чигу. Глава государства — Гуньми, который управляет им через своих 16 министров и чиновников. Жители следуют за скотом, ищут воду и траву. В стране много лошадей, у богатых кочевников по 4—5 тыс. голов.

В отличие от скотоводческого Усуня, соседний Давань (Фергана) рисуется как земледельческая страна, с населением «более чем несколько сот тысяч», с большими и малыми городами, число которых превышало 70. Основными отраслями сельского хозяйства являлось производство зерновых культур (риса, пшеницы), виноградарство и коневодство. Ферганские аргымаки считались лучшими, происходящими от «небесных» лошадей, составляя важную часть экспорта даваньцев.

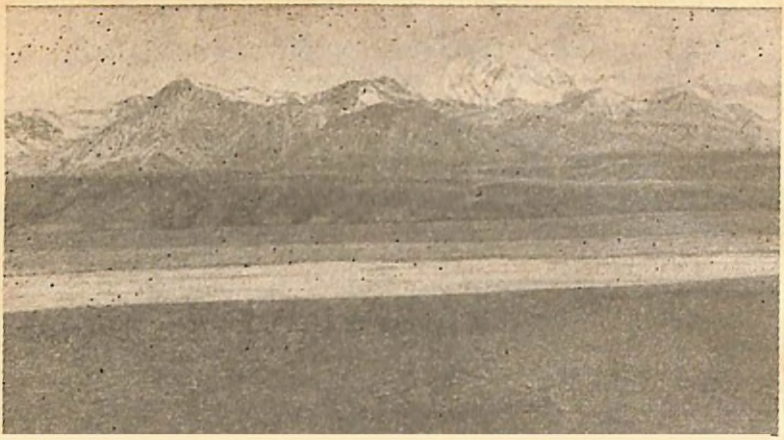
Представления античных авторов о природных условиях Средней Азии и ее восточной горной части также носят ограниченный характер. Для времени классической Греции они весьма скудны, однако позже, в эпоху эллинизма (IV—II вв. до н. э.) и период правления римлян (II в. до н. э. — II в. н. э.), в результате походов Александра Македонского, развития торговых сношений между странами Средиземноморья, Ближнего Востока, Средней Азии и Китая происходит значительное расширение географического кругозора.

Древнегреческие авторы имели понятия о двух основных типах рельефа Средней Азии — равнинном и горном. Геродот, например, указывает хребет, ограничивающий среднеазиатские равнины. Эратосфен (ок. 275—195 гг. до н. э.) размещает его к северу от устья р. Инд в виде мощного меридионального поднятия, простирающегося до 41—42°

с. ш. Страбон (64—63 гг. до н. э. — 23—24 гг. н. э.) называет этот хребет Имайскими горами и рассматривает их как северные отроги Паропамиса. Впервые схему орографического строения Средней и Центральной Азии начертил выдающийся александрийский ученый римской эпохи К. Птолемей (90—168 гг.). Центральное место в ней принадлежит мифическому меридиональному хребту Имай, протянутому вдоль 140° в. д. на десятки градусов. От него в северо-западном направлении ответвляются Аскатанские и Анарейские горы. К востоку от Имая субширотно выдвинуты Каспийские, Авзакийские и Аннибские горы. К западу от Имайского хребта расположены мощное горное плато Комеды, с которого берут свое начало реки Инд и Яксарт (Сырдарья), и Согдийские горы, протянувшиеся широтно по левобережью Яксарта.

Выделенные орографические элементы неудачно комбинированы Птолемеем пространственно, они сильно удалены друг от друга по долготе и широте. Из-за этого трудно локализовать их с современными горными хребтами. Правда, в двух из них — Комедах и Согдийских горах — легко угадываются Памиро-Алай и Нуратинские горы. Несмотря на грубые искажения в изображениях, в Имайском (средний отрезок его), Аскатанском и Авзакийском хребтах можно усмотреть разные части Тянь-Шаня. Схема Птолемея скорее внесла путаницу, чем ясность, в представления об орографическом строении края. Она не могла быть основана на точных наблюдениях и надежных данных путешественников.

Иную, более реальную картину орографии края рисует одна из древних (реконструированных) восточных карт, относящихся к рубежу н. э. Она схематична и неполна, но в целом верно передает общую географическую ситуацию горной Средней Азии и западной части бассейна р. Тарим примерно между 68—82° в. д. и 35—48° с. ш. На карте холмиками довольно удачно изображены географическое положение, общее простирание, пространственное соотношение, даже дугообразность горных цепей Тянь-Шаня и Алая соответствуют в плане хребтам Какшаал-Тоо, Алайскому и Киргизскому. Памир (на карте Цунлин) показан также на «своем» месте, но со значительными погрешностями. Вообще недостатков на этой карте порядочно. Она без градусной сетки. В ней большая часть территории горной Средней Азии оставлена «пустой», что противоестественно. Орографические элементы, кроме Цунлина, почему-то не подписаны. Нет здесь и топонима Тянь-Шань в современном понимании. Но под этим именем обозначены

Чон-Алайский (Заалайский) хребет. На переднем плане — Алайская долина, по которой в античный период и позже проходил один из транзитных караванных путей, связывающих Среднюю и Переднюю Азию со странами Центральной Азии.

горы Богдо-Ула (Центральная Азия), исконно местное хуннско-монгольское название. Оба онима (Тянь-Шань, Богдо-Ула) имеют почти одинаковый смысл: «Священные горы», «Небесные горы».

Из гидрографических объектов Средней Азии античные авторы знали Окс (Амударья), Яксарт (Сырдарья), которую саки называли Силисом, Дулай (Талас), Бэй-хэ («Северная река») или Ойхард (Тарим) и др. Реки Чу и Или, озера Иссык-Куль и Балхаш изображены на упомянутой древней карте довольно удачно, но не названы. Несомненно, они имели в то время собственные имена, как, например, озеро Иссык-Куль — Тяньчи («Наполненное озеро», что, видимо, калька местного сако-усуньского гидронима «Чалкар-Кёль»). На этой карте еще нет ни Сырдарьи, ни притоков ее, известных авторам Греко-римского мира.

В летописях и сочинениях античного времени есть и другие данные исторического, географического, экономического и этнографического характера, представляющие несомненный интерес. Так, большую роль в политической и социально-экономической жизни народов играли города. Среди них выделяются Чигу — столица Усуньского ханства, Битянь — центр государства Кангюй, Эрши и Ючэн (в Приферганье), город, основанный шаньюем Чжичжи в верховьях р. Таласа, населенный пункт Каменная Башня и др. Однако история возникновения и развития городов,

их внутренняя структура, историческая топография, вопросы локализации, роли и места в социально-экономической жизни разработаны недостаточно. Мы даже не знаем определенно местонахождения многих из них. Исследование античных городов и поселений заслуживает такого же внимания, какое уделяется этой проблеме для средневекового общества.

Город Чигу (Чигучэн — «Город Красной долины»), по летописным данным, находился примерно в 300 км на северо-запад от г. Аксу в Кашгарии и на северо-востоке от оз. Иссык-Куль. Он имел укрепления и предместья. Однако на исторических картах [9, 17] дано его различное размещение: в одном случае в Чуйской долине (?), в другом — в Кочкорской котловине, а в третьем, относящемся к VII—X вв., когда Чигу давно перестал существовать как город*, к югу от оз. Иссык-Куль. Несмотря на разнобой в размещении, здесь, видимо, нет путаницы. Надо думать, что на картах обозначен не Город Красной долины, а ставка усуньского кунбага, местопребывание которого в разное историческое время менялось.

На рубеже и в первые века н. э. Чигу был не только значительным политическим центром, но и важным перевалочным и обменным пунктом на «шелковом» пути. Он назывался также Кункат («Кунский город») и Багкат («Город бага»), где **кун** (кун) — «народ, племя», **баг** — «князь»; кунбаг (китайская форма — куньми) — титул усуньского князя.

Мнения исследователей по поводу размещения Кункаата (Чигу) разноречивы. Выдающийся русский востоковед, один из лучших знатоков исторической географии Средней и Центральной Азии Н. Я. Бичурин на своей исторической карте (1851) столицу усуней помещает на южном берегу оз. Иссык-Куль, несколько западнее р. Тосор, П. П. Семенов-Тян-Шанский (1865, 1946) искал его на восточном берегу озера между реками Тюп и Джыргалан. По А. Херману (1911) Чигу находился у устья р. Тамги. В последнее время, исходя из смыслового значения топонима, многие склонны локализовать древний усуньский город с долиной р. Чон-Кызыл-Суу, расположенной в юго-восточной части Иссык-Кульской впадины. Вопрос о местоположении Багката (Чигу) — один из трудных ребусов исторической географии Киргизии.

---

* Развалины древнего города на берегу оз. Иссык-Куль, упоминаемые арабским путешественником IX в. Тамимом ибн Бахр ал-Муттауваи, возможно, имеют отношение к Чигу.

Не завершены старые споры и вокруг местоположения Каменной Башни, начатые еще во времена Клавдия Птолемея. Каменная Башня считалась важным пунктом на торговом («шелковом») пути между Востоком и Западом. Купцы, следовавшие к серам северным путем, не могли миновать его. Однако местонахождение этого поселения неизвестно до сих пор. Как таковое предлагали Ташкент, Кашгар, Таш-Коргон (на Восточном Памире), а в пределах Киргизии — Иркештам, окрестности Ош, Дараут-Коргон. Но ни одна из этих версий еще не принята. Вопрос с локализацией античных поселений остается открытым.

ПО ГОРАМ И ДОЛИНАМ АЛА-ТОО

ПО СЛЕДАМ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ

Огромные политические изменения, происходившие в средние века на обширных просторах Евразии, непосредственно сказались на развитии среднеазиатских стран, в т. ч. Киргизстана. В середине VI в. племена, населявшие горы и долины Ала-Тоо, входили в состав Тюркского каганата, занимавшего большую часть Внутренней Азии от центральных районов Монголии на востоке до Амударьи и Каспийского моря на западе. С начала VII в. территория Киргизии становится важной частью Западно-Тюркского каганата, раннефеодального государства, столица которого, Суяб, находилась в Чуйской долине около современного г. Токмака. С этого времени до самого монгольского нашествия (XIII в.) горы и долины Тенир-Тоо (Тенгри-Тоо) явились одним из главных очагов владычества тюркских племен в Средней Азии — тюргешей, карлуков, караханидов, а затем и тунгусо-маньчжурских выходцев — киданей (карахытаев).

Период господства тюрков в крае характеризуется развитием оседлости и городской жизни, ремесла и торговли, земледелия и скотоводства, особенно в X—XII вв., при карлуках и караханидах.

Наиболее характерными чертами социально-экономической жизни Киргизстана того времени, как и всей Средней Азии, явились развитие городской жизни и рост численности городских поселений во всех низких и среднегорных впадинах страны, о чем свидетельствуют как письменные

источники, так и многочисленные развалины средневековых поселений. Археологическими исследованиями дореволюционного и советского периода, только на севере Киргизии обнаружены руины около 250 городов и селений*, датируемых V—XII вв., из них более 100 в Иссык-Кульской котловине, около 80 — в Чуйской, 60 — в Таласской долинах. Густой сетью поселений было покрыто и Приферганье. Географы X в. насчитывали там 39 городов. Значительное число (ок. 30) поселений имелось и во Внутреннем Тянь-Шане, из которых средневековые авторы выделяют города: Атбаш (развалины Кошой-Коргон в Атбашинской долине) и Каджангар-Башы, который отождествляется с руинами крепости Шырдакбек в долине р. Алабуга.

Некоторые города (Суяб, Баласагун, Барскан, Ош, Узген и др.) выступали как крупные торгово-ремесленные центры и имели внутриобластное, межобластное и межгосударственное значение. Через них шли основные транзитные торговые пути, связывавшие Среднюю Азию со странами Востока и Сибирью.

Наряду с торговыми сношениями, местные правители поддерживали с Ираном, Византией, Арабским халифатом, Китаем и другими странами политические и культурные связи. В ставках тюркских ханов принимались иностранные послы, миссионеры, путешественники, купцы.

История и историческая география Киргизстана известны в значительной мере по трудам арабских, персидских, среднеазиатских, западноевропейских и других географов и историков VI—XVII вв. [2, 3, 4, 6, 8, 21]. В них отражены описания путешественников, рассказы купцов, отчеты послов и лиц духовного сана, посетивших страны Средней и Центральной Азии. Главную роль в сборе и накоплении фактических данных сыграли торговые и дипломатические сношения, а также миссионерская деятельность. Среди землепроходцев находились высокообразованные люди того времени, ученые (Сюань Цзан, Махмуд Кашгари, Чан Чунь, Рубрук, Ахсыкенди) и государственные деятели (Земарх, Гетум, Бабур, Хайдар). Благодаря им до нас дошли разнообразные сведения о путях сообщения и странах, лежащих на этих путях, их народах.

Так, в средневековой литературе можно найти довольно подробные сведения о торговых путях, проходивших через Среднюю Азию. Один из них, составляющий северную ветвь Великого шелкового пути, так называемая Шашская

---

* По данным археолога Д. Ф. Винника (устное сообщение).

или Тюркская дорога, следовал через Бухару, Самарканд, Бинкет (Ташкент) и другие города до Чуйской долины, где пути расходились: в сторону Илийской долины, в Иссык-Кульскую котловину, во Внутренний Тянь-Шань, а от них — в Восточный Туркестан и другие районы Центральной Азии. Такую же разветвленную сеть представляла и южная трасса шелкового пути. Главной из них считалась, видимо, та, которая шла по левобережью Амударьи, вдоль верховий Пянджа, и через Восточный Памир выходила к Яркенду. Удобен был путь по Ферганской долине, отходящий от Самарканда. Он проходил по густонаселенным районам с многочисленными городами и селениями, утопающими в зелени садов и древесных насаждений. Отсюда по горным тропам и перевалам Ферганского хребта и Восточного Алая путники попадали в города Внутреннего Тянь-Шаня и оазисы Восточного Туркестана.

Этими путями пользовались до и после монгольского нашествия. По ним шли торговые караваны, именитые посольства, миссионеры, путешественники. По этим же путям надвигались в горы и равнины Средней Азии чужеземные орды, опустошавшие города и селения, плодородные земли Семиречья и Ферганы, Чача и Мавераннахра, Дешти-Кыпчака и Хорезма.

Имена и годы

Из многочисленных сведений средневековых авторов по исторической географии Средней Азии наиболее ценны сообщения тех, кто лично посетил край и описал его на основе непосредственных наблюдений. По данным рукописных источников и опубликованных работ горы и долины Ала-Тоо посетили многие иноземные послы, миссионеры, купцы, землепроходцы, ученые. Из них отметим Земарха Киликийского, посла византийского императора Юстина II к тюркскому кагану Истеми (569 г.); Сюань Цзана, монаха эпохи Танской династии, путешествовавшего по Центральной и Средней Азии и Индии (630 г.); арабских землепроходцев — Тамима ибн Бахра ал-Муттауваи, посланника к хакану тюркского племени токуз-гузов (ок. 821 г.); Саллама ат-Тарджумана, путешествовавшего к «стенам Гога и Магога» (ок. 842—843 гг.) и Абу Дулафа, совершившего поездку по Средней и Центральной Азии по поручению эмира саманидов; среднеазиатского ученого-филолога XI в. Махмуда Кашгари, исследователя тюркских языков; западноевропейских путешественников по Средней и Цент-

ральной Азии францисканских монахов Плано Карпини (1245—1247) и Гильома Рубрука (1253—1255), венецианских купцов Никколо, Маффео и Марко Поло, прошедших по югу Средней Азии (ок. 1272—1273 гг.). Из путешественников конца XV—начала XVI вв. выделяются тимурид, историк Захириддин Бабур и моголистанский деятель, историк Мухаммед Хайдар, оставившие интересные географические и историко-этнографические свидетельства о территории и народах Киргизстана и сопредельных стран.

В историко-географической литературе среди путешественников по Средней и Центральной Азии редко упоминаются купцы. Между тем, именно купцы, ходившие со своими караванами за «тридевять земель», вероятно, и были главными поставщиками сведений о торговых путях, городах, селениях, деловой жизни в них, товарах местного производства, отраженных в сочинениях Ибн-Хордадбеха, Кудамы, Джайхани и других авторов, не упоминающих имена этих оставшихся безвестными информаторов.

В расширении географических знаний о странах Внутренней Азии существенна и роль христианских миссионеров и представителей других религий. В литературе [16] неоднократно отмечалась миссионерская деятельность христиан-несторианцев в Средней Азии, их прочная позиция среди тюркского населения средневекового Киргизстана. Об этом свидетельствуют, например, открытые в 80-х гг. XIX в. древнехристианские кладбища близ Пишпека и Токмака, находки надгробных камней с надписями в Чуйской и Иссык-Кульской долинах[1].

В связи с этим уместно вспомнить известие о средневековом монастыре армян на берегу оз. Иссык-Куль. Сообщение это содержится на Каталонской карте мира, созданной испанцем Авраамом Крескесом (Абрам Крекес) в г. Пальма, что на острове Майорка (Средиземное море). Ее датируют различно — 1370, 1375 и 1378 гг. Издана она в 1742 г. в Париже. На ней впервые в европейской картографии изображено оз. Иссык-Куль. Какими источниками пользовался Крескес при составлении карты, неизвестно, но географическое положение и общее очертание озера даны довольно верно. Оно показано на меридиане о. Цейлон и на широте Константинополя и Ханбалыка (Пекин). На берегу Иссык-Куля изображено здание, увенчанное крестами, а в легенде указывается, что это армянский монастырь.

По В. В. Бартольду (1897) армянский монастырь находился в г. Иссык-Куль, который несколько раз упоминался в истории походов Тимура в Моголистан в последней чет-

верти XIV в. Но как город, принадлежащий тюркскому племени джикиль (чигиль), он был известен еще в X в. Неизвестный персидский географ, автор сочинения «Худуд ал-алам» («Границы мира») писал, что Сикуль (Иссык-Куль — *С.У.*) — большой богатый торговый город. Однако о местоположении города и монастыря средневековые авторы умалчивают. Опираясь на Каталонскую карту и анонимного автора X в., В. В. Бартольд (1927) полагал, что Сикуль и его монастырь находились на северном берегу оз. Иссык-Куль. Если это так, то город этот логичнее искать на Кунгей-Аксуу, где обнаружены крупное мусульманское кладбище, четыре наземных и подводных археологических памятника X—XII вв. На Кунгее есть, несомненно, и другие подходящие места, где мог располагаться упомянутый город, например, между Кутургой и Тюпом. Не исключено и то, что Сикуль входил в состав средневековых городов Тескея. Такой вывод напрашивается по фрагменту Каталонской карты, опубликованному И. П. Магидовичем (1947, 1967), где армянский монастырь, стало быть и город, обозначены скорее на южном берегу оз. Иссык-Куль, чем северном. Вопрос локализации Сикуля, как и ряда других памятников старины, требует своего дальнейшего тщательного изучения и анализа.

Пути и маршруты

Установить и составить маршруты средневековых путешественников не просто, т. к. ни один из них не описывает подробно пройденный им путь, не перечисляет последовательно важнейшие природные объекты и пункты, лежавшие на пути следования. Поэтому приходится иметь дело с отрывочными данными, упоминаниями лишь отдельных мест (Сарай, Ургенч, Тараз, Алмалык и т. д.) и больше ориентироваться на трассы торговых путей, проложенных по Средней Азии.

По Северной Киргизии. Судя по описаниям путешествий и литературным данным, маршруты путешествий обычно совпадали с трассами основных караванных путей, которые мало отличаются от линий современных автомагистралей, пересекающих Среднюю Азию. Так, Тамим ибн Бахр свое путешествие на Орхон (ок. 821 г.) начал из Нижнего Барсхана, располагавшегося в районе г. Джамбула, а на обратном пути проследовал по берегу Иссык-Куля. Других ориентиров между этими местами путник не называет. Очевидно, последний отрезок пути Тамим прошел по Боом-

скому ущелью, Чуйской и Таласской долинам, используемым кочевниками Ала-Тоо с самых отдаленных времен для сообщений и перегона скота. Этим же маршрутом, через Барсхан (этот средневековый город локализуют с развалинами близ с. Барскон на южном берегу оз. Иссык-Куль) и Тараз (Джамбул), видимо, воспользовался и другой арабский путешественник — Саллам ат-Тарджуман (ок. 842—843 гг.).

Чрезвычайно сложно, скорее, невозможно установить маршрут арабского географа, выходца из Южной Аравии, Абу Дулафа, прошедшего по горной Средней Азии (ок. 942 г.). Он выступил в далекий путь из Бухары, будучи визирем правителя саманидов. Но описание путешествия, как указывает русский востоковед В. В. Григорьев (1873), дано настолько неясно, хаотично, что оно является «непроходимой путаницей» [13]. В. Ф. Минорский (1937) [57] считал его маршрут также запутанным и лишенным практического интереса. И все же путешествие Абу Дулафа — реальный факт (И. Ю. Крачковский, 1957) и его «Рисале» («Записки») не лишены интереса для исследователя-киргизоведа.

Долгие годы провел на Тянь-Шане выдающийся среднеазиатский ученый, тюрколог Махмуд Кашгари (XI в.). Детские и юношеские годы будущего ученого были связаны с городами и кыштаками Прииссыккулья. Отсюда, из Барсхана, центра округа Верхний Барсхан, происходит его отец, большую часть жизни проживший в Баласагуне, столице государства караханидов. «Я затратил долгие годы,— писал Махмуд Кашгари,—чтобы объехать города, кыштаки и джайлоо тюрков, туркмен, огузов, чигилов, ягма, киргизов, занимаясь сбором слов из их языков, изучая произношение различных говоров» [29]. Эти языки ему «пришлись по душе», он упорядочил и привел их «к одной системе» в своем замечательном трехтомном труде «Диван лугат ат-тюрк» («Собрание тюркских наречий (языков)»), составленном в 1072—1074 гг. Помимо лингвистического, в нем много ценного географического и историко-этнографического материала по Киргизии и другим тюркоязычным странам. К нему приложена интересная круговая карта мира, центральную часть которой занимает горная Средняя Азия. К сожалению, автор не приводит ни годы, ни маршруты своих путешествий.

Не останавливаясь на маршрутах каждого землепроходца, отметим, что если не все, то большинство из них проследовали по территории Киргизстана по трассам, проходившим на севере по Чуйской и Иссык-Кульской доли-

нам, а на юге по Приферганью, представлявшим ветви международного транзитного торгового пути. Согласно А. Н. Бернштаму (1941) [6], сообщения между Иссык-Кульской и Чуйской долинами осуществлялись через перевалы Калмак-Ашуу и Кёк-Ойрок на хр. Кунгей Ала-Тоо, минуя Боомское ущелье. Думаю, что наряду с горными проходами как для внутренних, так и транзитных сношений использовалось и Боомское ущелье. Об этом говорят письменные источники, правда, косвенно. По известным средневековым маршрутникам транзитный путь и с запада и с востока всегда вел в сторону Боомского прохода. В одном из них, относящемся к VII в., трасса из Восточного Прииссыккулья приводит к р. Чу. Существование дороги по Боому в XI в. вытекает, например, из сочинения Гардизи. Гору, находившуюся у входа в ущелье, он называет Джиль («тесный»). Последнее В. В. Бартольд (1897) отождествляет с названием почтовой станции Джиль-Арык*, действовавшей здесь в течение продолжительного времени. Как свидетельствует Шараф ад-Дин Али Йезди (1425), по Боому весною 1376 г. прошли войска Тимура, давшие сражение армии эмира Моголистана Камар ад-Дина.

Район Боомского ущелья с давних пор был освоен кочевниками-киргизами, о чем свидетельствуют многочисленные географические названия гор, впадин, перевалов, рек, урочищ, расположенных по обоим берегам р. Чу. О том же говорит и топоним **Боом**, упоминаемый в письменных источниках еще в XIV в. В середине XIX в. на склонах ущелья существовали три **койджола** (букв. «овечья дорога, тропа»), служившие для вьючного сообщения и прогона скота. По ним в ночь с 25 на 26 сентября (по старому стилю) 1856 г. прошел русский отряд из 90 человек во главе с путешественником П. П. Семеновым к оз. Иссык-Куль. Позже койджолы Боома были использованы русскими военными саперами при прокладке колесной дороги по ущелью, открытой в 1871 г. Таким образом, Боомское ущелье было доступно в средние века для караванного сообщения.

---

* В действительности топонима Джиль-Арык (Джел-Арык) в Боомском ущелье не существует. Это искусственно искаженное название, принятое у дореволюционного управленческого аппарата, в официальных источниках и литературе. Оно происходит от имени горной долины Джел-Аргы, расположенной между хребтами Байбиченин-Соору и Окторкой (Терек-Джону). По недоразумению и по сей день некоторые дорожники (см. например, маршрутник автомобильных дорог Киргизской ССР) продолжают именовать данный пункт Джел-Арыком. Среди местного населения он известен под названием Тайгак-Бекет.

При описании маршрутов и путей сообщения из Верхнего Барскана (Юго-Восточное Прииссыккулье) в Восточный Туркестан обычно делается акцент на трассу, идущую через перевалы Барскон (Джууку), Ак-Бель и Бедель. По-видимому, этот караванный путь существовал с глубокой древности. Однако Сюань Цзан (630 г.) пересек Небесные горы с юга на север по Музартскому перевалу. Описанный ими впоследствии Линшань («Ледяной хребет») соответствует не Какшаал-Акшийракскому району, а горному массиву, лежащему по обе стороны Меридионального хребта. Он известен древним тюркоязычным названием Муз-Тоо (Мустаг, авторов XVIII — первой половины XIX вв., в киргизском народном эпосе иногда — Кёйкап).

На маршрут, приведенный в истории Танской династии, от Бада (Бедель) до Горячего озера (оз. Иссык-Куль) положиться трудно. В нем есть явно абсурдные вещи, вроде того, что город Дундо, столица усуней, находился в VII в. на сыртах у северного склона хр. Какшаал-Тоо, на высоте порядка 3500 м. над ур. м. Известно, что усуни сошли с политической арены на Тянь-Шане еще в V в. и их поселения перестали существовать. Развалины неизвестного города, которые видел позже Тамим ибн Бахр на берегу Иссык-Куля, возможно, принадлежали древней столице усуней.

По Южной Киргизии. О средневековых маршрутах и путях сообщали как арабские географы, так и среднеазиатские ученые. Исследователи сходятся на том, что основной путь, ведущий из Восточного Туркестана в Фергану, сперва шел вверх по долине р. Кызыл-Суу (Кашгарской), а затем через горные перевалы Восточного Алая (Караванкул, Эгизек и Терек-Даван) выходил к Гульче и Ошу. По этому маршруту мог следовать Чжан Цянь, когда он во II в. до н. э. попал в Фергану, а также Гиясуддин Наккаш (XV в.) на обратном пути из поездки в страны Востока. Им пользовались путешественники (А. Халлерштейн, ок. 1760 г.; Ф. С. Ефремов, ок. 1780 г.; М. Фейзуллин, ок. 1807 г.; Мир-Иззет-Улла, 1812 г. и др.) и торговые караваны в XVIII и начале XIX вв. После ликвидации Кокандского ханства и образования Ферганской области по части средневековой трассы прошла новая дорога, сооруженная (через перевалы Чыйырчык, Талдык и Катын-Арт) и доведенная до Алайской долины в 1893 г.

Кроме описанного Ош-Терекского пути, сообщение из Ферганы в Восточный Туркестан осуществлялось и по трассам, проложенным значительно севернее, например, по долинам реки Джазы (Яссы) и Тар. Одна из них, по данным

арабского географа X в. Кудамы ибн Джафара, начиналась от г. Узгена, одного из крупных политических и экономических центров при караханидах. «От Йузкенда до перевала (акабы), а дорога туда пролегает через близко друг к другу расположенные сельские местности, смежные с (землями) Хуртекин Дихкана. Перевал (акаба) находится высоко, трудно доступен когда выпадает снег; расстояние до него нельзя пройти в один день. От перевала (акабы) до Атбаша — 1 день пути. Дорога идет по горам с подъемами и спусками. А этот Атбаш — город, расположенный на высоком перевале, находится между ат-Тубботом, Ферганой и Барсханом» [61]. Однако из описания не ясно, по какому перевалу (перевалам) шли караваны в Атбаш.

Исследователи, разбиравшие этот маршрут, толкуют его по-разному. А. Н. Бернштам [8] полагал, что путь сначала вел в долину р. Алабуга, к г. Каджангар-Башы (развалины крепости Шырдакбек), упомянутому Махмудом Кашгари, а затем — к г. Атбаш. О. Караев (1968) запутывает вопрос о пути от Узгена в Атбаш, принимая злополучное акабу (по-арабски — «перевал, горная дорога, крутой подъем») то за стоянку — караван-сарай в долине р. Арпа, то за неизвестный перевал «Качук Арт между Узгеном и Кашгаром», то разыскивая его в долине Алабуги. Думаю, что прав В. В. Бартольд (1893), выразивший сомнение в правильности указанных Кудамой расстояний. Если исходить из давно принятой туркестановедами локализации о соответствии средневекового г. Атбаш развалинам Кошой-Коргона, то ошибочно и другое сообщение арабского географа о его нахождении «на возвышенном крутом подъеме», «высоком перевале» или «высоком холме». На самом деле Кошой-Коргон расположен в котловине, долине р. Кара-Коюн. Расстояние от него до Узгена через долину Арпы (около 250 км) соответствует 8—9 дням караванного пути, а не двум дням, как считал Кудама.

Вероятнее всего, трасса этого пути проходила вдоль р. Джазы (Йасы, Яссы). Протекает она по довольно широкой живописной долине с поймой, заросшей древесно-кустарниковой (тугайной) растительностью. Долина удобна для караванного сообщения, богата сочными травами, текучей водой. В верхней части ее на поверхность выходят минеральные источники Кара-Шоро, известные местному населению с глубокой древности. У устья р. Чытты, правого притока Джазы, путники поворачивали на северо-восток и шли к одноименному перевалу на Ферганском хребте. Преодолевшим проход Чытты открывался путь на юго-

восток, восток — в долины Арпы и на север — по направлению к Алабуге.

Примечательно, что здесь, в верхней части долины Чытты, на широкой правобережной террасе, у развилки трех горных потоков, образующих реку Чытты, перед подъемом на перевал, находилось средневековое поселение, сооруженное из камня. Его руины, которые мы видели в 1977 г., местное население называет Чытты-Коргон или Чытты-Базар. На его территории расположен мазар Соболон-Ата (в литературе ошибочно — Савала и Соголон). По аналогии с Таш-Рабатом Атбашинским археологи датируют чыттынские памятники XIII—XV вв. Однако в исторической литературе, в т. ч. в описаниях походов Тимура, ничего не говорится о караван-сарае Чытты, хотя глава тимуридов по крайней мере дважды (1376, 1377—1378) прошел со своим войском по долине Джазы. В одном случае, как полагают, он следовал перевалом Джазы. Если исходить из географических особенностей местности, армия Тимура из Арпа-Джазы в Узген должна была идти по относительно легкому, удобному и короткому пути, пролегающему через перевал Шилбили или Чытты. Ныне через долину Чытты проложена автомобильная дорога, что говорит о преимуществах этой трассы перед остальными.

Наконец, несколько слов о путях, связывающих Ферганy с Восточным Туркестаном по долине р. Тар и ущельям гор Коктун. В числе горных перевалов, расположенных между Кашгаром и Ферганой, Махмуд Кашгари (XI в.) называет Арык-Турук, Кабак-Арт, Кара-Йалга (Кара-Джылга) и др. И. И. Умняков (1940) отождествлял их соответственно с известными горными проходами Терек-Даван, Торугарт, а Кара-Джылга искал в Чоналайском (Заалайском) хребте. Оказалось, что они расположены в горах Коктун, простирающихся по северо-западной окраине Кашгарии, и сохранили свои названия тысячелетней давности. Едва ли ученый упоминал топонимы случайно и без всякого умысла отмечал их достоинства или особенности. Возможно, он был на этих перевалах, когда для сбора языкового материала путешествовал по стране, а трудный переход через перевал Кара-Джылга заставил его навсегда запомнить древнюю поговорку-предостережение: «Покуда не придет черная нужда, не переходи (перевал) Кара-Йалга» [29].

Несомненно, что через эти и другие перевалы осуществлялись караванные (торговые) и иные сношения как местного, так и межобластного значения. В бассейне Тара обнаружено большое количество археологических памят-

ников. Однако они еще не изучены в должной мере и пока трудно говорить об истории заселения края, о характере и масштабах экономических и культурных связей его населения. Некоторые данные о давних контактах Ферганы с Кашгарией через Тарскую долину имеются в литературе и архивных документах XIX и начала XX вв., которые содержат также перечень маршрутов и торговых путей, где упомянут и пер. Арык-Торук.

Об изученности территории Киргизии в средневековье

В средние века наука располагала гораздо большим числом данных о территории Киргизстана, чем в античный период. Имеющаяся информация носила разносторонний характер, она касалась как природных условий, так и социально-экономической жизни населения преимущественно районов Таласской, Чуйской, Иссык-Кульской и Ферганской долин, лежавших на трассах транзитных торговых путей.

По общему объему и конкретности, из всей имеющейся информации, отличаются данные о городах, их внутренней структуре, ремесле и торговле, путях сообщения, расстояниях между пунктами. Среди историко-этнографических сведений важны те, которые касаются этнического состава населения, их численности и географического размещения. По сочинениям средневековых авторов, а также историко-археологическим исследованиям XIX и XX вв. можно составить представление о степени урбанизации страны, о довольно густой заселенности предгорных равнин и некоторых межгорных впадин, где жители городов и селений составляли значительную часть всего населения, но какую, определить пока не представляется возможным.

По сравнению с историко-этнографическими и социально-экономическими аспектами, природные особенности страны освещены гораздо слабее, в общих чертах или отрывочно, за исключением кратких, комплексного характера описаний отдельных регионов (Ферганы, Прииссыккулья) и объектов. В обзорах природы имеются сведения о рельефе горной Средней Азии, ее крупных орографических единицах, перечисляются крупные реки и озера, приводятся данные о величине водоемов; отмечаются особенности климата, растительности и животного мира отдельных мест.

Вот некоторые конкретные данные о географических представлениях средневековых авторов.

О рельефе горной Средней Азии. Средневековые географы в общих чертах знали о сложном орографическом строении Евразии, существовании в ней горного пояса, пересекающего весь материк с востока на запад, расчленении его на крупные морфоструктурные единицы, имели некоторые понятия о типах гор. Например, арабский географ Истахри (X в.) в горах Средней Азии различал главный и второстепенные хребты. Часть этого главного хребта — Буттем (соответствует Алай-Гиссарской системе гор), он характеризует как «высокие неприступные горы» [28].

Более определенно о горных системах, простирающихся от Индии до земель киргизов (Алтай), от Китая до Андалус (Испания), пишет персидский географ, автор книги «Худуд ал-алам» (983 г.). По его мнению, «Горы расположены двояко: одни — главные горы. Они простираются от одной области до другой области, местами суживаются, местами расширяются, то направлены прямо, то направлены извилисто; эти горы называются осевыми.

Другие горы — ветки, они ответвляются от осевых гор. Они так названы потому, что напоминают обильно ветвящееся дерево, ведь горы тоже имеют отроги... Все эти горы большей частью между собой соединены» [54].

Неизвестный автор подробнее чем кто-либо описывает горы Средней Азии, показывает их сложное строение. Только у него мы встречаем попытку орографического районирования Небесных гор и названия выделенных им крупных морфоструктурных единиц. Юго-Западный Тянь-Шань (Алай-Гиссарская система гор) он именует Буттемом. Северо-Западный Тянь-Шань — Мансом или Манисом, Внутренний и Центральный Тянь-Шань — Иргадж-Артом (по В. Ф. Минорскому — Игадж-Арт), Восточный Тянь-Шань — Тафканом; систему гор, соединяющую Тянь-Шань с Алаем — Туласом.

Общего, обобщающего названия для всей горной системы Ала-Тоо в те времена не существовало. Топонимы Цунлин («Луковые горы») и Моголистанские горы, так же как и Тянь-Шань,— искусственные, книжные названия, неизвестные местному населению. Между прочим, в трудах средневековых арабских, персидских, среднеазиатских и европейских авторов Луковые горы как географическое наименование не встречается, а Моголистан упоминается как название страны в связи с походами Тимура и другими политическими событиями XIV—XVI вв.

Под Луковыми горами подразумевались Памир и Тянь-Шань (последний в пределах Средней Азии), а Моголистанскими — только Тянь-Шань. Цунлин характеризуется

как обширная горная страна, простирающаяся «с востока на запад и с севера на юг» на сотни километров. «В них есть несколько сот крутых вершин, долины темные, наполнены пропастями; там видны во всякое время года кучи льда и снега; чувствуется жестокий холод и дует сильный ветер. В этой стране много луковиц, поэтому горы зовутся Луковые горы» [51]. Так представлялась горная Средняя Азия путешественнику Сюань Цзану, прошедшему по ее северной и южной частям в первой половине VII в.

О гидрографии страны. Средневековые авторы затрагивают различные вопросы гидрографии Средней Азии, в т. ч. типологию и питание рек. Но больше всего сведений в их работах о географическом распределении рек и озер, об их величине, характере течения, области формирования. Реки бывают двух родов — естественные и искусственные, поясняет автор «Границ мира». Он и Бируни определяют питание рек Средней Азии, как дождевое, снеговое, родниковое и частично ледниковое, что созвучно с современными представлениями гидрологов.

Из гидрографических объектов Киргизии особое внимание обращено на оз. Иссык-Куль, известное в средневековье под разными названиями. Выше было указано на его наименование Тяньчи («Наполненное озеро»), относящееся к I в. до н. э. Для этого же или более раннего времени французский востоковед прошлого века Ю. Клапрот (1826) приводит два других онима водоема — Яньхай («Соленое озеро») и Жехай («Горячее озеро»), которые, по-видимому, являются калькой усуньских тюркских названий **Туз-Кёль** и **Иссык-Куль**, имеющих те же значения. В литературе эти гидронимы более известны, начиная с VII—VIII вв. Сюань Цзан, посетивший берега Иссык-Куля в 630 г., именует его Прозрачным или Голубым озером.

В трудах среднеазиатских, арабских и персидских географов гидроним обычно передвигался в форме **Исиг-Кул**, т. е. почти также, как и в наши дни. Мы не будем касаться здесь других наименований (оз. Барсхан, Тюркское, Темирту-Нор и т. д.) Иссык-Куля, требующих специального рассмотрения.

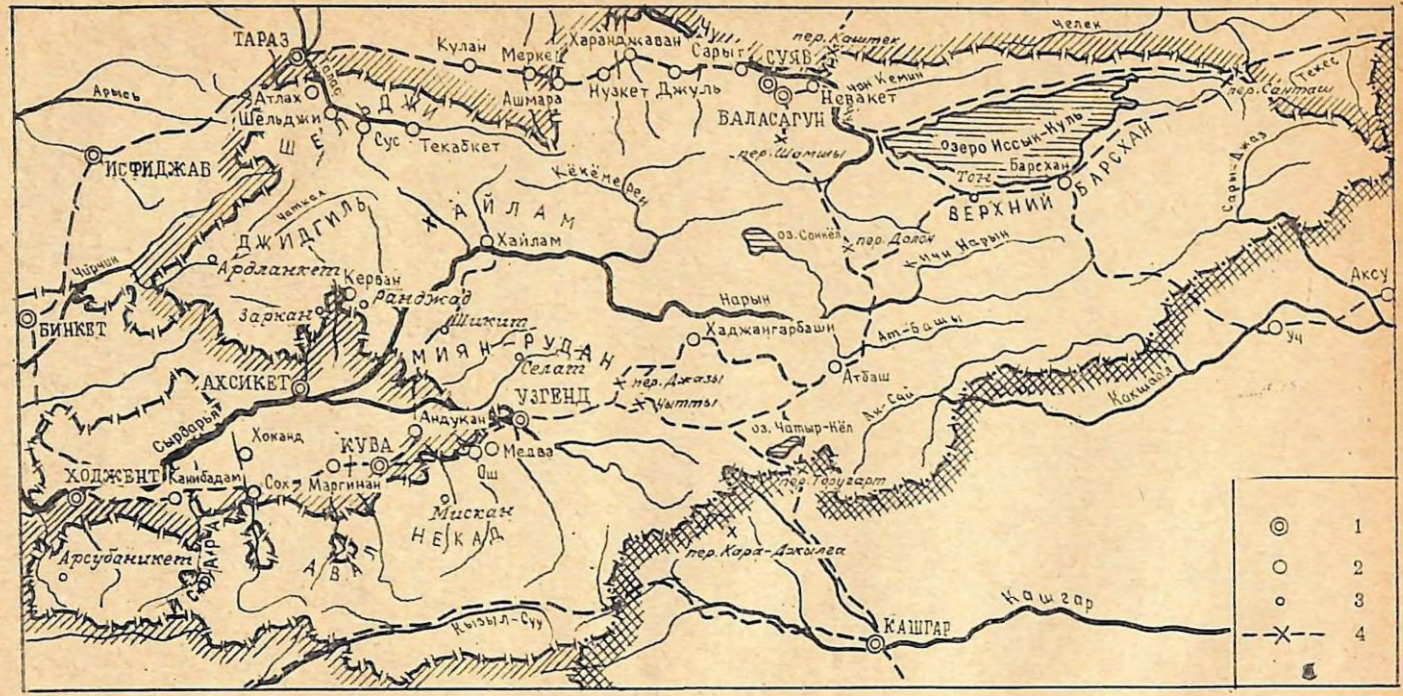
Первая наиболее правдивая характеристика оз. Иссык-Куля принадлежит Сюань Цзану. Он довольно верно определил длину окружности (более 500 км) и форму озера («длиннее с востока на запад, короче с юга на север»), указал на замкнутость его котловины, обилие впадающих речек и некоторые физико-химические свойства озерной воды («цвет воды — голубовато-синий, а вкус — горько-

соленый», водная масса подвержена сильному волнению), а также на богатство рыбой.

Последующие исследования, вплоть до конца XVII в., дали мало нового о гидрологии озера. Они смогли лишь уточнить или несколько дополнить выше приведенную характеристику, относящуюся к VII в. Так, Тамим ибн Бахр, несмотря на явные заблуждения относительно величины («простирается на 30 или 40 дней пути») и формы («квадратная») водоема, численности потоков («150 малых и больших рек») Иссык-Куля, сделал ряд интересных наблюдений, в т. ч. о проточности озера, что могло иметь место во время пребывания путешественника в Приссык-кулье. Сведения Махмуда Кашгари (XI в.) о длине (30 фарсахов — около 180 км) и ширине (10 фарсахов — около 60 км) озера оказались самыми достоверными за все время изучения Иссык-Куля, до начала здесь съемочных работ в 1856—1857 гг. Они близки к современным морфометрическим значениям (длина 178 км, ширина 60,1 км) озера. Заслуживает внимания и сообщение Гардизи (XI в.): «Иссык-Куль — соленый водоем, принимает до 70 притоков, простирается на 7 дней». Последнее, довольно пространное и красочное описание озера, но не лишенное некоторых странностей (этим грешил не только он один), оставил в середине XVI в. Мухаммед Хайдар.

В ряде средневековых работ (Сюань Цзан, Тамим ибн Бахр, Бекран, Фра-Мауро, Хайдар и др.) встречаются данные о сточности или бессточности Иссык-Куля. Эти сведения, с учетом аналогичных сообщений античных авторов, служат основанием для постановки вопроса о возможном колебании уровня озера за тот или иной период. Анализ исторических свидетельств и их сопоставление с археологическими материалами позволяет нам говорить, с известной долей вероятности, о четырех трансгрессивных и трех регрессивных фазах уровенного режима озера, имевших место за последние 2000 лет [53].

Легенда о Горячем озере. Некоторые авторы касаются термических условий Иссык-Куля, но основной акцент при этом делается на незамерзаемость его вод зимою. В связи с ними рассматривается происхождение названия озера. «Озеро (Иссык-Куль — *С. У.*) **холодное**, но не замерзает, потому называется **Горячим** (здесь и ниже выделено нами — *С. У.*) озером», пишет хронист VIII в. [25]. То же примерно сказано и у Бируни (XI в.): Иссык-Куль — Горячее озеро. Персидский географ XIII в. Наджиб Бекран признает его воду только теплой. «Вся вода в нем теплая»,— уточняет он в своем «Джахан-Наме».

Киргизстан в IX—XIII вв.

1 — центры областей и крупных округов; 2 — прочие города и населенные пункты; 3 — города и населенные пункты, нанесенные предположительно; 4 — основные караванные пути и перевалы.

Подобные суждения нелогичны и ненаучны. Но тем не менее они оказались живучими и долговечными. Даже в наши дни, когда хорошо известны природные особенности Иссык-Куля, когда уже выяснено происхождение названия озера, все же по инерции продолжают повторять стародавний этимологический парадокс.

В самом деле, почему надо называть **горячим** озеро, когда оно **холодное?** Если исходить из температуры воды на Иссык-Куле, то она ничем необычным не отличается. То, что озеро не замерзает зимою, не может служить основанием для его номинации **горячим.** В этом случае логичнее было бы именовать водоем Незамерзающим озером.

Действительно, оз. Иссык-Куль не замерзает, хотя в суровые зимы заливы все же покрываются льдом. Такое его удивительное свойство связано со способностью водной массы озера сохранять в течение длительного времени огромный тепловой запас, накопленный за весенне-летний период. Благодаря этому прогретая до значительной глубины водная масса не успевает охладиться за зиму настолько, чтобы на ее поверхности образовался сплошной твердый льдистый панцирь. Даже в самое холодное время, в январе, температура на всех глубинах по всему Иссык-Кулю колеблется от +4°, 2 до +5°, 0. Таким образом, температурный режим вод не дает повода называть озеро не только горячим, но даже теплым.

Почему же, в таком случае, существует и живет легенда о Горячем озере? Возникла она, по-видимому, в глубокой древности, когда пытались осмыслить и отгадать этимологическую загадку Иссык-Куля. Естественно было обращение тогдашних «топонимистов» к прямым значениям слов, образующих гидроним: **ысык** и **кёль.** Первый из них на тюркских языках означает **«горячий»,** второй — «озеро». Получалось: Иссык-Куль — Горячее озеро. Однако вода в нем не горячая, а холодная, что говорит о явном противоречии формы с сущностью. Решили, что не может быть такого сомнительного этимона и стали искать объяснения загадочному явлению. Но удовлетворительного ответа не находилось. Второе значение лексемы **ысык,** обозначающее **«симпатичный, приятный, милый»,** как будто не годилось для этимологизации. Действительно, подобное значение нетопонимично, оно не характерно для тюркоязычной топонимии, как впрочем, и для иных топонимических систем. Тогда появилась, видимо, идея о незамерзаемости вод озера и ею стали объяснять происхождение его названия. Так родилась и пошла гулять легенда о Горячем озере.

Разгадка топонимической тайны кроется, на наш взгляд,

в другом древнем значении апеллятива **ысык**, зафиксированном в форме iduq («священный, святой»). Его мы находим в книге «Кудатку Билик», написанной в 1069—1070 гг. Автор ее — Юсуф Хас Хаджиб, поэт, происходит из г. Баласагуна, близ современного Токмака в Чуйской долине, который в течение нескольких столетий оставался крупным политическим, экономическим и культурным центром в Средней Азии. Слово это сохранилось и ныне в некоторых живых сибирско-тюркских языках, но с некоторыми фонетическими изменениями: в тувинском — **ыдык**, хакасском — **ызых**, якутском — **ытык**.

В известном словаре тюркских наречий В. В. Радлова (1893) читаем: **ыдык-ыдук** «посланный (богом), счастливый, благословенный, благий»; **ызык** — «посвященный богу, жертва»; **ызык таг** — «жертвенная гора»; ыjык — «выбранный, назначенный, посвященный для жертвы»; ыjыкту — «священная гора». К этому добавим якутское **ытык**— «почитаемый, уважаемый, святой, священный, жертва». Отсюда топонимы: оз. Ытык-Кюель, р. Ытык-Тит, поселок Ытык-Бие и т. д.

В алтайской лексике **ыйык** имеет следующие значения: 1) мифологическое: духи рек, гор, долин; 2) фетиш, предмет преклонения, почитания (например, гора, дерево, животное, посвященное в жертву); 3) священный, приносящий счастье.

Из сказанного кажется ясным, что тюркские прилагательные **ысык, ызык, ыйык, ыдык, ытык** имеют сходное семантическое значение. Их обобщенный смысл: «святой, священный, жертвенный, почитаемый». Этот топонимический ряд продуктивен в географической номенклатуре. Словосочетания, топонимы с данными прилагательными многочисленны на обширном пространстве Азии от Якутии до Памиро-Алая. На территории Киргизии известно несколько географических названий с тополексемами **ысык** и **ытык**. Кроме Иссык-Куля, это — минеральный источник, мазар, р. Ысык-Ата, пер. Ытык и др.

Как эти сибирско-тюркские слова попали на Тянь-Шань, объяснить нетрудно. Известно, что киргизы и некоторые другие тюркские племена переселились в Среднюю Азию из Южной Сибири. Они принесли сюда сибирско-тюркскую лексику. Кроме **ысык**, вспомним **кол** («река, долина») и **арт** («горный перевал»), встречающиеся как формант в сложных географических названиях (Каракол, Кызарт и т. д.), **бельчир** («устье»), **суур** («сопка, пик»), **кажыр** («отвесный, крутой»), **шаты** (от шат — «горная гря-

да, кряж»), **шибе** («ель, еловый») и др., сохранившиеся только в топонимии.

В древности люди зависели от грозных сил природы, видели в них живые сверхъестественные существа. Они одухотворяли небо, поклонялись солнцу, горе, реке и другим примечательным природным объектам, считая их священными. Так возникли на ранних стадиях развития цивилизации культовые географические названия, которыми пестрит карта земного шара. Они энергично насаждались церковью — буддийской, мусульманской, христианской. Достаточно вспомнить хотя бы многочисленные названия населенных мест, да и природных объектов на разных континентах, начинающиеся словами: **сан, санкт, санта, сен, сент,** восходящими к латинскому sanctus — «священный».

Почитали достопримечательные природные объекты и киргизы. В прошлом некоторые горы, водные объекты, особенно горячие источники, являлись местом поклонения отдельных родов. Священным, заповедным считался и Иссык-Куль. Культ озера возник в глубокой древности. О почитании, поклонении ему местного населения свидетельствует путешественник VII в. Сюань Цзан, а по Тамиму ибн Бахру (IX в.), жители Барсхана, близлежащих городов и селений «обходят вокруг него один раз в году весной». В старину запрещалось в нем ловить рыбу, купаться, загрязнять воду.

Итак, в далеком прошлом слово **ысык** имело несколько значений, из них нас интересуют два: 1) горячий и 2) святой, священный, жертвенный. Второе из них забыто в киргизском, но сохранилось в некоторых сибирско-тюркских языках. Топонимия часто хранит забытые значения слов. Так и в данном случае. Поэтому из разных этимологий гидронима Иссык-Куль следует отдать предпочтение самой древней: «святое, священное (почитаемое, заповедное) озеро». Другие его объяснения («горячее или приветливое, милое озеро») возникли намного позже (в письменных источниках с VII в.) в порядке народно-этимологического переосмысления и лишены мотивации [30]. Аналогично происхождение сходных по семантике одноименных топонимов (мазара и термального источника) в долине р. Ысык-Ата на северном склоне Киргизского хребта. Ысык-Ата — не «Горячий отец», а «Священный отец (предок, покровитель)».

В СТРАНУ «ДИКОКАМЕННЫХ» КИРГИЗОВ

НАУЧНЫЕ ПОДВИГИ РУССКИХ УЧЕНЫХ И ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ

Судя по древнерусской летописи Нестора «Повести временных лет» (начало XII в.) русским были известны почти вся Европа (на востоке до Уральских гор), Малая Азия, Персия, Индия, Северная Африка. О Средней Азии летописец не упоминает. Непосредственное пребывание русских путешественников в Средней Азии в письменных источниках VIII—XII вв. не отмечено.

Татаро-монгольские завоевания в Азии и Европе явились поводом невольной поездки русских князей в середине XIII в. в Центральную Азию, в ставку Великого хана монголов — Каракорум. Возможно, что их путь в пределах Средней Азии проходил через хр. Каратау, долины рек Талас, Чу и Или. В 1389 г. суздальский князь Борис с армией Тохтамыша был в Самарканде. Значение этих поездок и походов, как и торгово-экономических сношений Восточной Европы со Средней Азией, в исторической географии невелико. Сохранившиеся документы не содержат или почти не содержат географических сведений.

Ранние русские географические известия о Средней Азии и Киргизии (XVI—XVIII вв.)

Свержение монгольского ига и создание единого централизованного Московского государства сыграли огромную роль в дальнейшем экономическом и культурном развитии России, укреплении ее связей со странами Запада и Востока. Среди различных событий этого периода следует выделить путешествие тверского купца Афанасия Никитина в Индию (1466—1472) и создание первого крупного картографического произведения «Большой чертеж» (конец XVI в.), к сожалению не сохранившегося. Судя по не менее ценному памятнику «Книга Большому чертежу», составленному в 1627 г., «Большой чертеж» содержал огромный географический материал не только по территории Московского государства, но и сопредельных стран. В нем отражены многочисленные данные, накопленные русскими людьми за длительный период общения с народами Казахстана и Средней Азии, в т. ч. русскими посольствами (Д. Губин, 1534; С. Мальцев, 1569; Б. Тайшиев, 1589 и др.).

В «Книге Большому чертежу» встречается впервые в русской литературе упоминание о географических объектах (хребты Карабас и Каратау), расположенных в пределах горной Средней Азии. Один из них соответствует Туркестанскому хребту и горам Нуратау, составляющим юго-западные отроги Тянь-Шаня, другой — одноименному сырдарьинскому Каратау.

Активная внешняя политика Московского государства, его стремительное движение на Восток и присоединение Сибири, стремление установить прочные торгово-экономические отношения с Казахстаном, Средней Азией, Монголией, Джунгарией, Персией и другими государствами, поиски кратчайших путей в Индию и Китай в XVII и XVIII вв., особенно Петровские реформы способствовали усилению связей России со странами Востока, развитию исследовательской деятельности.

Россия была заинтересована в расширении географических знаний об азиатских странах, получении достоверной информации об их природных ресурсах, путях сообщения, промышленном потенциале, рынках сбыта товаров и т. д. С этой целью снаряжались дипломатические миссии и торговые караваны. По литературным источникам, только в XVII в. в Среднюю Азию было направлено более десяти официальных посольств и полномочных представителей русского правительства. Один из таких посланцев русский казак из Томска Емельян Вершинин вместе с толмачем-«бухаретином» Е. Шагалаковым и казанским татарином Алыбаем в 1639—1642 гг. совершил длительное путешествие по Средней и Центральной Азии [27]. Им удалось пересечь Великую Китайскую стену и установить контакт с правителем Минской империи. Полагают, что маршрут путешественников из Самарканда на восток пролегал через Ташкент, Сайрам, Чуйскую и Иссык-Кульскую долины. Если верить данной версии, то путешествие Вершинина явилось одним из первых посещений русскими территории Киргизии.

Многие географические данные, собранные русскими во время путешествий или опросным путем, получили отражение в различных «отписках», «рапортах», «записках», картографических работах («чертежах»). Наиболее обобщенно они представлены в «Чертеже земли всей безводной и малопроходной каменной степи» (1697), составленном выдающимся русским картографом конца XVII — начала XVIII в. С. У. Ремезовым, создателем первого русского атласа «Чертежной книги Сибири» (1701). На этой карте, охватывающей значительную часть Внутренней Азии, из

природных объектов Киргизии изображены реки Чу и Талас, из сопредельных — море Тенгиз (оз. Балхаш); реки Сырт (Сырдарья), Или, Лопча (Тарим), Кашлар (Кашгар); города Кашкар (Кашгар), Андезен (Андижан) и др. Размещение их на карте дано неудачно: например, все перечисленные здесь реки показаны впадающими в оз. Балхаш.

Большой сдвиг в географическом изучении Средней Азии и сопредельных стран происходит в Петровскую эпоху и вообще в XVIII в. Как известно, Петра I заботила идея открытия торгового пути между Россией и Индией через р. Амударья. С целью поисков путей в Индию, изучения Средней Азии и разведки месторождений «песошного золота» на р. Иркеть (Яркенд, приток Тарима) при Петре I был снаряжен ряд экспедиций. Одним из первых таких предприятий явилось путешествие тобольского дворянина Федора Трушникова, который в 1713—1715 гг. побывал в Восточном Туркестане, на высокогорном оз. Кукунор и в верховьях Желтой реки, что на севере Тибетского плоскогорья. Он доставил первые сведения о посещенных странах и образцы золота, но и ничего не сообщил о маршруте своего путешествия.

Сообщения между Западной Сибирью и Кашгарией в XVIII в. чаще всего осуществлялись через Семиречье. Из Семипалатинска путь шел к низовьям Аягуза. Оттуда по отрогам Джунгарского Алатау, Илийской долине он выходил к Восточному Прииссыккулью. Снежные громады Небесных гор караваны преодолевали обычно близ истоков Нарына или несколько восточнее их, по ледниковому пер. Музарт, когда они следовали из Кульджи в Аксу. Существовал и другой путь, более короткий и прямой. Он проходил по Центральному Казахстану, мимо оз. Балхаш, по Чуйской долине, горам и долинам Внутреннего Тянь-Шаня. Какой из этих путей избрал Трушников и его спутники, неизвестно. Во всяком случае, миновать горы Ала-Тоо на пути в Кашгар они не могли.

Семиреченским маршрутом воспользовался посол Петра I к Джунгарскому (Калмыцкому) хунтайчжи «капитан от артиллерии» И. С. Унковский в 1722—1724 гг. [51]. Кроме политических целей урегулирования сложных взаимоотношений, существовавших между Россией и Джунгарией, посольство имело поручение разведать места «где может найдена быть руда и коммуникация с Сибирью, особливо же водяным путем, и учиня тому чертеж и прочее, вернуться обратно». Для этого в составе посольства

находились специалисты по горному и инженерному делу и геодезии.

С середины июля до середины сентября 1723 г. посольство находилось в восточной части Иссыккульской котловины. В путевом журнале И. С. Унковского, опубликованном впервые в 1887 г. и приложенной к нему карте, имеются интересные географические, исторические, этнографические и экономические сведения о Джунгарии и Киргизии. На карте изображены реки Киргизии: Чу, Тюп, Джыргалан и Каркыра, оз. Иссык-Куль (на карте Тускель) и окружающие его горы; отмечено обилие в горах еловых лесов и арчовых зарослей. Из коренного населения страны киргизы упоминаются путешественником двояко: в одном случае под собственным самоназванцем, в другом — под именем бурутов.

Калмыцкие власти ограничивали движение членов посольства, не давали им возможности ознакомиться со страной, ее населением, разобраться в географической обстановке края. Поэтому некоторые объекты изображены на карте неточно, например, направление р. Чу, очертания озер Балхаша и Иссык-Куля (в виде неправильных четырехугольников вместо их широтного простирания). Карта «Контайшиных владений» И. Унковского и Г. Путилова, составленная в конической проекции и в масштабе 10 верст в дюйме, явилась первым картографическим произведением, давшим сравнительно подробное и довольно верное для того времени изображение целого ряда географических объектов Семиречья.

Дальнейшее укрепление русского государства и сибирской администрации, вхождение Младшего и Среднего жузов казахов в состав России (30-е и 40-е гг. XVIII в.), падение Джунгарского ханства (конец 50-х гг. XVIII в.), создание Оренбургской и Сибирской пограничных линий открыли новые горизонты в сношениях со Средней Азией и в географическом изучении края.

Оживленные связи России со среднеазиатскими странами осуществляются по-прежнему через Западную Сибирь. Здесь, в военных крепостях — Омске (основан в 1716 г.), Семипалатинске (1718), Петропавловске (1752), расположенных на Иртыше и Ишиме, у южных границ Сибирской губернии, формируются большие купеческие караваны, отправляющиеся в дальний путь в сопровождении военных отрядов. С 30—40-х гг. XVIII в., в связи с созданием новых опорных пунктов на Южном Урале (Орск, 1735; Оренбург, 1743), в сношениях со Средней Азией возрастает значение Оренбурга. Исследовательская деятельность направляется

теперь из двух центров: Оренбургского и Западно-Сибирского. Посольства и отряды, наряду с выполнением специального поручения, ведут путевой журнал и маршрутную глазомерную съемку пути следования.

Однако большинство поездок русских путешественников в Среднюю Азию обычно ограничивалось территорией Хивинского и Бухарского ханств, Казахстана и Джунгарии. Из-за большой отдаленности от России горы и долины Киргизии остаются зачастую недоступными или труднодоступными для путешественников. По имеющимся данным в середине и конце XVIII в. киргизские земли посетили лишь несколько русских землепроходцев. Это Ф. С. Ефремов, прошедший около 1780 г. из Ферганы в Кашгар, и казанский купец М. Агаферов (1787), побывавший в Чуйской долине. Сюда же можно отнести русских купцов Л. Жаравина, И. Мыльникова, И. Шубина, Т. Судакова из Устюга и Вологды, попавших в Кашгарию в конце 30-х гг. из Западной Сибири. Но маршруты их по территории Киргизии, как и географические результаты поездок не известны. Исключение составляет краткое, но меткое описание природы Алайских гор, данное Ефремовым по пути его следования из Оша в Кашгарию.

Наиболее важные географические историко-этнографического и экономического характера сведения о горной части Средней Азии за рассматриваемый период принадлежат участникам русских академических экспедиций 1768—1774 гг. П. С. Палласу, И. П. Фальку, И. И. Исленьеву, а также известному историку, исследователю Сибири (1733—1743) Г. Ф. Миллеру. Ни один из названных ученых не был в Средней Азии. Но им удалось удачно обобщить имеющиеся архивные, расспросные и литературные данные, уловить по ним некоторые особенности природы страны. В их работах территория Киргизии, восточная часть Средней Азии выступает как обширная горная страна, состоящая «по большей части из высоких, плоских и отлогих хребтов и больших плоскостей около и между оных». Из всех «горных кряжей» самым высоким и диким считался Музартский хребет. Под этим названием П. С. Паллас подразумевал весь Тянь-Шань, тогда как И. П. Фальк — только текесо-таримский водораздел. Наиболее широко представил топоним Г. Ф. Миллер. Его Музарт или Мустаг отделяет «Малую Бухарию (бассейн Тарима — *С. У.*) от Большой (центральная и южная части Туранской равнины — *С. У.*) и Индии», т. е. представляет собой всю горную Среднюю Азию, Тянь-Шань и Памиро-Алай вместе взятые.

Указывая на наличие вечного снега на Музарте и других хребтах, Фальк правильно объясняет его широкое распространение большой абсолютной высотой горных сооружений, «...от тающего и остающегося летом снега» горы имеют пестрый вид. Потому калмыки и киргизы, как пишет ученый, называют эти «снежные Альпы» Алек Аула* («Пестрые горы»). Но он ошибался, допуская существование здесь современных вулканов.

Наиболее полно и наглядно русские географические представления о горной Средней Азии второй половины XVIII в. были представлены на карте р. Иртыша, Южной Сибири и Джунгарии, составленной в 1777 г. И. И. Исленьевым. Она подробнее, чем «калмыцкая» карта Джунгарии, изображает территорию Киргизии. Число нанесенных и подписанных географических объектов Киргизии (80) на карте Иртыша в два раза превышает нагрузку «калмыцкой» карты. Исленьевым приведено более 20-ти новых географических названий, неизвестных ранее в литературе.

Основу карты составляют орографические и гидрографические объекты страны, которые по общей ориентации и очертаниям близки к реальным. Главным орографическим элементом горной Средней Азии выступает здесь единое мощное горное сооружение, ограничивающее Таримскую впадину с запада и севера. Оно внешне напоминает реально существующие окраинные поднятия Памира и Тянь-Шаня. Общее обобщающее название гор — «хребет Алак». В разных частях он назван по-разному: южная часть — «горы Белюртаг» (соответствует Восточному Памиру), средняя — «горы Терекдаван» (горы Коктун и хр. Какшаал-Тоо), восточная — «горы снежные Мусарт» (Текесско-Таримский отрезок Тянь-Шаня). Контуры хребтов изображены на Северном Тянь-Шане, в области Алай-Гиссарской системы гор и в других частях Средней Азии. Однако сложный горный рельеф страны не получил отражения на карте.

Из речной сети лучше и подробнее переданы системы Или, Чу, бассейн Иссык-Куля и правые притоки Сырдарьи ниже Ташкента, посещенные русскими путешественниками. В бассейне оз. Иссык-Куль (на карте «Тузкульнор») изображено и подписано более 20-ти рек. Географическое положение и очертания озера даны точнее, чем прежде.

На карте имеется две надписи: *киргизы* и *буруты*. Первая из них приходится на территорию Кетментёбёнской

---

* От монгольского алаг уул («Пестрые горы»). Киргизская форма с тем же значением — ала тоо.

долины, вторая — Восточного Приферганья. Обе подписи обозначают один и тот же этнос — киргизов Ала-Тоо. Бурутами их именовали калмыки. И. С. Унковский, бывавший среди калмыков, упоминает киргизов в своем «журнале» и обозначает на карте под названием бурутов. Оба наименования приведены на «калмыцкой» карте Джунгарии в 30-х гг. XVIII в.

Знакомство русских людей с современной территорией Киргизии и ее населением началось, конечно, не со времени ее посещения первым официальным посольством России, а раньше. Вспомним упомянутые выше путешествия Е. Вершинина (1639—1642) и Ф. Трушникова (1713—1716) и их спутников по Средней и Центральной Азии, пребывание русских в плену в Джунгарском ханстве. Те или другие несомненно были на киргизской земле.

Русские ученые четко различали киргизов Ала-Тоо от их северных соседей — казахов, известных в России под названием киргизов или киргиз-кайсаков. В отличие от последних, киргизов они именовали «алатай-киргизами», «дикокаменными» или «закаменными» киргизами, а позже «кара-киргизами». О киргизах как отдельном от казахов народе и их расселении по горам Ала-Тоо пишут П. И. Рычков (1749, 1762), В. Н. Татищев (до 1750 г.), Г. Ф. Миллер (1750), Н. П. Рычков (1771) и др. Достоверные обобщенные данные о киргизах, их общественно-политическом строе, расселении, взаимоотношениях с сопредельными странами приводит военный инженер, сибиряк, И. Г. Андреев в специальном сочинении «О диких и закаменных киргисцах» (1789, 1796). По расспросным сведениям этого автора, киргизы населяют «великие и непроходимые горы» Ала-Тоо, подразделяются на 10 племен, занимаются скотоводством и хлебопашеством, но нет у них «ни хана, ни султана».

Путешествия первой половины XIX века

Тогда же, в 80-х гг. XVIII в., в столице России Петербурге были приняты посланцы киргизского народа, прибывшие с целью установить дружеские отношения с русским правительством. О результатах этого первого киргизского посольства в Россию будет сказано ниже. Его влияние на становление и дальнейшее развитие киргизо-русских взаимоотношений сказалось в XIX в. Если в XVIII столетии страну Ала-Тоо посетило ограниченное число русских путешественников, то только за первые три десятилетия

XIX в. — не менее четырех посольств и около двух десятков торговых караванов, сопровождаемых русскими военными отрядами. Назовем наиболее важные из этих путешествий.

1807—1823 гг.—М. Фейзуллин, «торговый татарин Казанского посада». Много странствовал по Средней Азии, Казахстану и Кашгарии. Около 1807 г. прошел из Кашгара в Ош.

1813 г. — А. Л. Бубенов, губернский секретарь, переводчик. Имел дипломатическое поручение к иссыккульским киргизам; находился в отряде казаков, сопровождавшем купеческий караван ташкентского старшины М. Ниязова из Семипалатинска в города Восточного Туркестана.

1813—1814 гг. — Ф. М. Назаров, переводчик Отдельного Сибирского корпуса. Совершил путешествие из Омска в Ташкент и Коканд с дипломатическим поручением; посетил также г. Ош.

1820 г. — Мокин, хорунжий. Во главе казачьего отряда сопровождал из Семипалатинска до верховий р. Нарын и пер. Бедель надворного советника М. Рафаилова, отправлявшегося в Тибет с торговыми и дипломатическими поручениями.

С 1821 г. — Н. Лещев, русский офицер. С казачьим отрядом сопровождал купеческий караван Ф. Сейфуллина от Семипалатинска до киргизских земель.

1824—1830 гг. — М. Исаев, русский купец. Совершил поездку от Сибирской линии в Кашгарию с торговыми целями; неоднократно и подолгу бывал в киргизских кочевьях.

1825 г. — Ф. К. Зибберштейн, омский гарнизонный лекарь, Нюхалов Т. В., хорунжий. Посетили Восточное Прииссыккулье в составе русского отряда, сопровождавшего киргизское посольство.

В первой четверти XIX в., как и раньше, путешественники посещали небольшие узкие полосы территории страны, главным образом зоны трасс караванных путей, проходящих по восточной части Киргизии и реже по ее югу. По косвенным данным можно предположить, что русским людям была известна, возможно, и не единожды пройдена, центральная часть горного края. «Самым лучшим проходом» через киргизские земли М. Исаев считал тот, который пролегает «по правую (западную — *С. У.*) сторону теплого озера» (Иссык-Куль — *С. У.*) и далее через р. Нарын [10], т. е. приблизительно вдоль 76-го меридиана.

Отчеты путешественников, их путевые записки, «Показания», «Рассказы» касаются, большей частью, также трассы караванных сообщений. Наиболее подробные маршрут-

ные описания, фиксирующие все важное в пути от Семипалатинска до восточных границ Киргизии, оставили Бубенов (1814), Мокин (1820), Лещев (1821) и Зибберштейн (1825) *. Их записки содержат сведения о расстояниях между природными объектами, морфологических особенностях рельефа, проходимости или непроходимости пути, глубине и ширине рек, видовом составе и характере растительности, наличии подножного корма и сенокосных угодий, плодородии или скудости земель и т. д. В пределах Киргизии с такой детальностью описаны долины рек Каркыра, Тюпа, Джыргалана, отдельные участки в горах Кунгей и Тескей Ала-Тоо, например, строение ледника в верховьях р. Джууку (Бубенов).

Почти все путешественники обращают внимание на оз. Иссык-Куль, указывают на его незамерзаемость, соленость, сточность или бессточность и огромные размеры. Подробнее других описывает озеро Ф. К. Зибберштейн, совершивший специальную поездку по его берегам.

Ценные наблюдения были сделаны Назаровым, Потаниным и др. путешественниками, следовавшими из Западной Сибири в Кокандское ханство. Их данные о природе рек Чу, Арыси, Чирчика, Сырдарьи, гор Каратау, Кураминских, Ферганской долины, городах Коканде, Андижане, Оше и др. существенно дополнили более ранние «Описания» этих мест, принадлежавшие горным чиновникам из Алтая — Т. Бурнашеву и М. Поспелову (1800).

Нельзя не отметить интересные сообщения русских путешественников первой четверти XIX в. об общественно-политическом строе, социально-экономической жизни, быте, обычаях киргизов, некоторых памятниках старины. Так, о санташских курганах поведали Лещев и Зибберштейн, о подводных развалинах города на Иссык-Куле (у Тюпского залива) — М. Исаев. Обзор и оценку этих известий, также как и очерки о жизни и деяниях отдельных путешественников на поприще киргизоведения, можно найти в работах В. М. Плоских (1970, 1972), В. Я. Галицкого (1973) и других [35, 36, 43].

---

* Общая протяженность караванского пути от Семипалатинска до города Аксу в Каштарии равна, по Бубенову, 1443 верстам. Однако в отчете Лещева встречается другая величина, значительно превышающая предыдущую. Его маршрутная съемка от Семипалатинска до восточного берега Иссык-Куля (долина р. Кызыл-Суу) дала общую длину трассы в 1537 верст. К сожалению, карту эту нам не удалось видеть. Зато мы видели съемку того же пути, сделанную годом раньше Мокиным (доведена до пер. Бедель). Она хранится в архиве Омского областного музея и является ценным историческим источником.

В противоположность первой, во второй четверти XIX в. почти прекратились прямые русско-киргизские посольские связи и поездки русских путешественников в Киргизию. Завоевание страны Кокандским ханством, его экспансионистская политика в отношении казахских жузов, Бухары, Восточного Туркестана затруднили взаимоотношения киргизов со своими соседями, а также Россией. Тем не менее передовые представители русского общества, оренбургская и западно-сибирская администрации не переставали интересоваться горным краем и продолжали попытки налаживания связей с Киргизией и Восточным Туркестаном.

Разнообразная информация о Киргизии и киргизах в это время поступает в Омск, Оренбург, Казань, Москву и Петербург от дипломатических миссий и купцов, бывших в Бухаре, Ташкенте, Коканде, Кульдже, казахских степях, а также от русских путешественников и топографических партий, проводивших свои исследования и съемки вблизи киргизских земель. К началу 40-х гг. русские ученые практически вплотную подошли к территории Киргизии.

Осенью 1841 г. натуралист Леманн и горный инженер Богословский, участники русского посольства в Бухару, путешествуя вверх по долине Зеравшана, занимались исследованием природы Зеравшанского и Туркестанского хребтов, составляющих юго-западные отроги Тянь-Шаня.

Годом позже русский ботаник А. И. Шренк, руководитель экспедиции Академии наук, во время своего 3-го путешествия по Восточному и Центральному Казахстану достиг низовьев р. Чу. В следующем (1843) году экспедиция вновь посетила долину р. Чу и Чу-Илийские горы (район Хантау), где собрала гербарий пустынной и полупустынной растительности и коллекцию горных пород. В 1846 г. по поручению западно-сибирских властей капитан Шульц произвел съемку нижнего течения р. Чу и дал ее описание. В 1852 г. здесь работали две топографические партии (Шульца и Чванова), заснявшие в двух- и пятиверстных масштабах всю нижнюю часть долины р. Чу от устья (оз. Саумалкуль) до гор Хантау. Несколько раньше (летом 1851 г.) такая же съемка производилась в левобережье Или между реками Каскелен и Иссык.

Сбор, обработка и систематизация информации по Киргизии происходили главным образом в Омске и Оренбурге, центрах Западно-Сибирской и Оренбургской губерний, осуществлявших непосредственные связи с жузами казахов, среднеазиатскими ханствами и Восточным Туркестаном. В Оренбурге этим занималась Пограничная комиссия,

которую длительное время (1825—1844) возглавлял Г. Ф. Генс. Имея университетское образование и находясь на службе в Оренбурге с 1807 г., он систематически изучал прошлое этого края, собирал материалы по истории взаимоотношений со Средней Азией и другими странами Востока. Среди них находились историко-географические данные по Киргизии, в т. ч. рассказы татарина М. Фейзуллина, который в 1807 г. был в Южной Киргизии.

Основная масса расспросных, документальных и картографических материалов о киргизах и Киргизстане накапливались в Омске при Штабе Отдельного Сибирского корпуса, имевшем постоянные сношения с Семиречьем, Кокандом, Кульджой и Кашгарией. Именно его архивные фонды служили важнейшим источником сведений о Киргизии, содержащихся в работах, опубликованных в 30—50-х гг. XIX в., до присоединения края к России, например, в «Обозрении Кокандского ханства» (1849), «Сведениях о дикокаменных киргизах» (1851) и др.

Велико значение для историографии Киргизии работ Н. Я. Бичурина (1829, 1834, 1851), А. И. Левшина (1832), П. А. Словцова (1844), А. Н. Савича (1848), П. С. Савельева (1848), П. А. Чихачева (1849), Я. В. Ханыкова (1851, 1855) и др. Из работ зарубежных авторов выделяются труды крупнейших немецких ученых А. Гумбольдта (1831, 1843) и К. Риттера (1832) по географии Средней и Центральной Азии, где даны первые сводки тогдашних знаний о Тянь-Шане и Болоре (Памире). Гумбольдт предложил схему орографического строения Внутренней Азии и концепцию о вулканическом происхождении Тянь-Шаня. Сюда же можно отнести карту Средней и Центральной Азии французского востоковеда М. Ж. Клапрота (1833, 1836), считавшуюся лучшей в то время.

«Сведения о дикокаменных киргизах»

Мы не имеем возможности подробно рассмотреть и оценить здесь все интересующие нас работы упомянутых авторов. Однако одна из них заслуживает того, чтобы сказать о ней особо. Речь идет об анонимной сводке «Сведения о дикокаменных киргизах». Она была опубликована в 1851 г. в 5-м выпуске «Записок РГО» без указания автора. Объем статьи небольшой, всего в ней 14 страниц печатного текста. Но содержание ее богатое. Она представляет собой первую и довольно удачную попытку обобще-

ния и систематизации всех основных сведений о киргизах, природе, хозяйстве, населении и истории Киргизии, общественно-политическом строе страны.

Очерк начинается с изложения исторического предания о происхождении киргизов, их давнем расселении на современных местообитаниях и самоназвании народа. Далее кратко, часто в тезисной форме, один за другим освещены следующие вопросы: «Политическое состояние Орды»; «Разделение и управление»; «Число жителей»; «Границы»; «Горы»; «Озера»; «Реки»; «Сообщения». «Естественные произведения»: «Леса»; «Животные». «Ископаемые»: золото, железо, свинец, соль. «Драгоценные камни»; «Древности»; «Климат»; «Образ жизни»; «Одежда»; «Вооружение»; «Занятия»: «Хлебопашество». «Скотоводство». «Изделия». «Охота». «Баранта». «Богатство». «Подати».

По широте, разносторонности и общей достоверности материала, основанного на расспросных данных, как обобщающий труд, комплексная характеристика, «Сведения» не имеют себе равных. Это своеобразный энциклопедический свод знаний о киргизах и Киргизии, известных до середины XIX в. Несмотря на разнообразие содержания, «Сведения о дикокаменных киргизах» являются преимущественно географическим очерком, так как основное место в нем отведено вопросам физической и экономической географии.

Остановимся на некоторых географических представлениях авторов очерка. Вся территория Киргизстана, согласно «Сведениям», прорезана «в разных направлениях горными хребтами», распадающимися на три главные ветви: Киргизский Ала-Тоо (в статье «Киргизын — Ала-Тау» Н. И. Потанина — «Кыргыздын — Алатау»), Кунгей Ала-Тоо и Теректи-Даван. Из них последние образуют окраинные цепи, а все пространство между ними заполняют отроги Киргизского Ала-Тоо.

Авторы «Сведений» правильно представляли себе Тянь-Шань как сложную систему хребтов. Его главные ветви, образующие горную страну, в свою очередь, расчленяются на ряд горных поднятий. Наиболее сложным строением среди них отличался Киргизский хребет, простирающийся на западе до р. Сырдарьи. Горы Кара-Тау и хр. Кендиртау (Кураминский) составляют его окраинные цепи. «В особенности замечательны,—пишут авторы,— южные покатости хребта Киргизын — Ала-Тау, называемые общим именем Сырт, где, даже в продолжении всей зимы, кочуют многие поколения черных киргизов». Это, кажется, первое упоминание в литературе характерных

для внутренних частей Тянь-Шаня высокогорных нагорий-сыртов, обративших особое внимание последующих исследователей.

Довольно верно и полнее, чем прежде, охарактеризованы в «Сведениях» основные реки страны: Нарын, Чу, Талас, Карадарья («Гулишан»), Сары-Джаз («Аксу»), Чаткал («Чирчик»), а также реки Иссык-Кульского бассейна. Указаны быстрота их течения и каменистый характер русел. В отличие от предшественников, не располагавших достоверными гидрографическими данными, здесь четко определены истоки, формирование, длина главных водных артерий, приведены по ним некоторые другие интересные сведения, например, о количестве водяных мельниц (25) на реках Прииссыккулья. Так, Чу «составляется» из Кочкора и Каракуджура; Талас — из трех притоков Учкош-Сая (Уч-Кошой); Сырдарья — Нарына и Гулишана (Карадарьи); Нарын начинается Тарагаем и т. д. Длина Чу оценивается в 900 км (по современным данным — 1030 км), Нарына — 500 км (534 км, вместе с Чон-Нарыном — 807 км), самых больших притоков Иссык-Куля — от 75 до 96 км, что также близко к истине. Из озер описан Иссык-Куль. Приведены данные об его величине, указаны значительная глубина, обилие рыбы и др.

Примечательно, что описывая рельеф страны, авторы очерка употребляют средневековый топоним Болор (в «Сведениях» — Белуртаг), соответствующий Памиру, но ни разу не упоминают общее обобщающее название горной системы — Тянь-Шань. Дело в том, что данный оним, слово нерусское и нетюркское было ново для номенклатуры Средней Азии. Оно появилось в Западной Европе как наименование горной страны где-то в конце первой четверти XIX в. Для того, чтобы топоним получил признание научной общественности, географов и картографов и обрел «гражданство» в географической номенклатуре, требовалось время. Одним из первых топоним Тянь-Шань упоминает в русской историко-географической литературе А. И. Левшин (1832). Известность Тянь-Шаню как собственному названию обширной горной системы Внутренней Азии приходит лишь после знаменитых трудов А. Гумбольдта, К. Риттера, благодаря их высокому авторитету в научном мире. Но авторы «Сведений», по-видимому, относились к тем, которые сдержанно восприняли это топонимическое новшество.

Тянь-Шань (Небесные горы) как географическое название встречается уже в I в. н. э. Тогда им обозначали самый восточный отрезок горной системы — хр. Баркультаг

и Карлыктаг. В период Танской династии «Небесными горами» называли и хр. Богдошань, расположенный к северу от Турфанской впадины. Впоследствии топоним был распространен и на западную часть горной системы, примерно до 81° в. д. Горы Средней Азии не входили в состав Тянь-Шаня. Их китайские авторы относили обычно к Цунлину («Луковые горы»), охватывающему Памир и горы Киргизии, включая массив Хан-Тенгри и Пик Победы, известный в средневековых китайских хрониках под названием Линшань («Ледяные горы»; Музарту русских авторов XVIII и первой половины XIX вв.). В разных своих частях Тянь-Шань назывался по-разному: Байшань («Белые горы»), Сюешань («Снежные горы»), Циляньшань («Небесные горы») и т. д.

Тянь-Шань — не оригинальное китайское географическое название горной системы[2]. Оно — калька местной сюннуской лексемы **цилянь** («небо, небесный»). Восточную, самую высокую, часть Тянь-Шаня сюнну (хунну) называли горы Цилянь. От них топоним переняли китайцы. По свидетельству историка VII в. Янь Шигу «Циляньшань — это горы Тянь-Шань». У древних тюрков Тянь-Шань известен под названием Тенгритаг (от Тäнрі — «небо, бог, божество») — «Небесные горы». Еще в XI в. Махмуд Кашгари указывал, что тюрки «высокие горы» называют словом **тенгри.** Видимо, такое же или близкое значение имел в прошлом у киргизов номенклатурный термин **ала-тоо.** Существует мнение, что в древности киргизы называли современный Тянь-Шань общеродовым именем — «Керме-Тоо» [46].

Вернемся к «Сведениям». Интересно, кто автор (авторы) этого ценного сочинения. На этот счет существует в основном две версии. По одной статья написана русскими топографами Ворониным и Нифантьевым, по другой — переводчиком Бардашевым. Оба эти мнения имеют основания.

И. А. Бардашев (1831—1867)[3], будучи переводчиком при приставе киргизов (казахов) Большой орды (с 1848 г.), имел отношение, а, может быть, и прямое поручение о сборе географических, историко-этнографических и др. данных о киргизах, казахах, Кокандском ханстве и т. д. Он участвовал в походах русских отрядов против кокандцев, экспедициях в Заилийский край и на оз. Иссык-Куль. Ему принадлежит несколько рукописных и печатных работ главным образом о киргизах, путях сообщения в Кокандское ханство и Кашгарию. Первые из них хронологически относятся ко второй половине 50-х гг., а опубликованные —

к 70-м гг. Поэтому едва ли был Бардашев автором «Сведений о дикокаменных киргизах», опубликованных в 1851 г., когда ему не исполнилось еще 20-ти лет от роду. Вряд ли Капальское или Омское начальство поручило обобщение и написание ответственного документа — обзора о малоизвестной стране — начинающему чиновнику, хотя и способному, когда это могли успешно выполнить опытные специалисты, хорошо знакомые с Семиреченским краем. Бардашев еще не был в то время тем «единственным человеком», кто мог написать «Сведения». Им, «лучшим знатоком киргизского (казахского — *С. У.*) быта», по словам П. П. Семенова (1857), он стал позже.

Мы уже отмечали (1959), что в Москве, в Центральном Государственном военно-историческом архиве СССР (фонд ВУА, д. 18551), хранится рукопись «Сведения о дикокаменных киргизах, собранные толмачем Бардашевым». Она состоит из двух отдельных, вполне самостоятельных частей, сходных по содержанию. Первая часть ее более объемиста (25 листов) и полнее по содержанию, чем вторая. Дата составления рукописи не указана. Но установить ее нетрудно. В ней, например, зафиксированы факты, относящиеся к первой русской военно-научной экспедиции на оз. Иссык-Куль в 1856 г. Ее принадлежность Бардашеву не вызывает сомнений.

Однако вторая часть «Сведений о дикокаменных киргизах» не имеет к нему отношения. Это — одноименный самостоятельный очерк, отличающийся от первой части по своему построению. Объем — 17 листов, он имеет отдельную нумерацию страниц. Составлен в конце 40-х гг., тогда же или позже попал в столичный архив. Текст его идентичен с содержанием статьи, опубликованной в «Записках Русского географического общества» в 1851 г.

Бардашевские «Сведения» рукописные (около 1856 г.) и опубликованные посмертно (1870, 1874)*, восходят к анонимному очерку конца 40-х гг. Тексты их во многом дословно повторяют друг друга. Можно считать, что Бардашев без всякого умысла и по требованию начальства, своего или Омского, несколько обновил устаревшие «Сведения», хранившиеся в делах Алатаусского округа, с данными, полученными в первой половине 50-х годов. В таком виде они стали достоянием столичных чинов. Искусственное объединение двух разновременных очерков, старых и новых, одинаковых по названию, сходных по содержанию,

---

* И. А. Бардашев умер в г. Верном (Алма-Ате) в 1867 г.

под именем Бардашева произошло, видимо, при описании и упорядочении архивных дел.

Авторство Воронина и Нифантьева над «Сведениями», опубликованными в 1851 г., установлено М. И. Венюковым, известным исследователем Семиречья второй половины XIX в. Он хорошо знал одного из авторов очерков— Т. Ф. Нифантьева, с которым служил вместе в Омске в 1859 и 1860 гг. Оба они были заняты в это время одним — картографированием Семиречья, особенно Заилийского края: Венюков — в Штабе Отдельного Сибирского корпуса, а Нифантьев — в военно-топографическом отделе. Штабс-капитана Воронина ученый не застал в живых, он умер в Верном 9 декабря 1855 г., в период экспедиционных работ. Венюкову были известны авторы анонимной статьи. Его многочисленные работы показывают, что этот замечательный русский географ, путешественник прекрасно знал историю географических исследований Средней Азии, глубоко интересовался прошлым и настоящим края.

Что мы знаем о Воронине и Нифантьеве? О первом из них наши знания очень скудны. Нам неизвестны даже его инициалы. Все, кто упоминают его, называют только фамилию. В 50-х гг. **Воронин**[4] служил в Омске, штабс-капитаном корпуса военных топографов. В 1855 г. он руководил съемочными работами в Заилийском крае. За полевой сезон (июнь — ноябрь) его партия (он и два топографа) засняла более 10 тыс. кв. верст пространства в левобережье р. Или (на востоке — до р. Чарын, на западе — до пустыни Бетпак-Дала, на юге — до хребта Заилийский Алатау) и составила две карты района в пяти- и двадцативерстном масштабах. Тогда же он своим самодельным инструментом (секстантом) определил положение только что основанного укрепления Верное и оз. Иссык-Куль. Такие определения были необходимы для обоснования составляемых карт. Он же первым из русских путешественников пересек с севера на юг центральную часть Заилийского и Кунгей Ала-Тоо и вышел к северному берегу оз. Иссык-Куль, сделав во время поездки впервые в истории исследований края определения абсолютных высот пунктов. Воронин явился одним из зачинателей точных инструментальных исследований Заилийского края, пионером его научного географического изучения.

О **Т. Ф. Нифантьеве**[5], одном из видных исследователей Центрального и Восточного Казахстана, Заилийского края и Северной Киргизии в 30—60-х гг., существуют и архивные, и литературные сведения. Полистаем послужной список этого русского топографа, ученого, преподавателя

Сибирского (Омского) кадетского корпуса, участника многих экспедиций.

Родился Тимофей Феофанович в 1817 г., происходит «из казачьих детей». Воспитывался в Омской «азиатской» школе, основанной в 1789 г. и готовившей переводчиков и писарей для местной администрации. Служебную деятельность он начал в 1835 г. топографом 3 класса и с тех пор более 30 лет вел многотрудную съемочную работу и картографирование казахских степей (с 1837), Алтая и Кузнецкого Алатау (1844, 1846, 1847), р. Чу (с 1842) и Семиречья (с 1847). В течение нескольких лет (1861—1864) Нифантьев участвовал в работах Комиссии по разграничению русско-китайской границы, протянувшейся от оз. Зайсан до Тяньшанских гор.

Трудно сказать, когда у молодого исследователя появился интерес к странам Востока, изучению истории и географии Казахстана и Киргизии, Джунгарии и Кашгарии. В начале 40-х гг. он участвует в экспедиции русского ботаника А. И. Шренка (см. выше), где ведет топографические съемки и описание исследованных территорий от Тарбагатая и Джунгарского Алатау на востоке до долины р. Сарысу на западе. Тогда же, в 1842—1843 гг., Нифантьев исследует низовья р. Чу, пустыню Бетпак-Дала и северо-западные отроги Чу-Илийских гор. Итогом этих работ, наряду со съемками, явилось «Топографическое описание южной части Киргизской степи» (1843).

В 1847 г. Нифантьев командируется в Заилийский край в связи с «делом» Кенесары Касымова, претендовавшего на ханскую власть в казахских степях. Этот феодальный предводитель в то время вел захватническую войну против северокиргизских племен. Имея специальное поручение, путешественник, видимо, вступил в контакт с представителями киргизских племен, стремившихся принять русское подданство. В период пребывания в Заилийском крае он собрал сведения о жизни и расселении киргизов, путях сообщения через их земли, об оз. Иссык-Куль и т. д. Об этом говорится в Отчете РГО за 1850 г. «Топограф Нифантьев был послан туда,— сказано в Отчете,— для местных исследований по просьбе трех киргизских манапов, изъявивших в 1874 г. желание вступить в подданство России». «Вероятно, именно вследствие сношений с кара-киргизами по этому поводу,— уточняет известный историк Н. А. Аристов,— топограф прапорщик Нифантьев имел возможность составить в 1847 г. первую карту оз. Иссык-Куль. По этому же, должно быть, поводу манапы Ормон, Джантай и Джангарач (первые два рода Сарыбагыш,

а третий — Солто) заявляли в 1847 г. желание поступить в русское подданство, с подвластными им киргизами, в числе 40 тыс. кибиток» [58].

Был ли тогда Нифантьев на современной территории Киргизии или его встречи с киргизами имели место вне пределов их земель, сказать трудно. На карте северо-западной части Средней Азии Я. В. Ханыкова (1854) маршрут путешественника проведен от р. Или через пер. Санташ на северный берег Иссык-Куля. Однако, как утверждает П. П. Семенов (1856, 1858) Нифантьев никогда не был на Иссык-Куле. Так или иначе, поездка путешественника в Заилийский край имела важное значение для изучения южной части Семиречья. Составленная им расспросная карта оз. Иссык-Куль была издана РГО в 1851 г. в обработке Я. В. Ханыкова[6].

«В 1848 г.,— говорится в Послужном списке исследователя,— командирован на уроч. Капал в распоряжение Пристава при киргизах Большой орды майора барона Врангеля для собирания сведений на месте, как о Семиреченском крае, так соседних с ним владениях; затем... в течение всего 1848 г. исполнял при майоре бароне Врангеле должности толмача и письмоводителя. В 1849 г. произвел в Семиреченском крае рекогносцировку от Капала по вершинам рек Каратала и Коксу до Китайской границы, составил расспросную карту и **описание о киргизах Дикокаменной орды и частью Кашгарии и Кокана»** (подчеркнуто нами — *С. У.)*. Карта эта и описание хранятся в ЦГВИА, но врозь, в разных делах. Первая из них — «Карта Дикокаменной орды и смежных с ней владений, составленная по расспросам в 1849 г.» находится в фонде ВУА и значится под № 25596. Под описанием киргизов Дикокаменной орды Нифантьева мы подразумеваем вторую часть рукописи «Сведения о дикокаменных киргизах» (фонд ВУА, д. 18551), упомянутую выше. В дальнейшем, при подготовке к печати, дополнении и доработке рукописи, принимал участие, видимо, как указывает М. И. Венюков, штабс-капитан Воронин.

В 1851—1855 гг. Нифантьев был занят главным образом исследованием оз. Балхаш, которое до середины XIX в. оставалось неизученным. Его наносили на карту по старым данным, которые давали искаженное изображение акватории водоема. Балхашская экспедиция ученого определила действительное положение озера и устья Или, особенности берегов, распределение глубин и доказала их судоходность. Были подробно описаны острова и полуострова Балхаша, собраны некоторые сведения о фауне, флоре

и климатических условиях региона. «Среди участников экспедиции,— отмечал И. В. Мушкетов,— заслуживает особого уважения Нифантьев, по-видимому, начальник экспедиции; он доставил такие полные и прекрасные результаты, что и до сих пор они составляют основу наших знаний о Балхаше» [31].

В 1857 г. Нифантьев совместно с известным русским востоковедом И. И. Захаровым составил карту Джунгарии и Тянь-Шаня. В 1859 г. он производит съемочные работы вновь в Семиречье, а в 1861 г. — на территории Киргизии, в Чуйской долине. В 1869 г. майор Нифантьев назначается Каркаралинским уездным начальником и с этой должности в чине полковника в 1873 г. уходит в отставку. Умер Тимофей Феофанович 12 марта 1886 г.

Таков вкратце жизненный путь и исследовательская деятельность одного из авторов «Сведений о дикокаменных киргизах» Т. Ф. Нифантьева, русского топографа, бескорыстного труженика, замечательного исследователя, внесшего большой вклад в изучение и освоение края. Его трудами пользовались Я. В. Ханыков, Ч. Ч. Валиханов, Е. П. Ковалевский, П. П. Семенов и многие другие. Высоко оценена его исследовательская деятельность М. И. Венюковым, И. В. Мушкетовым, И. Ф. Бабковым и другими знатоками истории географического изучения Казахстана и Средней Азии.

Эпоха научных открытий

В первой половине XIX в. состояние знаний о Киргизии и горной Средней Азии находилось на низком уровне. По оценке П. П. Семенова (1858) факты по географии этих стран «были скудны и недостаточны», а географическая и геологическая их изученность находилась «в младенческом состоянии». Еще строже оценивал положение другой крупный исследователь Средней и Центральной Азии Г. Е. Грумм-Гржимайло. «Эти знания,— писал он в 1914 г.,— если не равнялись нулю, то были ничтожны» [33].

В середине XIX в. положение изменилось. Крупные европейские державы, в первую очередь Англия и царская Россия, стремившиеся вовлечь в орбиту своих военно-политических и экономических интересов народы Средней и Центральной Азии, нуждались в подробных сведениях об этих странах, их внутреннем политическом и экономическом положении, природных и трудовых ресурсах, путях

сообщения, в оценке их как источников сырья и рынков сбыта промышленных товаров. Для этого требовались разносторонние научные исследования, рассчитанные на длительное время.

Наделенные притягательными эпитетами «неведомые», «таинственные», «загадочные», Средняя Азия, Тянь-Шань и Памир вызывали большой интерес среди русских и зарубежных ученых. Исследование этих «неизвестных стран» сделалось заветной целью, любимой мечтой многих отважных путешественников, преданных науке.

С присоединением Средней Азии к России представилась возможность научных изысканий в этом крае, осуществить сокровенные замыслы, вынашиваемые многими землепроходцами. Этой возможностью воспользовались научные общества, Академия наук, университеты, военные ведомства, направившие в Туркестан лучших своих деятелей. Среди исследователей страны находились географы и горные инженеры, ботаники и зоологи, историки и этнографы, лингвисты и художники, врачи и учителя, специалисты сельского хозяйства. Большую роль в исследованиях Киргизии сыграли военные чины, особенно топографы, астрономы, геодезисты и картографы.

С созданием в Туркестане краевых, областных и уездных административных органов в исследованиях усилилась роль местных сил из среды русской интеллигенции. Только во второй половине XIX в. на территории Киргизии естественно-научные, статистико-экономические, историко-археологические, этнографо-лингвистические исследования, съемочно-геодезические работы, стационарные метеорологические наблюдения вели до 250-ти русских экспедиций и краеведов, снаряженных центральными и местными научными обществами, учреждениями и др. и насчитывавших в своих рядах сотни и тысячи энтузиастов.

В начальный период (1855—1867) и позже (1882—1898) исследования северных и центральных районов Киргизии осуществлялись при участии или содействии западно-сибирских властей и соподчиненных им органов Алатавского округа и Семиреченской области, а с 1867 г. в Южной Киргизии — Туркестанской администрации. Из-за крайне слабой изученности страны исследование ее приходилось начинать с азов, первичного знакомства с территорией, топографических съемок местности.

Как уже отмечалось, первую кратковременную рекогносцировку в пределах Киргизии (с маршрутной глазомерной съемкой по прямой от укрепления Верное до северного берега оз. Иссык-Куль) произвел в 1855 г. русский отряд,

руководимый штабс-капитаном корпуса военных топографов Ворониным. Однако начало систематическим научным исследованиям в крае было положено Иссык-Кульской экспедицией 1856 г.

Первые тяньшанские экспедиции

Первая русская экспедиция по исследованию территории Киргизии носила военно-научный характер [65 а]. Она преследовала, прежде всего, военно-политические цели: укрепление позиций России в Прииссыккулье, противодействие захватническим устремлениям Кокандского ханства и правителей Цинской империи, примирение враждующих киргизских племен бугу и сарыбагыш. Одновременно экспедиция намеревалась произвести топографические съемки, естественно-научные и историко-этнографические наблюдения.

Экспедиционный отряд выступил из Верного 10 мая. Его возглавил пристав Алатауского округа полковник М. М. Хоментовский. В состав отряда входили: руководитель съемочно-геодезических работ при штабе Отдельного Сибирского корпуса Г. К. Сильвергельм, молодой казахский ученый, поручик Ч. Ч. Валиханов, начальник топографической партии, поручик Яновский, переводчик, этнограф И. Бардашев, топографы А. Вараксин, А. Коновалов, Н. Шестаков и др.

Проследовав вдоль северного подножия хр. Заилийский Алатау и обогнув восточную оконечность хр. Кунгей Ала-Тоо по пер. Санташ, экспедиция 29 мая достигла оз. Иссык-Куль у устья р. Тюп. В течение июня экспедиционный отряд находился на северном берегу озера, производя топографическую съемку до урочища Кессенир, находящегося западнее р. Сёгётти. Для ихтиологических и батиметрических наблюдений в ур. Кичи-Орюкти была построена лодка. Промеры недалеко от берега дали глубину около 85 м, а ихтиологические наблюдения установили наличие в оз. Иссык-Куль четырех видов рыб — сазана, маринки, османа и чебака. Кроме того, члены экспедиции вели сбор материалов по флоре и фауне, о гидрометеорологических и экономических условиях, истории, культуре, жизни и быте местного населения.

Изучением общественно-политических и социально-экономических условий киргизов более всего занимались М. М. Хоментовский, Ч. Ч. Валиханов и И. А. Бардашев. Последний из них собирал сведения о «дикокаменных» киргизах и Киргизии, о сопредельных с нею странах, путях сообщения между ними и т. д.

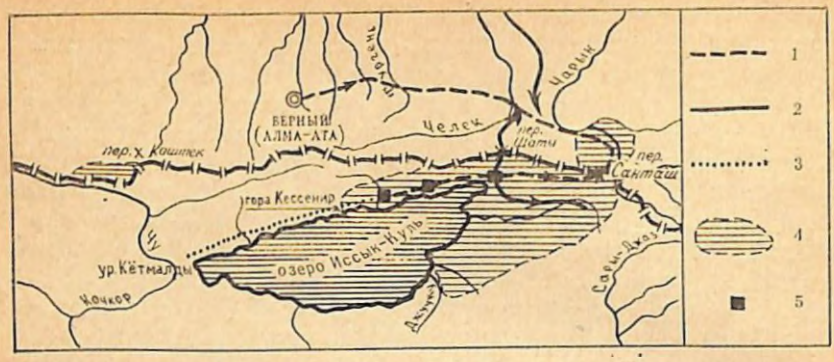
Особое значение имели исследования **Чокана Чингисовича Валиханова**, ученого разносторонних интересов, знавшего местные языки и обычаи. Благодаря изданию полного собрания его сочинений (в 5-ти томах, Алма-Ата, 1961—1972), мы теперь хорошо знаем насколько обширными и ценными оказались сведения, собранные им в период экспедиции. Ему хотелось побывать в киргизских аилах, ближе узнать их жизнь, быт, родовые и семейные отношения, изучить язык, записать легенды. С этой целью, в начале июня, отделившись от экспедиционного отряда, оставшегося на Кунгее, Чокан отправляется в Тескей, в аил Боромбая Бекмуратова, верховного манапа племени бугу.

Переправившись через р. Тюп близ устья, путешественник поднялся на горную гряду Тасма, а оттуда следовал по правобережью долины р. Джыргалан. Аил Боромбая он нашел в живописном урочище Тулпарташ, расположенном в горах Тескей Ала-Тоо между реками Джыргалан и Турген-Аксуу, в лесолуговом поясе. Чокан знакомится с жизнью и бытом бугунцев, первыми среди киргизов принявших в 1855 г. русское подданство. Беседуя с Боромбаем, он выясняет структуру родоплеменного деления, роль манапства в жизни общества, делает карандашные зарисовки этнографических сюжетов, рисует портрет самого Боромбая.

Еще раньше (26 мая), в долине р. Тюп, Валиханов записывает от киргизского ырчы (певца) отрывок из эпоса «Манас», посвященный смерти и поминкам Кёкетей-хана. Изучая эпос, молодой ученый ясно осознавал выдающееся значение этого уникального памятника поэтического творчества киргизов, определив его как подлинно народное произведение. «Манас»,— писал он,— есть энциклопедическое собрание всех киргизских мифов, сказок, преданий, приведенное к одному времени и сгруппированное около одного лица — богатыря Манаса. Это нечто вроде степной Илиады. Образ жизни, обычаи, нравы, география, религиозные и медицинские познания киргизов и международные отношения их нашли себе выражение в этой огромной эпопее» [10, т. 1].

Исследования Ч. Валиханова открыли для науки героический эпос киргизского народа «Манас» и положили плодотворное начало разработке проблем манасоведения.

Касаясь итогов своего участия в Иссык-Кульской экспедиции, путешественник указывал, что он собрал здесь «разные положительные сведения», изучая преимущественно предания и язык киргизов, а также небольшую орнитологическую и энтомологическую коллекции. В другом мес-

Районы исследований Иссык-Кульской экспедиции 1856 г. 1 — маршрут экспедиции (май — июль); 2 — маршрут Ч. Валиханова (май — июль); 3 — маршруты рекогносцировочных отрядов экспедиции (июнь); 4 — территория, снятая топографами экспедиции (май—сентябрь); 5 — базы экспедиции.

те ученый сообщает о составленной им записке о киргизах. Результаты поездки Чокана на Иссык-Куль оказались не только значительными и важными, а выдающимися. Это был не просто «сбор разных сведений», как скромно упоминает он о своих исследованиях, а обширные фактические данные, ценные наблюдения, интересные выводы, важные обобщения по географии, истории, о социально-экономических условиях и культуре Киргизстана и киргизов, имеющие во многих отношениях основополагающее значение.

Обратимся к его трудам, созданным на материалах Иссык-Кульской экспедиции. Первый из них — «Дневник поездки на озеро Иссык-Куль» [10, т. 1] — большой прекрасный страноведческий очерк, живое меткое описание природных явлений, быта и обычаев местного населения, памятников материальной культуры Восточного Прииссыккулья и части Заилийского края, данное в виде ежедневных наблюдений в пути его следования.

Еще большую научную ценность представляли «Записки о киргизах» Валиханова — первое крупное оригинальное исследование о Киргизстане и киргизах, выполненное на уровне передовой исторической мысли того времени. Этот энциклопедического характера монографический труд, отличающийся большой научной достоверностью, к сожалению, не завершенный, затрагивает широкий круг вопросов о прошлом и настоящем страны. Его тематика следующая: «Территория и границы»; «Географический очерк

Тянь-Шаня и бассейна оз. Иссык-Куль» (отдельно освещаются рельеф, гидрография, растительный покров и др. природные компоненты); «Древности»; «Торговля»; «Промышленность»; «Образ жизни» («Кочевки», «Одежда», «Вооружения» и т. д.); «Родоподразделение»; «История и исторические предания»; «Язык»; «Литература»; «Религия»; «Нравы и обычаи» и др. В разделе «История» ученый касается вопроса происхождения киргизского народа. В противоположность другим авторам, он считал киргизов исконно местным, автохтонным этносом. К «Запискам» приложены родословные таблицы киргизов.

Материалы Иссык-Кульской экспедиции вошли и в другие труды Валиханова, в т. ч. в «Очерки Джунгарии» (1861)*.

В течение июня экспедиционный отряд оставался на северном берегу Иссык-Куля, произведя съемку между реками Сары Булак и Сёгётти. В этот же период Хоментовским были организованы кратковременные рекогносцировочные поездки «летучих» отрядов по северо-западному берегу озера до ур. Кётмалды на запад. В составе одного из них находился топограф Яновский. В конце июня основная часть экспедиционного отряда, выступив из долины р. Чон-Аксуу, направилась в Верный. Горный хр. Кюнгёй Ала-Тоо был пройден им через пер. Табылгыты. Валиханов прибыл в Верный более коротким путем, проходившим через пер. Шаты.

Топографическая партия экспедиции с конвоем из 35-ти казаков была оставлена в Приссыккулье для продолжения съемок в его юго-восточной части. До осени 1856 г. поручик Яновский, топографы 2-го класса Вараксин, Коновалов и Шестаков засняли пространство от горной гряды Тасма на севере до р. Джууку на западе. За пределами Иссык-Кульского бассейна съемке подверглись районы по левобережью р. Чарын. Всего за 5 месяцев полевых работ (с 10 мая по 10 октября) топографической партии удалось впервые заснять в двухверстном масштабе 19 тыс. кв. верст горной территории, наносимой прежде на карты без надежных данных и точных съемок. Для производства работ использовались теодолит, мензула, кипрегель, буссоль и др. инструменты.

По материалам съемок были составлены: карта оз. Ис-

---

* Позже ученый еще несколько раз побывал на территории Киргизии: в 1858—1859 гг. на Верхнем и Среднем Нарыне и др. районах — в период своего Кашгарского путешествия и в 1864 г. в Кичи-Кеминской и Чуйской долинах — во время похода русского отряда против кокандцев.

сык-Куль и его окрестностей (Яновским и Вараксиным) в масштабе 25 верст в дюйме; отчетная карта районов съемок 1856 г. в масштабе 20 верст в дюйме; карта земель «дикокаменных» киргизов, Заилийского края и сопредельных территорий в пятиверстном масштабе; карта летних и зимних кочевок киргизов и казахов Большого Жуза. В этих работах впервые начертана реальная географическая ситуация; общие черты строения поверхности страны, гидрографической сети, территориальное распространение кочевок местного населения. Ими положено плодотворное начало систематическому картографированию территории Киргизии.

Несколько слов о первых русских топографах, выполнивших трудные, но чрезвычайно важные съемочно-картографические работы, настоящих пионерах в исследовании Ала-Тоо. О начальнике топографической партии Яновском наши сведения весьма скудны. Найти что-либо о его жизни и деятельности до 1856 г. пока не удалось. Возможно, что в 1842 г. он принимал участие в экспедиции А. И. Шренка. После Иссык-Кульской экспедиции, в 1857 г. Яновский возглавил съемки в левобережной части Илийской долины и составил 3 карты в пяти- и двадцативерстных масштабах (на территорию в 23600 кв. верст). В июле того же года его топографическая партия сопровождала отряд П. П. Семенова, занимавшегося изучением северных склонов хр. Кюнгей Ала-Тоо. В 1858 г. Яновский вместе с топографом А. Коноваловым производит триангуляцию пути от Илийска до Копала, а также съемочно-картографические работы между реками Или и Каратал. После он составляет отчетную карту Алатауского и Копальского округов в сорокаверстном масштабе.

Одним из замечательных исследователей Заилийского края и Северной Киргизии был топограф **А. А. Вараксин** (1820—1878). Анемподист Артемьевич [65, б] происходит из солдатских детей бывшей Тобольской губернии. Воспитывался в Тобольском полубатальоне военных кантонистов. Служебную деятельность начал в 1839 г. топографом 3-го класса при штабе Отдельного Сибирского корпуса. С этого времени его тернистый жизненный путь прошел большей частью в дальних странствиях, в местах с дикой, чаще с живописной девственной природой гор, степей и пустынь, совершенно не похожей на заболоченные пространства родного Тобольского края. Весною и летом путешественник находился на съемках далеких неисследованных территорий Западной Сибири, казахских степей, горного Алтая, Северного Тянь-Шаня, восточных пограничных

районов, а зимою занимался обработкой собранного материала, составлением и оформлением картографических и др. работ.

В Заилийский край, к подножиям Небесных гор, Вараксин попал в 1854 г. в составе первой русской топографической партии штабс-капитана Воронина. Помимо съемок в Заилийской равнине, топограф участвовал тогда в выборе и планировке местоположения крепости Верный, будущего города Алма-Аты. В течение последующих шести лет в составе различных русских экспедиций он продолжает съемочные работы, изучение природы Заилийского края и гор Северного Тянь-Шаня (1855—1860), Иссык-Кульской (1855, 1856, 1858, 1860) и Кочкорской (1860) котловин, Чуйской долины (1855, 1859, 1860), Прибалхашья (1859), составляет карты и описания посещенных районов.

Труды А. А. Вараксина, оставшиеся в рукописи, поныне хранятся в Москве в Военно-историческом архиве СССР. Там же мы видели его интересное для того времени общегеографическое описание Прииссыккулья и Чуйской долины, основанное на съемках 1859 и 1860 гг. Составленная им и Яновским карта Прииссыккулья была использована при создании карты Семиреченского края, опубликованной в 1858 г.

В последние годы жизни (с 1869 г.) Анемподист Артемьевич заведовал чертежной Штаба Западно-Сибирского военного округа. Современники высоко оценивают его как прекрасного специалиста-топографа, умелого оформителя и картографа, неутомимого исследователя южных окраин страны. Капитан корпуса военных топографов Вараксин умер 4 марта 1878 г.

Другие члены Иссык-Кульской топографической партии в 50—60-х гг. также работали в бассейне Балхаша и в Северной Киргизии. Так, Никита Шестаков в начале 50-х гг. входил в состав Балхашской экспедиции Т. Ф. Нифантьева. В 1855—1861 гг. он занимался топографическими и хозяйственными съемками в Заилийском крае, в 1856 и 1858 гг. находился в Иссык-Кульской экспедиции, а в 1860 г. вел съемки между Токмаком и Пишпеком. Шестакову принадлежит карта Кокандского ханства, составленная по расспросным данным в 1859 г.

Значителен вклад в географическое изучение края и Александра Коновалова, производившего съемки в разных частях Прииссыккулья (1856, 1860) и в Кочкорской котловине (1860). Он исследовал ущелье Шамшы и Ашмара (1863), возглавил съемку Чуйской долины от Пиш-

пека до р. Талас (1863), составив первую карту и географическое описание этого района. Он один из авторов карты Алатавского и Копальского округов двадцативерстного масштаба (1860). Знаменитое Боомское ущелье получило впервые свое правдивое картографическое изображение в 1860 г. на двухверстной съемке А. Коновалова.

1856 год был ознаменован и другим важным событием — *путешествием* в Тянь-Шань молодого русского ученого **Петра Петровича Семенова,** имевшим большое значение для науки. Несмотря на замечательные результаты, приоритет в исследованиях края, экспедиция Хоментовского все же не делала «погоду» в науке. Основная заслуга в географических исследованиях Тянь-Шаня, его открытии для науки принадлежит П. П. Семенову.

Работая над переводом «Землеведение Азии» Риттера, основательно изучая литературу по ее географии, молодой ученый глубоко заинтересовался природой и народами стран Востока. Вскоре это увлечение переросло в любимую мечту, задушевную цель его стремлений. Он страстно хотел проникнуть и исследовать эти далекие страны и дополнить переводимые им труды европейского корифея географии не книжными, часто устаревшими данными, а живыми впечатлениями, личными наблюдениями. «Манил меня в особенности,— писал впоследствии Петр Петрович,— самый центральный из азиатских горных хребтов— Тянь-Шань, на который еще не ступала нога европейского путешественника, и который был известен только по скудным китайским источникам... Проникнуть в глубь Азии на снежные вершины этого недостигаемого хребта, который великий Гумбольдт, на основании тех же скудных китайских сведений, считал вулканическим, и привезти ему несколько образцов из обломков скал этого хребта, а домой — богатый сбор флоры и фауны новооткрытой для науки страны — вот что казалось самым заманчивым для меня подвигом» [44].

Семеновская идея достижения и исследования Тянь-Шаня была одобрена Гумбольдтом и Риттером во время их встречи в Берлине в 1853 г., хотя они не скрывали своих сомнений относительно возможностей проникновения так далеко в глубь азиатского материка. Вскоре РГО командирует Семенова для исследования Алтая и казахских степей. 1 июня 1856 г. путешественник был уже в Омске, где представился генерал-губернатору Западной Сибири Гасфорту, от благосклонности которого зависела судьба его затаенного замысла. Престарелому генералу импонировало поручение РГО, данное Семенову посетить Зай-

лийский край, изучить его природу и население. «Искавший всякой поддержки своих начинаний» в колонизации Семиреченского и Заилийского краев, он был польщен вниманием Географического общества и согласился удовлетворить намерение путешественника. Гасфорт предписал местным властям оказывать Семенову широкое содействие в исследовании, давать конвой для поездок в горы Заилийского края и включать в его экспедиционный отряд топографов.

За лето ученый объехал на своем казанском тарантасе Алтай, степи Северного и Восточного Казахстана, горы Джунгарского Алатау. Он спешил попасть в Заилийский край, укрепление Верное, куда прибыл 30 августа. Здесь, через два дня, с помощью полковника Хоментовского, Петр Петрович снаряжает свой первый тяньшанский экспедиционный отряд, состоявший из 12 казаков и 2-х проводников. Следуя на восток вдоль северного склона Заилийского Алатау и преодолев хр. Кюнгей Ала-Тоо невысоким перевалом Табылгыты, путешественник в сентябре достиг восточной оконечности оз. Иссык-Куль у устья р. Тюп. Обратно отряд шел по долинам рек Тюпа, Каркыры, Чарына и Чилека, и 16 сентября благополучно возвратился в Верный.

Через несколько дней Семенову представилась новая возможность совершить путешествие во внутренние районы Небесных гор. В 20-х числах сентября во главе отряда из 90 человек Петр Петрович через пер. Каштек и труднопроходимое Боомское ущелье достиг западного берега Иссык-Куля, где он гостил в киргизском аиле, принадлежащем одному из предводителей племени сарыбагыш Уметаалы. Здесь ему удалось разгадать одну из географических загадок Тянь-Шаня, связанных с оз. Иссык-Куль. Риттер, Гумбольдт и др. считали его сточным, причем за реку, вытекающую из озера, одни принимали Чу, другие— Кётмалды. Суждения эти оказались ошибочными. Как выяснил путешественник, Иссык-Куль — бессточный водоем, Чу не вытекает из него, а Кётмалды, наоборот, впадает в озеро в виде ничтожного притока.

В Верный Семенов вернулся 1 октября через высокие, засыпанные снегом перевалы Кюнгея и Заилийского Алатау-Дёре и Кашкелен. Наступала глубокая осень. Ученому пришлось отложить дальнейшее путешествие по Тянь-Шаню до лета следующего, 1857, года. Но первая цель была достигнута: осмотрены и прослежены северные цепи Тянь-Шаня на протяжении более 200 км по долготе, которые удалось пересечь в четырех местах; посещено высокогорное

оз. Иссык-Куль, выяснено его соотношение с р. Чу. Произведенные наблюдения за изменением характера растительности, метеорологических условий и общего облика ландшафтов позволили путешественнику накопить значительные живые впечатления о природе горного края. Наконец ему посчастливилось встретиться и завязать дружеские отношения с представителями местного киргизского населения.

Новое путешествие Семенова по Ала-Тоо состоялось летом 1857 г. В Верный он прибыл 14 мая вместе с художником П. М. Кошаровым, учителем рисования Томской гимназии, приглашенным для участия в экспедиции. Через две недели отряд Петра Петровича, состоящий из 58 чел., выступил во второе тяньшанское путешествие, продолжавшееся более трех месяцев. Обогнув восточную оконечность Заилийского Алатау, отряд проследовал вдоль северного склона хребта Тескей Ала-Тоо, совершая экскурсии в боковые ущелья. Подъем на высокий и крутой перевал Джуука был невероятно трудным. В верхней части его, выше лесной зоны, путь преграждали громадные глыбы и плиты кремнистых и глинистых сланцев. Выше их сменяли гранитные скалы. Когда, после двухдневного мучительного подъема, путники дошли до перевала, то перед ними открылась неожиданная картина. Горных исполинов уже не было, а впереди расстилалась волнистая равнина, по которой медленно нес свои мутные воды один из истоков Нарына. Это был Арабельский сырт, где господствуют высокогорно-пустынно-тундровые ландшафты, с многочисленными моренно-ледниковыми озерами и сазами.

Вернувшись оттуда, Семенов исследовал берега оз. Иссык-Куль, а затем по долинам Тюпа и Каркыры, 26 июня, первым из европейских путешественников, вышел к истокам Сары-Джаза, принадлежащим бассейну Тарима. Ученого изумил и поразил величественный вид горных исполинов Тенгри-Тоо, покрытых ослепительно белым вечным снегом. Их было не менее тридцати. Среди них выделялась бело-мраморная пирамида легендарного пика Хан-Тенгри, которую киргизы-проводники назвали Кан-Тоо («Царь-гора»). В верховьях Сары-Джаза Петр Петрович увидел целую группу альпийских ледников, один из которых был впоследствии назван его именем.

На обратном пути ученый исследовал северные склоны хребтов Кюнгея и Заилийского Алатау, обратив особое внимание на изучение структуры высотной поясности горных ландшафтов. С этой же целью в августе, выступив из Верного, путешественник делает двухкратное пересечение

Заилийского Алатау, посетив при этом верхнюю часть долины Чон-Кемина. Это был его последний маршрут по Тянь-Шаню. 2-го сентября 1857 г. Петр Петрович прощается со своими верненскими друзьями и навсегда покидает горячо полюбившийся горный край. Из путешествия, продолжавшегося 18 месяцев, он возвратился в Петербург в середине ноября.

Так закончилось тяньшанское путешествие, которое сам Семенов скромно оценивал как рекогносцировочно. По кратковременности поездки, обширности охваченной исследованием территории, и неисследовательности ее, трудности условий полевой работы, экспедиция действительно носила рекогносцировочный характер. Однако, если судить по результатам, то тяньшанское путешествие явилось выдающимся исследованием, подлинным научным подвигом молодого русского географа, произведшим коренной переворот в представлениях об этой части горной Средней Азии. Его открытия касались самых различных сторон природы края. По каждому изученному природному компоненту он высказал свое веское слово. В ряде случаев выводы, обобщения Петра Петровича являлись основополагающими.

При суждении о стране, главными считаются обычно ее общий облик, характер рельефа, наиболее типичные черты природы. До исследований Семенова орографическое строение Тянь-Шаня представлялось слишком упрощенно, схематически, и сложный его рельеф рисовался в виде нескольких широтновытянутых линий. Ученый показал ошибочность таких суждений, он впервые начертил реальную орографическую схему гор Северного и части Центрального Тянь-Шаня, указал на их сильную расчлененность и многоярусность в вертикальном плане. Петр Петрович был первым и в изучении морфометрии Тянь-Шаня, измерил высоты 23-х горных перевалов и установил среднюю высоту отдельных хребтов и снеговой линии на них, абсолютную высоту оз. Иссык-Куль, рассмотрел геоморфологию и палеогеографию некоторых впадин Тянь-Шаня.

Не менее важными были результаты геологических исследований Семенова. Он отверг ошибочную гипотезу немецкого географа Гумбольдта о вулканическом происхождении Тянь-Шаня и существовании там огнедышащих гор. Оказалось, что горы имеют сложное геологическое строение и представлены преимущественно магматическими породами палеозоя, нарушенными разломами. Ученый высказал также другой принципиально важный вывод

о складчатой природе гор Тянь-Шаня, получивший подтверждение позже.

Ценны его наблюдения климата, оледенения и гидрологических особенностей страны. Он установил широкое распространение вечного снега в горах Тянь-Шаня, зависимость развития снегов и ледников от географического положения, климатических условий и абсолютной высоты хребта. Петр Петрович разъяснил суть гидрографической связи между р. Чу и оз. Иссык-Куль, явившуюся предметом длительного спора между западноевропейскими учеными. Еще более важными в научном и практическом отношениях явились его выводы о палеогеографии Иссык-Куля, о более высоком уровне озера в прошлом и его изменении. Эта тема дискутируется и в наши дни, став злободневной научной проблемой.

Начало изучению флоры и фауны Киргизии было положено также исследованиями Семенова. Он впервые ознакомил ученый мир с богатым растительным покровом Тянь-Шаня, выявил его флористический состав и особенности распространения. В его обширном гербарии, насчитывающем более 1000 видов, 78 оказались новыми, неизвестными в науке. Им затронута проблема истории формирования современного растительного покрова Тянь-Шаня, его генетических связей с флорой Сибири, Кавказа, Гималаев, Центральной Азии.

Большое значение для дальнейшего развития теории физической географии имело установление Семеновым особенностей высотной дифференциации природных комплексов и описание им смены ландшафтов в горах Тянь-Шаня. Изучив рельеф, растительность и другие черты природных условий Заилийского Алатау, ученый выделил на его северном макросклоне (снизу вверх) пять высотных зон: степную, культурную, или садовую, лесную, альпийскую и вечных снегов, охарактеризовав каждую из них. Данная схема высотной зональности была первой в отечественной литературе для горных стран. В дальнейшем она стала основой при типологии горных ландшафтов, особенно Средней Азии.

П. П. Семенов интересовался не только природой Тянь-Шаня, но и жизнью, историей киргизов, общественно-политической обстановкой в стране, особенностями хозяйства и быта местного населения, которые получили разностороннее освещение в его трудах. Ученый способствовал примирению враждующих киргизских племен — бугу и сарыбагыш, установлению и упрочению дружественных отношений между киргизами, казахами и русскими. Участником

Памятник П. П. Семенову-Тян-Шанскому на западном берегу оз. Иссык-Куль. Открыт 15 августа 1982 года.

его экспедиции художником П. М. Кошаровым были сделаны ценные зарисовки и этюды, воплотившие картины природы и жизни, быта, типы людей и другие черты кочевников Тянь-Шаня середины XIX в.

Природа Тянь-Шаня, многие стороны жизни и политической обстановки в Киргизии, взаимоотношения кирги-

зов с соседями и многое другое описаны Семеновым во многих работах. Но наиболее яркое и колоритное освещение они получили в замечательном труде «Путешествие в Тянь-Шань», который не потерял свое научное и историческое значение до сих пор. Эта книга является одним из выдающихся произведений о Киргизии. Тяньшанская экспедиция открыла эру разносторонних научных исследований русских ученых в Средней и Центральной Азии.

Семенов выступил не только как исследователь, но еще в большей мере как крупный талантливый организатор научного изучения обширных просторов России и многих зарубежных стран. По его инициативе для исследований Средней и Центральной Азии были направлены многие экспедиции Русского географического общества. Благодаря этому и неустанной заботе Семенова, Тянь-Шань еще в дореволюционное время сделался одной из наиболее изученных горных стран мира.

Тяньшанские исследования Петра Петровича получили высокую оценку как отечественных, так и зарубежных ученых. Воздавая должное замечательному научному подвигу, в связи с 50-летием среднеазиатского путешествия, к фамилии Семенова было прибавлено почетное добавление «Тян-Шанский». Имя его носят десятки географических объектов, растений и животных. Среди них — пик, перевал и ледник в массиве Муз-Тоо на Центральном Тянь-Шане, мост на р. Чу.

Выражением признательности за выдающиеся научные заслуги и данью глубокого уважения трудящихся Советского Киргизстана к П. П. Семенову-Тян-Шанскому, великому русскому ученому-гуманисту, стоявшему у истоков дружбы киргизского и русского народов, явилось сооружение монументального памятника в г. Рыбачье, на западном берегу оз. Иссык-Куль. Торжественное открытие его состоялось 15 августа 1982 года.

ПО СЛЕДАМ ПРЕДКОВ

О путешествиях и исследованиях киргизстанцев

Нашу планету изучали и осваивали путешественники и ученые, мореплаватели и геодезисты, люди разных рас и народов. Об их роли и вкладе в познание Земли повествует бесчисленное множество работ. Среди них отметим обширный труд Р. Хеннига (1944—1956), исследования

Дж. Бейкера (1945), И. П. Магидовича (1967), А. Г. Исаченко (1971), Д. М. Лебедева и В. А. Есакова (1978) и многотомную серию «Открытие мира» (1962—1970).

Однако роль местного населения в изучении и освоении Земли, развитии географических знаний у отдельных народов освещены в историко-географической литературе явно недостаточно. Во многих работах участие аборигенов в географических открытиях и исследованиях не отмечается вовсе, что приводит к забвению их вклада в процесс познания мира. Здесь имеет место, видимо, недооценка иными авторами значения деяний местных исследователей, унаследованная еще от т. н. европоцентризма, склонного приписывать все важные географические открытия прошлого европейцам.

Выявление истинной роли местного населения в географических исследованиях и значимых деяний его отдельных представителей немаловажно для истории каждого народа. Оно раскрывает новые страницы в истории культуры, поднимает престиж народа, способствует укреплению интернациональной дружбы между большими и малыми народами и служит делу дальнейшей разработки проблемы национальных отношений. Поэтому изучение роли аборигенов или представителей отдельных народов в изучении и освоении нашей планеты будет иметь не только научное историко-географическое, но и широкое социально-политическое и культурное значение.

История географических открытий и исследований Средней Азии в XIX — начале XX вв. связана прежде всего с именами русских ученых, научные заслуги которых давно засвидетельствованы и оценены в литературе. Существенный вклад в развитие землеведения страны своей полезной, многогранной деятельностью внесло и коренное население, принимавшее непосредственное участие в изучении родного края.

Коренные жители Средней Азии — казахи, узбеки, киргизы, таджики, туркмены и др., практически хорошо зная свою страну, природу, пути сообщения, оказывали всяческое содействие, широкую помощь и поддержку научному исследованию страны, картографированию ее территории. Жители равнинных пространств — казахи, туркмены, узбеки и кара-калпаки — приняли деятельное участие в изучении обширных территорий казахских степей и Туранской низменности. Что же касается горной части Средней Азии, то при ее исследовании неоценимую услугу ученым-путешественникам оказали превосходные знатоки гор — киргизы и таджики.

Киргизы, по свидетельству многих ученых, сочувственно относились к исследователям своей страны, проявляя традиционное гостеприимство и оказывая всяческое содействие экспедиционной деятельности. Их участие в исследованиях рассматриваемого периода носило разносторонний характер. Чаще всего они выступали в качестве проводников, переводчиков, подсобных рабочих, а также коллекторов русских и зарубежных экспедиций и отдельных путешественников. Наряду с этим киргизские эсепчи, кыбачы, улама и др. местные знатоки самостоятельно, независимо от ученых-исследователей занимались разносторонним изучением своего края, его природы, истории и культуры народа, оставив после себя значительное наследие.

Будучи аборигенами Ала-Тоо, изучая и осваивая его горы и долины в течение многих веков, киргизы накопили огромный опыт, знания и навыки в познании природы горного края. Практически они знали всю современную территорию своей страны, а также значительные сопредельные районы Кашгарии, Ферганы, Заилийского края, Текес, Кюнес (Кунгес), Джылдыз, Памир, Ысар (Гиссар) и др., заселенные родственными киргизам племенами. Особенно хорошо, детально были известны им близлежащие долины и горы, перевалы и отдаленные урочища, в которых протекала их хозяйственная деятельность, кочевая жизнь.

Суровая страннческая жизнь, специфика скотоводческого хозяйства, частая смена пастбищ, поиски удобных путей для перегона скота, постоянное общение с природой и борьба с ее стихийными силами заставляли местных жителей быть наблюдательными, хорошо изучить родные горы, их топографию, растительный покров, погодно-климатические условия и другие особенности географической среды.

Наряду с изучением конкретных и региональных природных черт страны и накоплением эмпирических знаний, в киргизском обществе шло также формирование мировоззренческих и других общих представлений — религиозных, космогонических, естественно-научных, унаследованных частью от древнетюркских канонов. С давних пор киргизы пользовались своим оригинальным народным календарем, сложной системой представлений, связанной с древним хозяйственным бытом и эмпирическими познаниями. Киргизские эсепчи и улама вели постоянные наблюдения за периодическими и ритмическими природными явлениями, могли предсказать изменение некоторых метеороло-

гических элементов за тот или иной период, характер сезонов года и т. д.

К замечательным достижениям народного опыта следует отнести рациональное использование и охрану природных ресурсов. В течение длительного времени, на основе эколого-географического подхода, киргизы-скотоводы выработали строгую систему пользования пастбищами горного края (с планомерным круглогодичным циклом в условиях кочевого хозяйства), которая учитывала экологические условия среды, время, сезонность созревания травостоя по высотным зонам, качество и продуктивность кормовых угодий, характер рельефа и погодно-климатических условий. «Эта традиционная вертикальная сезонно-полукочевая система скотоводства,— пишет К. И. Петров,— существовала на Тянь-Шане веками» [34].

Одним из показателей степени изученности территории, характера знаний ее обитателей и использования природных ресурсов и геокомплексов является топонимия страны. В ней отражены бесчисленное количество собственных названий гор, рек, населенных пунктов и других географических объектов, их природные, исторические, социальные особенности, физико-химические свойства и т. д. Система географических названий любой страны — творчество многих поколений людей, созданное веками, олицетворение народной мудрости. Современная топонимия Киргизии, ее названия родового и видового ранга, а также преобладающая часть микротопонимии сформированы исключительно на материале киргизской лексики, что можно рассматривать как несомненное свидетельство огромной роли коренного населения в изучении и освоении Тянь-Шаня и Памиро-Алая. О том же уровне естественно-научных знаний киргизов в прошлом значительное представление дает устное народное творчество, такие эпические произведения как трилогия «Манас», «Эр Тёштюк», «Коджоджаш» и др.

Коренные жители принимали участие во всех путешествиях и экспедициях, работавших на территории Киргизии в XIX — начале XX вв. Сотни и тысячи людей исполняли в них обязанности проводников, переводчиков, коллекторов, охотников, наблюдателей и др. сотрудников. Только одна наша картотека содержит имена около 200 человек из числа киргизов, казахов, таджиков, узбеков, татар и др. местных национальностей — участников экспедиций и оказавших им то или иное содействие.

Исследователи Тянь-Шаня высоко оценивали деятельность многих участников из числа киргизов, отмечая их любознательность, наблюдательность, прекрасное знание

горного края, его природы. Коренные жители «отлично знакомы с местностью, они — лучшие проводники»,— писал известный краевед, один из исследователей горной Средней Азии А. А. Кушакевич (1874) [24]. «Киргизы,— указывал видный исследователь Памира и Центральной Азии С. Гедин [12],— проводники были выносливыми. Один из них Исламбай был родом из Оша. Я действительно был многим обязан этому человеку, который был моим верным спутником во всякую погоду и во всех отношениях... Мы бродили вместе по сыпучим пескам пустыни Гоби, чуть не умирали от жажды, и когда другие пали, он спас мои заметки и карты. Он всегда был первым, когда надо было переходить через высокие, покрытые снегом горы, верной рукой вел мой караван вброд через пенящиеся реки, оставался на своем посту, когда тангуты хотели напасть на нас. Он оказал мне неисчислимые услуги, без него мое путешествие не закончилось бы так счастливо».

О способности и даровитости киргизов, их тяге к европейской культуре писал известный русский ботаник, путешествовавший по Тянь-Шаню в 1903 г., В. И. Липский. «Прекрасным, в высшей степени добросовестным переводчиком», «замечательным знатоком птиц» Ала-Тоо называл своего спутника по экспедиции, киргизского естествоиспытателя С. Абдыбекова крупный исследователь Семиречья В. Н. Шнитников (1915). От местного населения исследователи получали разнообразную и точную информацию о стране, ее природе, населении, духовной и материальной культуре и других сторонах жизни народа, причем эта информация нередко составляла значительную часть публикуемых работ. «Всего и не перечтешь, что они доставляли, о чем говорили и какие сведения передавали мне!— вспоминал о своих информаторах из местного населения А. А. Кушакевич. — Все это вносилось с терпением в мои заметки, составив таким образом добрый материал для описания Ходжентского уезда» [24].

Особенно значительную помощь коренные жители оказывали исследователям в изучении рельефа и гидросети Киргизии, создании топоосновы и установлении ее современной географической номенклатуры. Первые карты, содержащие изображение всей или отдельных частей Киргизии (карты А. И. Левшина, Т. Ф. Нифантьева, Я. В. Ханыкова и другие), были составлены расспросно, по данным, главным образом, информаторов из числа киргизов. Позже, в период экспедиционных исследований Тянь-Шаня и Памиро-Алая, местные жители находились в составе съе-

мочных партий и способствовали успеху топографо-геодезических работ.

Многие месторождения каменных солей, углей, некоторых металлических руд, минеральных источников и других были известны местному населению, которое издавна разрабатывало их для своих хозяйственных нужд. С помощью местных жителей русские исследователи в рассматриваемый период открыли и установили практическую значимость целого ряда новых месторождений полезных ископаемых. Так, жители быв. Ходжентского уезда Авы-Бадель Сангин и Азиз Сафиджанов в 1868 г. сообщили русской администрации о наличии каменного угля в местности Кокине-Сай, расположенной на территории современного Ляйлякского района Киргизии. Известный геолог, исследователь Средней Азии Г. Д. Романовский (1874) характеризовал Сангина как «неутомимого и умного искателя минеральных богатств» [42], который указал ему, а также Н. А. Северцову не только месторождения каменного угля, но и медных, железных, свинцовых руд и каменной соли. Киргизы Черикской и Качинской волостей Б. Канаев и Э. Шооруков показали геологу В. Н. Рябинину (1915) выходы бурых углей на р. Дюнгюреме [64].

Нельзя не сказать о местных натуралистах — кыбачы, улама, ангчы и других знатоках живой природы, которые занимались изучением органического мира, фаунистическими и флористическими сборами. Они хорошо знали фауну края, особенно промысловых животных, их жизнь и повадки, ареалы распространения. Им были известны многие растения, их питательные и лекарственные свойства, благодаря чему они широко использовались в народной медицине. Ценные фаунистические и флористические коллекции, собранные жителями Киргизии, до сих пор хранятся в музеях Москвы, Ленинграда и городов ряда зарубежных стран (В. И. Липский, 1907, 1908; В. Н. Шнитников, 1925; Н. А. Бобринский, 1929 и др.).

Немалую услугу науке местное население оказало своим знанием и бережливым сохранением богатого культурного наследия прошлого, коллекционированием и передачей в музеи и научно-культурные центры археологических памятников, предметов народного прикладного искусства, домашнего обихода и других образцов материальной культуры киргизов.

В условиях антинародного режима царизма исследовательская деятельность представителей коренного населения не получала необходимую поддержку, а их вклад в науку — достойную оценку. Нам известны немногие

случаи, когда участники научных экспедиций из числа «туземцев» удостаивались заслуженных ими высоких наград. За существенный вклад в географическое изучение ряда районов Средней и Центральной Азии, активное участие в научных экспедициях и за проявленные при этом находчивость, мужество и героизм путешественники из Оша были награждены: Мирза Фазылбек Қасымбеков двумя медалями РГО (1891, 1904), Исламбай Мухамед-Рахимов — золотой медалью шведского правительства (1894). Серебряных медалей РГО были удостоены проводник Ферғано-Памирских экспедиций Н. А. Северцова (1877, 1878), житель Гульчи Қазыбий Умербиев и участник Памирской экспедиции Я. С. Эдельштейна (1904) ошанин Султанбек Яушев и др.

Русский путешественник И. В. Игнатьев назвал два сарыджазских ледника именами проводников экспедиции РГО Бектура и Тыная за особые услуги, оказанные ими во время исследования массива Хан-Тенгри (1886).

Заканчивая краткий обзор роли местных жителей в истории изучения горного края, мы вправе сказать, что ни одна научная экспедиция, ни одно так называемое территориальное географическое открытие, сделанное в Средней Азии в рассматриваемый период, не обходились без прямого или косвенного соучастия коренного населения страны.

Слово о киргизских путешественниках и исследователях

Речь пойдет здесь о тех местных землепроходцах, получивших известность своими путешествиями и исследованиями Киргизии и других стран. Мы не располагаем достаточными данными о деяниях отдельных киргизстанцев на поприще землеведения на ранних этапах развития края. О Юсуфе Баласагунском, Махмуде Қашгарском и др. сказано выше. Об участии киргизов в разных военных или эпико-легендарных походах или других кампаниях мы не будем касаться. Из поездок, совершенных с познавательными, политическими или религиозными целями, можно отметить путешествие группы южных и кашгарских киргизов по некоторым странам Среднего и Ближнего Востока около 1680 г. Но результаты его неизвестны. Более определенные сведения имеются о киргизских посольствах начиная с 80-х гг. XVIII в. Довольно подробно о киргизско-русских посольских связях конца XVII — первой четверти XIX в. рассказано В. М. Плоских (1970, 1972, 1982).

Первое известное путешествие представителей Киргизии в Россию состоялось в 1785 г. [37]. Это было посольство в составе Абдрахмана Кучакова и Шергазы Уразбаева, направленное в Петербург через Западную Сибирь предводителем сарыбагышского племени Атаке-Батыром. Посланцев приняла императрица Екатерина II. Несколько путешествий в Западную Сибирь (Семипалатинск, Омск, Тобольск) в первой четверти XIX в., преследовавших политические цели, совершили представители иссык-кульских киргизов из племени бугу, где выделяются братья Шералины Качыбек и Алгазы, входившие в состав посольств. Их дед (Шапак Алдаш уулу), отец (Шералы), как и сами Качыбек и Алгазы, являлись активными сторонниками вхождения Киргизии в состав России. 8 января 1855 г. К. Шералин находился во главе делегации бугунцев, официально принявшей присягу о вступлении в подданство России.

Из киргизских путешественников второй половины XIX — начала XX в. наибольшей известностью в научном мире пользовались ошанин Фазылбек Касымбеков и пржевалец Садырбек Абдыбеков. То, что они представляли города Ош и Пржевальск, закономерно. Как древний Ош, так и молодой город Пржевальск, основанный в 1869 г. под именем Каракола, занимали выгодное географическое положение, важное во многих отношениях. Первый из них стоял на большом торговом пути, имевшем международное значение. Через него шли вереницы транзитных купеческих караванов, отправлявшихся из Туркестанского края, Бухары, Хивы в Кашгарию, Тибет, Индию, а также следующих в обратном направлении. Значительной популярностью Ош пользовался у верующих мусульман благодаря «священной» Сулайман-горе, находившейся рядом. Немало значило его положение у порога «Крыши мира» для путешественников и ученых. Все или почти все экспедиции, отправлявшиеся в Алай, на Памир и др. страны Центральной Азии, избирали древний Ош своей опорной базой, где находили необходимый приют, занимались снаряжением, нанимали проводников и т. д.

Такую же роль играл Пржевальск для исследователей Тянь-Шаня, особенно его центральной части, района Кан-Тоо. Недаром их называли городами путешественников. И действительно, в Оше и Пржевальске всякий год, чаще летом, можно было, как впрочем и в наше время, встретить путешественников с разных концов мира. В этих городах многие годы жили и успешно занимались исследованием края представители местной интеллигенции и путешественники Я. И. Корольков, Н. М. Барсов,

В. И. Вышпольский, П. В. Путилов, С. Д. Безпалец, А. А. Куценко, С. Абдыбеков, Д. Д. Педашенко, С. И. Абрамов, В. А. Пяновский, Я. Б. Силин (в Пржевальске) Б. Л. Громбчевский, Ф. Касымбеков, К. Таирбаев, В. Н. Зайцев, Н. Л. Корженевский и др. (в Оше).

Между Тянь-Шанем и Гималаями

Фазылбек Касымбеков (1863—1919) известный в научных кругах под именем Мирза Фазильбек Хаджи[7], был одной из ярких выдающихся личностей дореволюционной Ферганы. Современники знали его как человека передовых взглядов, демократа-просветителя, общественного деятеля, одного из лучших представителей тогдашней «туземной» интеллигенции. Образованный, эрудированный ученый-востоковед Мирза Фазылбек оставил после себя значительное научно-культурное наследие, добрую память в народе, у учеников и последователей.

Таджик по национальности, Мирза Фазылбек происходит из кызылбашей Южного Памира, где его отец Касымбек был правителем одного из бекств — Шугнана (Бадахшан), подвластного Бухарскому эмиру. Он пал в одном из сражений, и его дети и близкие были переселены в Фергану. Поселившись вначале в селении Арсиф близ г. Ферганы, Касымбеков затем, в 90-х гг., переезжает в г. Ош, где он прожил до первых лет Советской власти, победу которой от души приветствовал.

Имя Фазылбека становится известным в научных кругах с 1888 г., со времени его участия в Канджутской экспедиции РГО, руководимой Б. Л. Громбчевским[8]. Однако по некоторым косвенным данным можно судить, что его экспедиционная деятельность началась раньше, по крайней мере с 1885 г. Касымбеков и Громбчевский были знакомы задолго до Канджутского путешествия. Их связывало, видимо, то общее, которое занимало тогда многих пытливых, любознательных молодых людей — интерес к неведомым странам, стремление проникнуть в глубь этих таинственных земель.

Способный юноша, владевший несколькими восточными языками и русским, хорошо знающий быт и обычаи местного населения, конечно, был на примете ферганской администрации. Возможно, он выполнял ее отдельные поручения. А к середине 80-х гг. Фазылбек уже мог взять на себя более ответственные и сложные обязательства. В 1885 г. он сопровождает Громбчевского в путешествии

по Фергано-Кашгарской пограничной области и Южной Кашгарии до древнего города Хотана, а затем — по Фергано-Суусамырскому району Внутреннего Тянь-Шаня (1886 г.). Эти многочисленные поездки по каменистым ущельям, заоблачным кручам Ала-Тоо и знойным пустыням Кашгарии были трудным испытанием для путешественников. Только в Восточном Алае им пришлось преодолеть 12 горных перевалов, поднимающихся до 3600—4000 и более м над ур. м.

За 3,5 месяца в 1885 г. путешественники прошли около 2000 км трудного пути, почти половину его удалось заснять в пятиверстном масштабе, описать пройденный маршрут, собрать расспросные сведения о путях, ведущих в глубь Тибета, в Канджут, а также через пустыню Такла-Макан. Кроме того экспедиция занималась изучением торгово-экономических условий страны, городов и их планировки, обычаев и нравов местного населения. Большую помощь Громбчевскому во всем этом оказывал Фазылбек. Он осуществлял контакт с местным населением, вел сбор социально-экономических, этнографических и др. расспросных данных. Результаты поездки оказались плодотворными. Получены новые данные по географии посещенных районов. Особую ценность представляли маршрутные съемки.

В 1888 г. Мирза Фазылбек был приглашен для участия в новой экспедиции РГО, руководимой тем же Громбчевским. Теперь путешественники (их было 8 человек) держали путь прямо на юг, в сторону небольшой независимой страны, затерявшейся на заоблачных высотах Гиндукуша и Гималаев, величайших горных систем планеты.

Расположенное в истоках Инда, одной из крупнейших рек Южной Азии, Канджутское (Хунзанское) ханство оставалось малоизвестным внешнему миру и по существу незатронутым научными исследованиями. Достичь его и поведать о нем ученому миру — такова была задача экспедиции.

Однако выполнить ее было нелегко. Предстояло сперва установить точное местоположение страны, найти пути и подходы к ней, а затем уже достичь ее. Перед смельчаками стояли огромные препятствия. Это были прежде всего сама «Крыша мира» — Памир и его величественные собратья — Алайский, Мустагский и другие хребты, где даже перевалы и межгорные долины лежали на высоте 4000 и более м. Чтобы успешно преодолеть их дикие скалистые кручи, труднодоступные горные проходы, глубокие ущелья, заполненные бурными реками, изучить пути и своеоб-

разную природу горных стран, древнюю культуру народов, требовались невероятные усилия, мужество и настойчивость всех членов экспедиции. Путешественники выдержали все испытания. Позади знакомые, но грозные горные проходы Тенгизбай и Қызыларт, Памир-Тогдунбаш, Музтагские Альпы... 1 сентября, через два месяца после выступления из Маргелана, экспедиция РГО прибыла в Балтит — столицу Канджута (Хунзы). Глава его — Сафдер-Али-хан устраивает аудиенцию для членов экспедиции.

40 дней пробыли путешественники в пределах этой заповедной восточной страны, знакомясь с ее природой, хозяйственным укладом, орудиями производства, бытом и обычаями народа. На обратном пути были исследованы долина р. Раскем, формирующейся в недрах Каракорума, отроги Куньлуня и Кашгарских гор, осмотрено месторождение сказочного драгоценного камня нефрита. 27 ноября 1888 г., через Кашгар и Иркештам, экспедиция благополучно возвратилась в Маргелан, преодолев за 4,5 месяца около 3000 км трудного и опасного пути. Материалы, добытые ею, были огромны.

Свою лепту, и довольно существенную, в успех предприятия внес и Касымбеков. На сей раз он был переводчиком и помощником начальника экспедиции, вел метеорологические наблюдения (три раза в день), препарировал добытых птиц и зверей, собирал материалы для словаря канджутского (бурушского) и ваханского языков. Ему приходилось выполнять и ответственные дипломатические поручения. Основные сношения с ханом хунзакутов и его окружением осуществлял Мирза Фазылбек. Сафдер-Али-хан неоднократно беседовал с ошанином, подробно расспрашивая его о России, ее экономической и военной мощи, народах, населяющих страну, стремясь побольше узнать о неведомой для него далекой великой державе.

Следующая, четвертая экспедиция, в которой участвовал Касымбеков, вновь была организована под эгидой РГО. Это наиболее продолжительное и самое трудное из его путешествий. Целью исследования на сей раз явился Кафиристан, неведомая горная страна Пригиндукушья, приютившаяся в пограничной полосе между Афганистаном и Кашмиром. 1 июня 1889 г. путешественники под руководством Громбчевского выступили из Маргелана. Маршрут их проходил значительно западнее предыдущих поездок.

Один за другим были преодолены с севера на юг Алай и Каратегин, Вахиё и Дарваз. Отсюда путники вступили в долину Пянджа с ее головокружительными каньонами и

притоками, расчленяющими Западный Памир на многочисленные мощные скалистые хребты и узкие горные долины. Из Шугнана, родины Касымбекова, экспедиция отправилась в Восточный Памир. Здесь 1 октября она получает ответ — решительный отказ эмира Афганистана Абдурахман-хана допустить ее в Кафиристан. Путешественникам ничего не оставалось как отставить задуманный план и идти в Западное Притибетье, Восточный Гиндукуш и Кашгарию, где исследования были начаты в истекшем году.

Зима и весна 1889—1890 гг. для экспедиции оказались трагичными. Постоянное пребывание и длительные переходы по бассейнам Раскем-Дарьи, Тизнафа и другим высокогорным районам, часто по безлюдным местам и бездорожью, бескормица и отсутствие воды привели к падежу большинства лошадей экспедиции. Из-за этого пришлось бросить часть снаряжения и коллекций, собранных с большим трудом. Лишения, нужда и болезни изнурили и подточили силы путешественников. Но люди не пали духом. Они мужественно, настойчиво продолжали естественно-исторические наблюдения, маршрутные съемки, сбор материалов.

15 октября 1890 г., через 17 месяцев после выступления из Маргелана, экспедиция возвратилась в г. Ош. В телеграмме, отправленной отсюда в Петербург, Географическому обществу, сказано: пройдено съемкой более 7000 верст, определено 73 астрономических пункта, 357 высот, собраны значительные коллекции, богатый географический и этнографический материал, сделано около 400 фотографий. Результаты экспедиции получили высокую оценку научной общественности, а деяния переводчика и помощника начальника экспедиции Мирзы Фазылбека Касымбекова были удостоены серебряной медали Географического общества.

И в дальнейшем Касымбеков продолжал свою исследовательскую деятельность как в составе русских и иностранных экспедиций, так и самостоятельно. Из более поздних поездок отметим путешествия в Афганистан и Турцию в 1896 г. (в составе экспедиции полк. Грушевского), на Памир в 1903 (экспедиция РГО под руководством В. Ф. Новицкого на хр. Петра Первого) и в 1904 г. (экспедиция А. Черкасова). Новицкий характеризует Касымбекова как путешественника хорошо подготовленного вести инструментальные наблюдения и препарировать птиц. «Он являлся для меня,— пишет Новицкий,— помощником чуть ли не во всех экспедиционных работах и оказал большие услуги во время путешествия» [32].

Как путешественник, ученый, общественный деятель прогрессивных взглядов Мирза Фазылбек сформировался в дореволюционном Туркестане под благотворным воздействием русской демократической культуры. Его становлению и духовному развитию способствовало длительное общение с передовыми представителями русской и местной среднеазиатской интеллигенции, систематическое участие в научных экспедициях Географического общества, одного из идейных центров России, инициаторов и проводников многих прогрессивных взглядов и начинаний. Немаловажное значение для развития политического сознания и демократических взглядов имели рост и усиление общественного движения в крае против социального и национального угнетения народных масс.

Свою борьбу против социального зла Касымбеков ведет оружием просветительства, путем распространения знания, обучения детей неимущих слоев населения, ставит вопрос об открытии школ нового типа с введением в них общеобразовательных предметов. Много лет он преподает в г. Оше в русско-туземной школе, а после 1910 г. добивается разрешения на открытие новометодной школы. Однако помещения для нее не нашлось и учитель был вынужден проводить уроки с учащимися у себя дома. Видя авторитет и прогрессивную направленность новой школы, а также под давлением реакционного духовенства, власти поспешили ее закрыть.

В 1914—1917 гг. Касымбеков возглавляет группу демократической молодежи г. Оша, а затем вместе с сыном С. Ф. Касымбековым и другими здесь же создает «Союз учащихся» (1917). Они придерживались прогрессивных взглядов, вели борьбу против духовенства, сбор средств для голодающих, устраивали вечера и общественные спектакли и т. д.

Хотя общественно-просветительская и практическая деятельность отнимали много времени, Мирза Фазылбек не оставлял своих научных занятий. Он продолжал сбор и изучение старинных восточных рукописей по разным отраслям знаний и разработку некоторых интересовавших его тем. По свидетельству А. З. Валидова (1915), посетившего г. Ош в 1913 г., у Касымбекова хранились редкие восточные сочинения, в их числе: История Тимура, Тарих-и-Шахрухи, История Бадахшана и др. Автор последней, Мирза Санг Мухаммед Бадахши, ограничивает описание событий 1808 г. Почти сто лет спустя Мирза Фазылбек продолжил этот ценный труд и довел его до начала XX в., закончив

свое дополнение 11 октября 1907 г. Вот последние строки (л. 203 рукописи) сочинения:

«Окончены родословные Шо- и Хомуша и Сеида Али Шо-вали по прозвищу Шо Хомуш-навоз, четвертого рамазана 1325 года хиджры в городе Ош, рукой и пером Мирзо Фазль Алибека Сурхавсар Дахим ал-ахмар.

Письмена на страницах времени останутся на сотни лет, когда бедный писатель (сойдет) в землю.

Окончена книга с помощью бога-подателя»[9].

«Тарих- и Бадахшан» («История Бадахшана») — не только история его царей, но и история самой страны. Данные книги позволяют судить о жизни народов Бадахшана и соседних областей в XVII—XIX вв., общественных отношениях, хозяйстве, исторической географии и этнографии, об обычаях и нравах.

Более 30 лет усердно, настойчиво трудился Мирза Фазылбек Касымбеков в области землеведения, истории и народного просвещения. Весом его вклад в изучение географии, экономики, истории, этнографии и языка народов и стран, расположенных между Тянь-Шанем и Гималаями. Плодотворная исследовательская деятельность ученого из Оша была отмечена двумя золотыми, серебряной и бронзовой медалями (в т. ч. наградами РГО).

Он был удостоен звания «Почетный гражданин».

Нелегкую, но богатую духовно, насыщенную самоотверженным трудом жизнь прожил Касымбеков. Его недолгая жизнь, активная бескорыстная деятельность были посвящены служению науке и угнетенному народу. Она оборвалась трагически. 14 февраля 1919 года по указке реакционного духовенства Мирза Фазылбек Хаджи был злодейски убит басмаческой бандой в местности Арал — в старой части г. Оша.

Дорогое имя, добрые дела и светлый образ этого замечательного человека, гуманиста хранит народная память.

Путешественник-натуралист из Пржевальска

«Есть труженики науки, которые много сделали для нее, но сами остались малоизвестными. К их числу относится **Садырбек Абдыбеков**». Так писал о киргизском натуралисте, путешественнике из Пржевальска С. Абдыбекове видный советский зоолог Д. П. Дементьев, близко знавший этого большого знатока природы и особенно фауны Тянь-Шаня. Действительно, имя его хорошо известно специалистам-зоологам, изучающим животный мир горного

края. Многочисленные, ценные фаунистические коллекции Садырбека, особенно орнитологические, добытые и прекрасно обработанные им, украшают отечественные и зарубежные музеи, научные учреждения и учебные заведения Москвы, Ленинграда, Лондона, Берлина и др. научных центров мира. Более чем за полувековую исследовательскую и практическую деятельность С. Абдыбеков прошел по Киргизии, Юго-Восточному Казахстану, Кашгарии и Джунгарии десятки тысяч километров тернистого пути, отдавая все силы и знания научному познанию животного мира и природы Ала-Тоо и сопредельных стран.

Садырбек был скромным, любознательным и чрезвычайно трудолюбивым натуралистом. Один из выдающихся исследователей природы Киргизии и Казахстана В. Н. Шнитников (1873—1957), прошедший вместе с Абдыбековым тысячи километров по Тянь-Шаню и Прибалхашью и хорошо узнавший его во время совместных экспедиционных работ 1912, 1913 и 1914 гг., восторженно отзывался о своем коллеге, называя его замечательным человеком. «Садырбек,— писал Шнитников [10],— был настоящим натуралистом в душе, любившим природу и интересовавшимся ею совершенно так, как интересуются ею специалисты, ученые». Прирожденный охотник, «замечательный знаток» природы родных гор, особенно их фауны, «превосходный препаратор, прекрасный, в высшей степени добросовестный переводчик», Абдыбеков являлся ценным, незаменимым участником многих русских и зарубежных экспедиций по Тянь-Шаню и соседним странам. С исследовательскими целями он часто самостоятельно организовывал экспедиции, совершал экскурсии, производя фаунистические сборы и наблюдения за периодическими явлениями, изучая образ жизни зверей и птиц.

Родился Садырбек в 1871 г. в урочище Кётмалды на западном берегу оз. Иссык-Куль, на территории бывшей Торуайгырской волости. Отец его, Абдыбек Беталиев [11], бедняк-скотовод, мог содержать свою семью только при помощи дополнительного заработка или побочного промысла. Таким занятием для него была охота. Но не всегда она была удачной. Чтобы облегчить материальное положение семьи, 15-летний Садырбек отправляется на заработки. Сперва он батрачил у кулаков Сазановки (ныне с. Ананьево), а потом (по-видимому с начала 90-х гг.) стал рабочим у подрядчика-лесопромышленника П. Грошкова в Пржевальске, занимавшегося строительством православной церкви.

Смерть отца, а затем и трагический случай на лесоза-

готовках, приведший к тяжелой травме (перелом ноги) в середине 90-х гг., заставили Садырбека уйти со стройки и посвятить себя охотничьему промыслу. Он знакомится с известными иссыккульскими мергенами и знатоками края Таабалды и Кудакелди Кылдаевыми, Султанбеком Балбаковым и другими, у которых учится искусству меткого охотника, перенимает их богатый опыт следопыта, знания жизни диких животных.

Начинается долгая странническая жизнь молодого охотника, его скитания по горам Прииссыккулья, сыртам Сары-Джаза, лесистым ущельям Нарына, скалистым кручам Кёкёмерена, по многим другим уголкам Ала-Тоо. Садырбек понимал, что для успеха дела необходимо не только владение всем арсеналом охотничьих приемов, но и хорошее знание местности, биологии, условий и среды обитания зверей и птиц. И он внимательно изучает природные условия посещенных территорий, ведет наблюдение за поведением диких животных, стремится уловить «голос», своеобразие «почерка» каждого из них, географическое распространение.

За пять—шесть лет своих путешествий Садырбек уже неплохо знал охотничьи тропы и многих представителей животного мира Прииссыккулья и его сыртов, особенно промысловых зверей — копытных, хищных и пернатых, их местообитание. Первые «уроки», взятые еще у отца, а позже у опытных мергенов, ангчы не прошли даром. Теперь он мог безошибочно указать, где и когда можно встретить того или иного зверя, когда происходит его линька, когда начинается спячка и т. д.

Особенно тщательно он вел орнитологические наблюдения. Ему были достоверно известны, какие птицы зимуют или бывают только на пролетах, обычны или редки они в Прииссыккулье и на Тянь-Шане, если гнездятся, то где. К числу редких гостей Ала-Тоо Садырбек относил хохлатую синицу, черного жаворонка, зяблика, веретенника... Наоборот, обычными, широко распространенными по Киргизии оказываются балобан (ителги), саджа (кылкуйрук карабоор), алтайский дербник (турумтай), вьюрки (аладунга). Так, красноносая чернеть (кызылбаш) зимует на Иссык-Куле в огромном количестве, а вертиголовка (бурмамоюн) наблюдается исключительно на пролете. Клушица (кызылтумшук чёкётаан) свои гнезда устраивает в трещинах скал из кусочков кошмы, перьев, шерсти, яиц кладет по 4—5 штук.

Странным считал Садырбек поведение кукушек (кюкюк), которые в отличие от остальных пернатых бездушно

относились к потомству. Яйца свои они откладывали почти исключительно в готовые гнезда лугового чеканчика, который кормил кукушат, а дальнейшую заботу о них брали на себя сорокопуты.

Эти и другие явления географии и биологии тяньшанской фауны, важные для науки, в начале XX в. еще оставались далеко не ясными. У орнитологов вызывал сомнение характер питания, например, бородача (кёкджору, балтаджутар), одного из грозных представителей авифауны высокогорий. По Абдыбекову, бородач питается главным образом костями. Косвенным доказательством этого служит киргизское название птицы — балта джутар («топор проглотил»). Последнее произошло от того, что бородач, содержавшийся в неволе, проглотил небольшой киргизский топор, приняв его за кость. То, что этот хищник почти исключительно питается костями, подтвердилось впоследствии непосредственными наблюдениями орнитологов. Между прочим, в 1913 г., во время одной из экспедиций, наш путешественник подвергался нападению бородача. Этот любопытный случай, происшедший на южном склоне Тонского перевала, описан очевидцем его В. Н. Шнитниковым.

На рубеже последних двух столетий произошло важное событие, повернувшее жизнь и деятельность С. Абдыбекова, придавшее им большую целеустремленность. Конец прошлого — начало нынешнего века характеризовались бурным развитием промышленности в России, активизацией колонизации Сибири, Дальнего Востока, Средней Азии и Казахстана. Этим было вызвано усиление деятельности многих учреждений и ведомств, особенно Переселенческого управления, Отдела земельных улучшений, Геологического и Гидрологического комитетов, расширивших свои экспедиционные исследования в горах и на равнинах Средней Азии. Повышенный интерес к ней проявляли научные круги ряда зарубежных стран.

В 90-х гг. Киргизию с естественно-научными, историко-этнографическими, общегеографическими целями и для съемок посетили многие русские и иностранные исследователи и путешественники.

В 1900 г. в Прибалхашье и на Тянь-Шане работает венгерская экспедиция во главе с Д. Алмаши. Садырбека приглашают в качестве проводника этой экспедиции по Центральному Тянь-Шаню. Своим знанием природы и животного мира родного края, умением найти и добыть редкого зверя или птицу, он оказал зарубежным ученым большую услугу. Из 169 форм орнитологической коллекции экспедиции, описанной Д. Смалбонесом (1906), значительная

В горах Тескей Ала-Тоо.

часть ее была добыта Садырбеком. Видя способности и возможности киргизского охотника, Алмаши советует ему изучить искусство препаратора, овладеть приемами таксидермии, необходимыми для сборов и изготовления научных коллекций. Одаренный натуралист, настойчивый в достижении поставленных целей, вскоре овладевает этим нелегким искусством.

С этого времени Садырбек часто участвует в научных экспедициях, ведет сбор и препарирование фаунистических коллекций, продолжает изучение животного мира и природы Тянь-Шаня и сопредельных стран. В качестве коллектора и препаратора вместе с учителем из Пржевальска А. А. Куценко [12], он совершает многочисленные поездки по разным районам Ала-Тоо для фаунистических сборов, нередко отправляясь и за его пределы. Летом 1901 г. Абдыбеков и Куценко вновь путешествуют по горам и ущельям Прииссыккулья, Нарына и Атбаши, сыртам Аксая, где была собрана богатая фаунистическая коллекция. Около 1902 г. Садырбек организует свою самостоятельную экспедицию для изучения южных склонов хр. Тескей Ала-Тоо, производит орнитологические и энтомологические сборы, в т. ч. ночных бабочек на Тосоре, в верховьях Конур-Олена, Туюк-Тёра и др. Позже он посещает Кочкорскую и Джумгальскую долины, горы Кабака и другие районы запада

Внутреннего Тянь-Шаня, а в 1908 г.— среднюю часть долины р. Или и южные склоны, отроги Джунгарского Алатау.

Обильные сборы этих лет пополнили фонды русских и зарубежных музеев и учреждений. Например, большая часть коллекции птиц поступила (через А. А. Куценко) в Мюнхен, меньшая — в Томский университет, млекопитающие попали в Британский музей (Лондон). Хорошая коллекция пресмыкающихся, зверей, птиц и беспозвоночных была подарена Зоологическому музею Российской Академии наук, где одних только насекомых (сбор 1901 г.) насчитывалось 1543 экземпляра. Среди них находились новые оригинальные виды, в т. ч. редкая горная ящерица из рода гологлазов, характерная только для Тянь-Шаня и Памиро-Алая.

После смерти Куценко (1909), в предреволюционные годы Садырбек сотрудничает с другим пржевальским учителем С. И. Абрамовым (1886—1966). В 1910 г. они отправляются в зарубежный Тянь-Шань, доходя до восточных пределов бассейнов Джылдыза и Тарима (на юге до Яркенда). Богатая коллекция, добытая на этот раз, содержала представителей разных классов животных, в т. ч. в живом виде. Ими Абрамов щедро снабжал (на коммерческих началах) зарубежные музеи, зоопарки, фирмы, особенно Дрезденский энтомологический институт и зоопарк Гагенбека в Гамбурге. Ежегодно дважды, весною и осенью, он выезжал с живым «товаром» на зарубежный рынок. Большим спросом пользовались тогда тяньшанские рыси, снежные барсы, дикие кошки, красные волки, маралы, косули, из птиц — филины, улары и другие, многие из которых ныне занесены в Красную Книгу.

В 1912 г. в Пржевальске происходит знакомство С. Абдыбекова с известным исследователем природы Семиречья В. Н. Шнитниковым, превратившееся в многолетнее сотрудничество и дружбу этих двух естествоиспытателей, обогативших обоих. Садырбек охотно, с большим желанием участвует в экспедициях Переселенческого управления, возглавляемых Владимиром Николаевичем. Первый год исследовательский отряд работает в Центральном Тянь-Шане, в районе горного массива Хан-Тенгри, сделав за месяц его двойное пересечение с севера на юг и обратно.

Садырбек — проводник и препаратор экспедиции. Вместе со своими испытанными отважными товарищами, великолепно знающими пути и проходы по величественным горам киргизской земли,— Кудакельди и Султанбеком, он уверенно ведет караван. Выступив из ур. Каркыра, путе-

шественники пересекают бурную реку и сыртовую долину Сары-Джаз, преодолевают высочайший (4115 м) обледенелый перевал Тюз, покрытый вечными снегами, и через две недели 31 июля достигают верхней части долины Энильчек, у конца одноименного ледника, крупнейшего в Небесных горах.

Отсюда экспедиция направляется дальше на юг, в Кёйкап — сказочную недоступную страну Кап-Тоо, воспетую в легендах. И действительно, путь через хребет Кайынды к Кёйкапу оказался чрезвычайно трудным и сложным, изобилующим тяжелыми подъемами, невероятно крутыми спусками, глубокими пропастями, опасными для передвижения. Только по Кызыл-Капчыгаю путники должны были из-за бездорожья 17 раз идти по воде — руслу реки. «Такой тяжелой по крутизне дороги я больше нигде не видел»,— писал В. Н. Шнитников, имея ввиду спуск с перевала Чычар. Зато на каждом шагу, за каждым поворотом тропинки, на каждом перевале и в каждом ущелье перед путешественниками открывались все новые и новые картины, одна другой живописнее или грандиознее. Фаунистические результаты экспедиции также были значительны. Здесь нашлись разнообразные обитатели больших высот, типичные не только для Центрального Тянь-Шаня, но и других зоогеографических регионов (гималайский гриф, центрально-азиатский горный баран, тяньшанский большой пестрый дятел и т. д.).

Следующий год был посвящен исследованию Внутреннего Тянь-Шаня. Шнитников вновь приглашает Садырбека в свою экспедицию. На сей раз она работает в бассейне Нарына и долинах его главных притоков Кёкёмерена, Алабуги Атбашы, Кичи-Нарына, а также в верховьях Чу. Маршрут путешествия был не менее трудным, чем предыдущий. Он пересекал с десяток горных хребтов, 15 горных перевалов, десятки речных долин и ущелий, позволивших ознакомиться с разнообразными ландшафтами, их высотной структурой, составом и характером флоры и фауны.

Для Садырбека, как и для проводника экспедиции Кудакельди, все пройденные путешественниками места были хорошо знакомы. Они знали, где можно встретить интересные достопримечательности, редкие виды растений и животных. «А Садырбек,— вспоминает В. Н. Шнитников,— с первых же дней поездки столько раз удивлял меня, что я потом и удивляться перестал. Перед тем как мы должны были попасть в какое-нибудь новое место, он заранее говорил, что там мы добудем такую-то птицу. И едва мы приезжали, как он брал ружье и через некоторое время

приносил обещанную птицу — настолько хорошо он знал свои горы и их животный мир» [55]. Среди добытых им редких представителей авифауны находились синяя птица (сайсагызган), овсянка стюарта (чыйпылдак), черноголовый ремез (куркулдай) и другие.

В том же, 1913, и 1914 гг. С. Абдыбеков путешествует по Прибалхашью и Алакульской равнине, знакомясь с природой и фауной пустынь и пустынных степей. Новые места, «бесконечная равнина, пески, саксаулевые леса, соленые озера, камыши Балхаша и низовьев Или» [55] с их своеобразными ландшафтами, не похожими на тяньшанские, ошеломили натуралиста. Истинный сын гор, где родился, вырос и провел всю жизнь, он с огромным интересом следил за совершенно новой для него природой и накидывался на каждую очередную новинку. То и дело он соскакивал с лошади и мчался за какой-нибудь песчаной ящерицей, за стрелой-змеей, ловил какого-нибудь песчаного жука или с удивлением рассматривал нелепую фигуру степного удава. «Все что он видел в песках, настолько его поражало, что здесь он начал интересоваться даже растениями, на которые раньше не обращал никакого внимания» [55].

Здесь в Корс-Баканасе, у берегов Балхаша, Садырбек добыл саксаульную сойку, редкую для этих мест птицу. Она оказалась первым экземпляром, известным в Семиречье. Среди орнитологов считалось, что саксаульная сойка водится только в Туркмении и неизвестна за ее пределами. Поиски ее в пустынях Казахстана не имели успеха. Поэтому находка и коллектирование саксаульной сойки в Прибалхашье, вдали от обычных мест обитания, явилась неожиданностью и неким открытием для зоологов. Находка эта помогла установить северную границу распространения птицы, которая, в противоположность своему названию, совершенно не встречается в саксаульных лесах, а живет только в песках.

Экспедиция 1913 г. продолжалась до поздней осени. Вместе с В. Н. Шнитниковым Садырбек прошел по горам Внутреннего Тянь-Шаня и пескам Прибалхашья около 3000 км трудного пути. В следующем году экспедиция Переселенческого Управления работала в новом районе — Алакульской равнине, мало похожей на пересеченные песчано-саксауловые ландшафты Прибалхашья. Но и глинистые пустыни Алакульской впадины с полынно-солянковой растительностью, со значительными участками солончаков и приозерных лугово-болотных формаций также были интересны. Садырбеку и Султанбеку и здесь сопутствовала удача. Добыча их была обильна и разнообразна. Одних

куликов оказалось в коллекции 29 видов, не считая многих других представителей местной фауны.

Трагические события 1916 г. прервали плодотворную исследовательскую деятельность натуралиста. Брошена большая ценная коллекция позвоночных животных и насекомых, собранная в течение многих лет. Вместе с тысячами беженцев Садырбек уходит за рубеж и пять лет находится в Илийской провинции Китая, в местности Уч-Джыргалан, что на Кунгесе. И там, находясь среди казахов кызайского рода, он зарабатывает на жизнь и содержит свою семью охотой.

На родину Садырбек возвращается в 1921 г. и энергично включается в строительство новой жизни. Молодой Советской власти оказались необходимы его знания и опыт в организации охотничьего промысла в Прииссыккулье. Он вновь охотится в знакомых угодьях родного края, не упускает случая препарировать интересные экземпляры. Но в 20-е гг. ему больше приходится заниматься с молодыми охотниками, делиться с ними своим богатым опытом; вместе с женой Сулпукан Малдыбай-кызы Абдыбековой (1887—1977) работает в Пржевальской зообазе, где много времени уделяет уходу за дикими животными, предназначенными для отправки живыми в зоопарки и др. учреждения Союза и зарубежных стран. Тогда, как и теперь, интерес к фауне Киргизии был большой.

Как опытный специалист Садырбек избирается в правление Охотсоюза и привлекается к организаторской работе. Он выступает одним из устроителей выставки, приуроченной к открытию I съезда Советов Каракольского кантона, предоставив ей свою орнитологическую коллекцию. Выставочный комитет высоко оценил экспонаты натуралиста. Он наградил Садырбека похвальным листом I степени за «отличное качество» экспонатов собственного производства (1927).

Только при народной власти могла осуществиться давняя мечта натуралиста о создании музея природы. О ней он поведал своему другу В. Н. Шнитникову во время совместных экспедиционных работ. «Когда я как-то спросил Садырбека,— вспоминает Владимир Николаевич,— как он устроил свою жизнь, если был бы богат и мог устраиваться как вздумается, он ответил, что купил бы себе всю землю по Музартам, запретил бы там пастьбу скота и охоту, построил бы музей и занялся собиранием всех местных зверей и птиц» [55]. И действительно, трудами С. Абдыбекова при Иссык-Кульском Охотсоюзе был создан богатый краеведческий музей, отражающий разнообразие природы и

фауны края. Но это был не тот сказочный музей-заповедник, о котором мечтал натуралист. Идея, казавшаяся тогда, в предреволюционные годы, фантастичной, оказалась реальной в наши дни. Ныне в Киргизии существует три заповедника, один природный парк, десятки других охраняемых природных объектов, раскинувшихся на сотни тысяч га.

В 1929 г. как знаток природы и фауны горного края Садырбек приглашается в Противочумную организацию, где он с небольшими перерывами проработал до середины 40-х гг. В связи с освоением сыртовых районов республики, в то время особо остро стояла задача изучения пастбищ и их обследования в эпидемиологическом отношении. С этой целью в течение ряда лет, начиная с 1929 г., С. Абдыбеков принимает деятельное участие в экспедициях этой организации по изучению биологии и распространения сурков и других грызунов Джетиогузских, Сарыджазских и Аксайских сыртов. Освоив метод лабораторных работ, Садырбек много помог в ретроспективном эпидемиологическом анализе по чуме. Хорошо зная сырты, биологию и географическое распространение грызунов, он способствовал выявлению и изучению эпизоотических районов и проведению необходимых профилактических мер. «Вообще о С. Абдыбекове в Противочумной организации остались самые лучшие воспоминания»,— пишет Ф. И. Абрамов, руководитель этого учреждения в Пржевальске в 30-х гг., отвечая на наше обращение к нему.

Сын бедняка и сам бедняк, охотник, Садырбек с горячим одобрением воспринял меры Коммунистической партии и Советской власти по социалистическому преобразованию сельского хозяйства. Он сыграл активную роль в период коллективизации в деревне, выступил одним из организаторов колхоза в Джолголоте в Каракольском районе (1930), где в течение двух лет возглавлял это хозяйство. Там он умер 25 февраля 1950 г.

Таковы некоторые штрихи жизни, исследовательской и практической деятельности Садырбека Абдыбекова, выдающегося киргизского путешественника, замечательного естествоиспытателя, большого знатока природы и фауны родного края. Вся его жизнь и деятельность были посвящены служению народу, науке. Везде, где бы ни работал, с кем бы ни связывала его судьба, он оставил яркий след и добрую память о себе. Имя его хорошо известно зоологам Советского Союза. Своими богатыми знаниями и опытом, обширными коллекциями тяньшанской фауны натуралист делился со всеми, кто в них нуждался. Ими широко поль-

зовались отечественные и зарубежные ученые. Лучший знаток фауны Семиречья профессор Шнитников при описании географии, биологии и экологии 39 видов птиц и некоторых форм млекопитающих Тянь-Шаня опирался на мнение С. Абдыбекова. Многие неясные, спорные или сомнительные вопросы фауны горного края уточнялись у киргизского естествоиспытателя. Это был крупный специалист, пользовавшийся большим авторитетом в научном мире и среди практических работников-охотоведов.

ПРИМЕЧАНИЯ И КОММЕНТАРИИ

[1] На Пишпекском кладбище, в одном из крупнейших археологических памятников христиан XIII—XIV вв., было захоронено, по Н. Н. Пантусову (1886), около 3000 человек. При раскопках могил (1886) он обнаружил 611 надгробных камней с несторианскими надписями, сделанными сирийской письменностью (Ч. Джумагулов, 1971, с. 6.).

[2] О происхождении и объеме названий — Тянь-Шань, Байшань, Циляньшань см.: Н. Я. Бичурин. Собр. свед., т. III, 1953, с. 41, и исторические карты, приложенные к этому тому; В. С. Таскин. Материалы по истории сюнну. Вып. I. М., 1968, с. 147, прим. 183; Его же. Материалы... Вып. 2. М., 1973, с. 84, 151; А. Г. Малявкин. Историческая география Центральной Азии. Новосибирск, 1981, с. 39, 141 (прим. 166, 167), 165—166 (прим. 230), 166 (прим. 231), 167 (прим. 233).

О **тенгри** и Тенгритаге: Махмуд Кошгарий. Девону луготит турк., т. III, Ташкент, 1963, с. 387; Древнетюркский словарь. Л., 1969, с. 544; С. М. Абрамзон. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971, с. 290—293; Тюркологический сборник. М., 1977, 1981 (см. статьи С. Ю. Неклюдова и С. Г. Кляшторного).

[3] Об И. А. Бардашеве, его исследовательской деятельности см.: ЦГА Казахской ССР, ф. 3, оп. 1, д. 47 (формулярный список о службе Ивана Бардашева); там же, д. 11, лл. 14—37 («Расспросное описание путям, лежащим от укр. Верного через Пишпек в Ташкент...», составленное Бардашевым в 1859 г.). Экземпляр этого же описания имеется и в ЦГВИА (ф. 1449, оп. 1, д. 29, лл. 19—35). Другие его маршрутники: от Верного до городов Кашгарии и от Кашгара в Ош опубликованы во II томе сочинений Ч. Ч. Валиханова (1962, с. 543—549, 517). Биографические сведения и характеристику деятельности Бардашева см. также: Ч. Ч. Валиханов. Соч., т. III, 1964, с. 554, 555, 594; В. Плоских. У истоков дружбы. Фрунзе, 1972, с. 144—146; В. Я. Галицкий.— В кн.: Русские путешественники... [43], с. 38—40.

[4] В 30-х гг. XIX в. среди воспитанников Омского казачьего училища находился Илья Воронин. В январе 1837 г. он вошел в число 30 слушателей, предназначенных для «подготовки в топографы» и поступления на службу в корпус топографов. В апреле того же года за «благонравие и успехи в науках» И. Воронин был награжден похвальным листом. Этот воспитанник училища, думается, и стал впоследствии офицером, военным топографом, исследователем Зайлийского края, о котором мы ведем речь. Вместе с ним проходили обучение в Омске Д. Шайтанов, Ф. Варагушин и др., служившие в 50-х гг. в Алатавском округе.—Омский облархив, ф. 19, оп. I, д. 1, 2, 3.

О Воронине см.: ЦГВИА, ф. 1449, оп. 1, д. 18; Центр. Гос. архив Уз. ССР, ф. 715, оп. 1, д. 16.

[5] Архивные материалы о жизни и исследовательской деятельности Т. Ф. Нифантьева: ЦГВИА, ф. 1449, оп. 1, д. 5, 10, 18, 45; ф. ВУА, д. 19275; Омский облархив, ф. 366, оп. 1, д. 246 и 260; ЦГА Казахской ССР, ф. 3, оп. 1, д. 2, 3, 4; ЦГА Узбекской ССР, ф. 715, оп. 1, д. 18.

[6] С. У. Умурзаков. Очерки... [51], с. 106, 107. Хорошо осведомлен-

ный о деятельности русского путешественника в 40—50-х гг., М. И. Венюков пишет, что Нифантьев в 1847 г. посетил Алатауский край (Зап. РГО, 1961, кн. IV, с. 93—94), а в другом месте (Воен. сб., 1873, т. 89, вып. 2, с. 194) указывал, что он был за р. Или. Следовательно, встреча посланца русской администрации в Западной Сибири и представителей солто и сарыбагыш происходила в Заилийском крае, на территории, населенной киргизами еще в XVIII в. Об этом см.: И. Андреев. Описание средней орды Киргиз-кайсаков...— Учен. архив ГО СССР, разр. 64, оп. 1, д. 14, лл. 16 об.— 18; Ч. Ч. Валиханов. Соч., т. I, с. 376.

[7] Предлагаемый очерк о жизни и деятельности Ф. Касымбекова основан на данных различного достоинства. Наряду с архивными и литературными источниками (более 30 названий), при написании очерка мы использовали и расспросный материал, который потребовал особенно критического подхода и сопоставления его с другими данными. Не имея возможности привести здесь все использованные работы, ограничимся перечислением наиболее важных из них.

Архивные — Архив ГО СССР, ф. 1, оп. 1, д. 11; Архив института востоковед. АН СССР (Л-д), ф. 116, оп. 2, д. 83; ЦГА Уз. ССР, ф. 1, оп. 22, д. 824;Ошский облархив, ф. 1313, оп. 1, д. 1.

Опубликованные работы — А. З. Валидов. Восточные рукописи в Ферганской области.— Зап. Вост. отд. Русск. археол. общ., 1915, т. 22; B. Grabczewski, Podroze gen. Grabczewkiego, т. I, II, III Warszawa, Б. г... Его же: Podroze po Azji Srodkowej. Warszawa, 1958; Тарих — и Бадахшан. («История Бадахшана»). Подготовка к изд. и предисловие А. Н. Болдырева. Л., 1959; Т. Г. Абаева. Исследования А. В. Станишевского (Азиза Ниалло) о Памире.— Страны и народы Востока, вып. 16. Памир. М., 1975; С. Өмүрзаков. Касымбеков Мырза Фазылбек.— КСЭ, 1978, т. 3, с. 196—197.

Интересные данные из жизни Ф. Касымбекова рассказали нам старожилы г. Ош О. Хасанов (1896 г. рождения) и А. Насретдинов (1899 г.), бывшие ученики Мирзы Фазылбека — М. Махаммат — Эмин-Оглы (1891 г.), Тюряниязь-Кары (1890 г.), И. С. Сандов (1908 г.) и др. Ценные сведения о своих родителях сообщил К. Ф. Касымбеков, доцент Андижанского педагогического института. Всем им мы выражаем свою искреннюю признательность.

Интеллигентная семья Ф. Касымбекова была одной из самых выдающихся в дореволюционной Фергане. Жена Фазылбека — Таджиниса (1884—1935 г.) — передовая женщина своего времени. Грамотная, энергичная, несмотря на тяготы домашних (растила семерых детей) и хозяйственных забот, она всячески поддерживала деятельность мужа и детей, вступающих на путь борьбы. С установлением Советской власти она активно участвовала в социалистическом строительстве. Мужественную женщину не сломили тяжкие удары судьбы — гибель мужа и сына от рук басмачей. В 1930 г. Таджиниса Касымбекова вступает в ряды Коммунистической партии. В разные годы она работает председателем сельского Совета, агрономом-шелководом, избирается народным заседателем и депутатом Ошского городского Совета, входит в состав ЦИКа Киргизской АССР (1931—1933 гг.).

Старший сын Касымбековых — Санджарбек (1902—1924) — один из активных борцов за установление Советской власти в Туркестане, член РКП(б) с 1918 г., председатель Ошского городского комитета партии (1919 г.). Зверски замучен басмачами в 1924 г.

Не представляется возможности коснуться здесь таких сторон творческой и практической деятельности Ф. Касымбекова, как участие и руководство землеустроительными, ирригационными и др. работами в быв. Ошском уезде.

Касаясь научно-литературного наследия ученого, профессор

А. В. Станишевский говорил нам в Ташкенте в 1975 г., что тому, что оставил после себя Мирза Фазылбек нет цены, оно настолько важно и значительно, что трудно поддается оценке.

[8] Бронислав Людвигович Громбчевский (1855—1926) — известный русский путешественник, исследователь Тянь-Шаня, Памира и стран, расположенных между ними, Гиндукушем и Гималаями в 1885—1893 гг. См.: С. У. Умурзаков. К исследовательской и практической деятельности Б. Л. Громбчевского в Средней Азии.— История русско-польских контактов в области геологии и географии. Л., 1972, с. 67—69; Н. М. Акрамов. Вопросы истории, археологии и этнографии народов Памира и Припамирья в трудах Б. Л. Громбчевского. Душанбе, 1974.

[9] Перевод текста для нас сделал А. В. Станишевский, за что выражаем ему искреннюю признательность. См. также: Тарих- и Бадахшан..., [прим. 7], с. 11.

[10] В. Н. Шнитников. Из воспоминаний натуралиста. М., 1958, с. 230. О жизни и исследовательской деятельности С. Абдыбекова см. также: В. Н. Шнитников. Птицы Семиречья. М.—Л., 1949, с. 7, 75, 92, 95, 98 и др.; М. Аклемов. Исследователь природы Киргизии.— газ. «Знамя труда», 1975, № 42. Работа эта страдает существенными неточностями. С. Өмурзаков. Абдыбеков Садырбек. КСЭ, 1976, т. 1, с. 19.

Своими воспоминаниями о Садырбеке поделились с нами его жена Сулпукан Малдыбай кызы Абдыбекова (1887—1977), Усубакун Бегишов (1886 г. рожд.) — один из участников экспедиции С. Абдыбекова начала XX в., Мокуш Абдиев (1895), оба из с. Ак-Терек Тонского района, Асанбай Қойлубаев (1898) и Актеи Эркимбаев (1905) из с. Джолголот Аксуйского района и др. Интересные сведения о деятельности Садырбека в период его работы в Противочумной станции сообщил бывший руководитель этого учреждения Ф. И. Абрамов (письмо от 7 марта 1973 г.).

[11] Фамилия Беталиев, приводимая Д. П. Дементьевым, вызывает сомнение. Возможно, что при наборе статьи в печать произошла опечатка. Скорее здесь должно быть Бегалиев. Антропоним Беталы (от него Беталиев), если и встречается в киргизском лексиконе, то это — большая редкость. Его нет и в обширном именнике (Словарь киргизских личных имен. Составил Ш. Жапаров. Фрунзе, 1979, 463 с.), содержащем около 6500 онимов. Поэтому можно предположить, что у деда С. Абдыбекова было обычное киргизское имя Бегаалы (Бегалы). К сожалению, никто из близких Садырбека, в т. ч. его сородичи из рода Алагёз-Гава, лично знакомые с ним, не смогли подтвердить или назвать имени деда С. Абдыбекова.

[12] Андрей Андреевич Куценко много лет работал в Пржевальске: в 90-х гг.— учитель 2-х классного городского училища, с 1900 г.— учитель, а затем учитель-инспектор 4-х классного городского училища. В 1908 г. он переводится заведующим школой в город Джаркент (ныне г. Панфилов). Умер в 1909 г. в г. Пржевальске. Занимался сбором естественно-исторических коллекций, преимущественно птиц и насекомых, главным образом, с коммерческой целью, привлекая для этого местных киргизских охотников и краеведов. Основным его коллектором и препаратором являлся С. Абдыбеков. Собранные материалы отправлялись в зарубежные и русские музеи. О путешествии 1901 г.: ЦГА Казахской ССР, ф. 44, оп. 1, д. 1652, лл. 11—13.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамзон С. М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971.
2. Арабо-персидские источники о тюркских народах. Фрунзе, 1973.
3. Бартольд В. В. О христианстве в Туркестане до монгольский период. СПб., 1893.
4. Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию...— Зап. Акад. наук, 1897, т. 1, № 4.
5. Бартольд В. В. Киргизы. Фрунзе, 1927.
6. Бернштам А. Н. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941.
7. Бернштам А. Н. Наскальные изображения Саймалы-Таш.— Советская этнография, 1952, № 2.
8. Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. М.—Л., 1952 (МИА, № 26).
9. Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I—III. М., 1953.
10. Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений. В 5-ти томах. Алма-Ата, 1961—1972.
11. Гафуров Б. Г. Таджики. М., 1972.
12. Гедин С. В сердце Азии. Т. I. СПб., 1899.
13. Григорьев В. В. Восточный или Китайский Туркестан. СПб., 1873.
14. Дементьев Д. П. Скромный труженик науки.— Советская Киргизия, 1946, 8 октября.
15. Джамгерчинов Б. Присоединение Киргизии к России. М., 1959.
16. Джумагулов Ч. Язык сиро-тюркских (несторианских) памятников Киргизии. Фрунзе, 1971.
17. Зуев Ю. А. К этнической истории усуней.— Тр. Ин-та истор., археол. и этногр. АН Казахской ССР, 1960, т. 8.
18. История Казахской ССР. Т. I. Алма-Ата, 1977.
19. История Киргизской ССР. Т. I. Фрунзе, 1968.
20. История Узбекской ССР. Т. I. Ташкент, 1967.
21. Караев О. Арабские и персидские источники IX—XII веков о киргизах и Киргизии. Фрунзе, 1968.
22. Киргизская ССР. Фрунзе, 1982 (спецтом КСЭ; разделы: История исследований; Наука).
23. Крачковский И. Ю. Избранные сочинения. Т. IV. М.—Л., 1957.
24. Кушакевич А. А. Из моих заметок.— Туркестанские ведомости, 1874, № 12.
25. Кюнер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961.
26. Максимов Е. В. Вертикальные движения Тянь-Шаня и Памира в голоцене.— Изв. ВГО, 1972, т. 104, в. 5.
27. Марков С. Вечные следы. М., 1973.
28. Материалы по истории киргизов и Киргизии. М., 1973.
29. Махмуд Кошгарий. Девону луготит турк. Т. 1—3. Ташкент, 1960—1963.

30. Мурзаев Э. М., Умурзаков С. У. Гидронимы Иссык-Куль и Байкал.— Изв. АН СССР, сер. геогр., 1974, в. 6.
31. Мушкетов И. В. Туркестан. Ч. I. СПб., 1886.
32. Новицкий В. Ф. Поездка в хребет Петра Великого летом 1903 года.— Изв. РГО, 1904, т. 40, в. 1—2.
33. Петр Петрович Семенов-Тян-Шанский. Л., 1928.
34. Петров К. И. Очерки социально-экономической истории Киргизии VI — начала XIII вв. Фрунзе, 1981.
35. Плоских В. М. Первые киргизско-русские посольские связи. Фрунзе, 1970.
36. Плоских В. М. У истоков дружбы. Фрунзе, 1972.
37. Плоских В. М. Сапаралиев Д. С. Новые данные о первом киргизском посольстве в Россию.— Изв. АН Киргизской ССР, 1982, № 2.
38. Помаскина Г. А. Когда боги были на Земле (наскальная галерея Саймалы-Таша). Фрунзе, 1976.
39. Развитие географических наук в Киргизии. Фрунзе, 1980.
40. Ранов В. А. Следы стоянок каменного века на Аксай-Чатыркёльских сыртах в Тянь-Шане.— Изв. ВГО, 1971, т. 103, в. 2.
41. Ранов В. А., Несмеянов С. А. Палеолит и стратиграфия антропогена Средней Азии. Душанбе, 1973.
42. Романовский Г. Д. Сборник документов. Ташкент, 1961.
43. Русские путешественники и исследователи о киргизах. Фрунзе, 1973.
44. Семенов-Тян-Шанский П. П. Мемуары. Т. I. Пг., 1917.
45. Современные проблемы географии Киргизии. Фрунзе, 1980.
46. Тоголок Молдо. Чыгармалар. Т. II. Фрунзе, 1970.
47. Умняков И. И. Самая старая турецкая карта мира (XI в).— Тр. Самарканд. пединститута, 1940, т. I, вып. 1.
48. Умурзаков С. У. Из истории русских географических картографических представлений о природе Киргизии.— Учен. зап. КГЗПИ, 1957, вып. 3.
49. Умурзаков С. У. Географическое изучение и картографирование Тянь-Шаня представителями Западной Сибири.— Сб.: Природа Киргизии... Фрунзе, 1980.
50. Умурзаков С. У. География в Киргизии.— Изв. АН СССР, сер. геогр., 1973.
51. Умурзаков С. У. Очерки по истории географических открытий и исследований Киргизии. Фрунзе, 1959.
52. Умурзаков С. У. Первая русская экспедиция на озеро Иссык-Куль.— Изв. ВГО, 1963, т. 95, вып. 4.
53. Умурзаков С. У., Винник Д. Ф. Исторические и археологические свидетельства колебания уровня озера Иссык-Куль.— Проблемы географии Киргизии. Фрунзе, 1975.
54. Хасанов Х. Географическое наследие ученых Средней Азии. Ташкент, 1967.
55. Шнитников В. Н. Из воспоминаний натуралиста. М., 1958.
56. Юнусалиев М. Б. Каменный век Киргизии. Фрунзе, 1979.
57. Hudud al-Alam. Перевод на англ. язык и комментарии В. Ф. Минорского. Oxford, 1937.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

58. Архив Географического общества СССР: разд. 65, оп. 1, д. 11.
59. Омский областной архив: ф. 366, оп. 1, д. 246, 260; ф. 19, оп. 1, д. 1, 2, 3.
60. Ошский областной архив: ф. 1313, оп. 1, д. 1.
61. Рукописные фонды Отделения обществен. наук АН Киргизской ССР. Инв. № 1820.

62. ЦГА Казахской ССР: ф. 44, оп. 1, д. 1652, лл. 11—13.
63. ЦГА Узбекской ССР: ф. 715, оп. 1, д. 16, 18.
64. ЦГИА СССР: ф. 432, оп. 1, д. 421, лл. 143—145 об.
65. ЦГВИА: а) ф. 1449, оп. 1, д. 22; там же, д. 18, лл. 88—97; ф. ВУА, д. 20283;
б) ф. 1450, оп. 1, д. 17, лл. 3—10; а также ф. 1449, оп. 1, д. 6, лл. 170—187.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Б. Г.	— без года
ВГО	— Всесоюзное географическое общество
ВУА	— Военно-ученый архив
ГО	— Географическое общество
д.	— дело
д.ч.	— действительный член
Зап.	— Записки
Изв.	— Известия
КСЭ	— Киргизская Советская Энциклопедия
об.	— оборот
РГО	— Русское географическое общество
Сб.	— Сборник
Тр.	— Труды
Учен. зап.	— Ученые записки
ф.	— фонд
ЦГА	— Центральный Государственный архив
ЦГВИА	— Центральный Государственный военно-исторический архив СССР (Москва).

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3
С четырех сторон горизонта 7
По следам первопроходцев 17
От древнейших охотников Он-Арчы до творцов уникальных памятников Ак-Чункура и Саймалы-Таша . . . . . —
Из глубины веков 26
От древнейших мифов и легенд до отчетов и карт путешественников античного времени . . . . . —
По горам и долинам Ала-Тоо 32
По следам средневековых путешественников . . . . . —
Имена и годы 34
Пути и маршруты 36
Об изученности территории Киргизии в средневековье . . 42
В страну «дикокаменных» киргизов 50
Научные подвиги русских ученых и путешественников . . —
Ранние русские географические известия о Средней Азии и Киргизии (XVI—XVIII вв.) . . . . . —
Путешествия первой половины XIX века 56
«Сведения о дикокаменных киргизах» 60
Эпоха научных открытий 68
Первые тяньшанские экспедиции 70
По следам предков 82
О путешествиях и исследованиях киргизстанцев . . . . —
Слово о киргизских путешественниках и исследователях . . 88
Между Тянь-Шанем и Гималаями 90
Путешественник-натуралист из Пржевальска 95
Примечания и комментарии 106
Использованная литература 109